1996

ЕСЛИ

ЖУРНАЛ ФАНТАСТИКИ & ФУТУРОЛОГИИ

В НОМЕРЕ

1

ИЗДАТЕЛЬ:
«МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ»

1'96 (37)

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ ФАНТАСТИКИ & ФУТУРОЛОГИИ

ЕСЛИ

ТЕМАТИЧЕСКИЙ НОМЕР FANTASY

Редактор журнала:
Александр Шалганов.
Заместитель редактора:
Елена Босовская.
Редакция:
Марина Виденина,
Владимир Губарев,
Михаил Комаровский,
Кирилл Королев,
Тамара Маслова,
Сергей Никифоров,
Татьяна Сычева,
Андрей Чертков.

Иллюстрации:
Анна Аштау *(Д. Харрис)*,
Олег Васильев *(М. Муркок)*,
Ольга Дунаева *(Б. Сигел, С. Сигел)*,
Александр Жабинский *(Д. Уэбб)*,
Александр Михайлов *(С. Логинов)*,
Константин Рыбалко *(Р. Матесон)*,
Алексей Филиппов *(К. Сташефф)*.

Верстка:
ТОО «Апокриф».

Адрес редакции:
103829, ГСП, Москва, ул. Тверская, 16/2.
Телефоны: 200-25-08 (справочный),
209-17-07 (отдел распространения).

Сдано в набор 5.10.95. Сдано в печать 10.11.95.
Отпечатано в ИПК «Московская правда».
123845, Москва, Д-22, ул. 1905 года, д. 7.
Усл. печ. л. 12,2. Уч.изд. 14,1. Тираж 29 тыс. экз.
В розницу цена свободная.
Заказ №0050

МОТИВ

Кристофер Сташефф

Алхимик и колдунья

Ветер, завывая, метался вкруг бревенчатого домика, силился пробиться под карнизами, барабанил в ставни и дверь. Стенали, раскачиваясь под его напором, окружавшие домик сосны. Ветер с лету ударил в законопаченные щели меж бревен, потом, взвившись вихрем, испытал на прочность дранку на крыше и, задыхаясь от ярости, рухнул вниз по печной трубе.

Амер закрыл дымоход. Ветер расшибся о металлические заслонки, замер от удивления и принялся с грохотом колотить по ним. Наконец он сдался и взлетел обратно по трубе, пронзительно воя от разочарования.

Вздохнув, Амер покачал головой и прищелкнул языком при мысли о том, что ветер так никогда ничему и не научится. Амер закончил шов на медной трубке, над которой трудился весь день, и отложил горелку в сторону.

— Мастер, — подала голос гибкая, как язычок пламени, Уиллоу, — а чево мастеришь-то?

Уиллоу, искрящийся шар, заключена была в большой стеклянный сосуд. Если присмотреться повнимательнее, то внутри шарового свечения можно было разглядеть крохотное, очень изящное существо, походившее на человеческое, как беглый набросок походит на портрет.

— Выдувную трубку, Уиллоу. — Амер тщательно осмотрел изделие со всех сторон. Мужчина видный и даже красивый, он казался слишком серьезным для своих тридцати с небольшим лет.

— А чево выдувать будешь?

— Воздух. — Амер подул в трубку, проверяя, хорошо ли запаян шов. Снаружи ветер услышал его и с удвоенной яростью рванулся к каждой трещинке, ко всякой щелке в домике: разозлился, наверное, что его передразнивают.

— Это я и сама понимаю, — сказала Уиллоу, сильно уязвленная. — Я хочу знать, зачем?

— Буду делать стеклянную посуду. — Амер подошел к камину и бросил взгляд в тигель с расплавленным стеклом, на поверхности которого в огне тягуче и густо лопались пузыри. Возле камина набралось много дыма от пышущих жаром углей, и, чтобы избавиться от него, Амер открыл дымоход.

С радостным визгом ветер снова очертя голову бросился в трубу. А секунду спустя вырвался из нее обратно, откашливаясь и отплевываясь от дыма.

— О, как я люблю стекло! — пропела огневушка.

— Оно и вправду ласкает взор, а? — Амер закрыл дымоход и погрузил трубку в расплав. Поднял на конце каплю и принялся дуть, раскачивая трубку медленными, осторожными кругами. Постепенно стекло приняло форму шара.

— Ну прям чудо! — произнесла затаившая дыхание Уиллоу.

— Нет, всего лишь навык. — Амер тряхнул трубку, и шар скользнул вбок. Потом, пользуясь деревянными щипцами, отвел шар в сторону, так чтобы с выдувной трубкой его соединяла загнутая сужающаяся стеклянная трубочка. Обрезав ее, Амер уложил законченное изделие на кучу песка на полу — остывать.

— Красивая штука, — с сомнением в голосе промолвила Уиллоу, — но что это такое?

— Перегонный куб, реторта, — сказал Амер. — В ней я буду кипятить растворы и направлять пары туда, куда понадобится.

Он снова погрузил конец выдувной трубки в расплавленное стекло, и вскоре пробирки, колбы, мензурки и весь остальной ассортимент столь необходимой алхимику посуды оказался на куче песка рядом с ретортой.

— О, как они восхитительны! — восторгалось шаровое свечение. — Только зачем ты понаделал столько?

— Приходится обновлять все оборудование, — объяснил Амер. — Добропорядочные жители города Салем не дают сидеть сложа руки.

Обыватели Салема с превеликим гражданским рвением расколотили все стеклянные принадлежности Амера во время налета на его жилище, после чего от дома остались одни руины. Бескорыстная приверженность добропорядочных жителей города истине (в их понимании) лишила Амера всего: лаборатории, гардероба, книг, жилья, — всего, что удалось десятилетним трудом отвоевать у дикой природы Новой Англии. Едва-едва уцелев сам, Амер не мешкая подался в глухое местечко, упрятанное в самой чаще горных лесов, где, невзирая на дождь и ветер, которые были до той поры единственными и неоспоримыми хозяевами леса, сложил себе из бревен небольшой домик и, насколько мог, восстановил утраченные записи.

Взяв нож и деревянный брусок, Амер направился к креслу возле камина, уселся и стал вырезать фигуру.

— Чево опять мастеришь?

— Макет человеческого скелета, Уиллоу. — Амер осторожно прошелся по тоненькой деревянной косточке ножом, отвел ее на вытянутой руке подальше, придирчиво осмотрел, сравнил с рисунком в Галеновом* анатомическом атласе и,

** Гален — известнейший врач Древнего Рима. Составленный им анатомический атлас много столетий верой и правдой служил европейским медикам. (Здесь и далее прим. перев.).*

удовлетворенный, кивнул. Положив косточку на стол, он взял следующую, грубо выструганную из большого чурбана кость и стал вырезать детали.

— Ну а это-то тебе зачем?

— Чтобы лучше понять строение человеческого тела, моя дорогая.

Под ножом резчика стал проглядывать миниатюрный череп. На столе уже лежали уменьшенная грудная клетка, таз и набор других костей. Тут же высилась объемистая стопка рисунков и записей — все сделаны рукою алхимика. Амер готовил собственный учебник по анатомии.

— О, — воскликнула огневушка, — я тоже пишу книжицу. Назвать ее собираюсь так: «Причудливое поведение прямоходящего примата».

— Ничего себе! — восхитился Амер. — Откуда же ты черпаешь сведения?

— Из наблюдений за тобой. Ну-ка, записываю: «Мастерит маленькие скелетики»...

Амер улыбнулся, гадая про себя, чем пользуется его крохотная собеседница вместо пера, чернил и бумаги. Он, разумеется, и слыхом не слыхивал об электричестве, не говоря уже о способах перераспределения электрических зарядов, которыми давно пользовались огневушки.

— Да ты ведь, дорогая, не менее причудлива, чем я. Огневушкам-эфемеркам книжки писать не полагается.

— С кем поведешься...

— Сдаюсь! — Амер широко улыбнулся.

— Кстати, а почему тебя вытурили из города?

Лицо алхимика помрачнело.

— Самона сказала им, будто я колдун. Правда, к ней самой никто из жителей безумной любви не испытывал... Но они поверили. Должно быть, кто-то ей помог, убедив добропорядочных горожан, что я заключил сделку с Сатаной.

— Мастер! — У Уиллоу даже дух перехватило. — Ты ведь такого не учудил, правда?

— Разумеется, нет! Я алхимик, а не колдун.

В голосе огневушки-эфемерки послышалось недоумение:

— А разница?

— Колдун обретает волшебную силу, продавая душу Дьяволу, — объяснил Амер. — Алхимик же добивается чудесных результатов, изучая бытие природы и разума. То есть открывая законы, описывающие все больше и больше естественных и сверхъестественных явлений.

— Тебе видней. — Все же в голосе огневушки-эфемерки звучало сомнение. — А ты хоть уверен, что в этой дыре ты в безопасности?

— О да, — пробормотал Амер. — В полной безопасности.

Дело в том, что Амер не просто все восстановил. Вокруг домика он широко раскинул хитроумную систему ловушек и предупреждающих устройств, ибо имел более чем веские основания полагать, что добропорядочные колонисты* не успокоятся, пока не выследят и не сожгут его у позорного столба.

— Вполне вероятно, — поделился Амер с Уиллоу, — что жители Салема все еще гоняются за мной. По крайней мере, я совершенно убежден, что Самона не успокоится, пока не сживет меня со света.

— Да кто она такая, эта Самона? И почему она зовет тебя кемточемтоэтимсамым, если ты не такой?

— Самона, — вздохнул Амер, — очень-очень красивая молодая колдунья, которая живет в Салеме, правда, жители пока не уличили ее в колдовстве. В общем, с больной головы на здоровую. Она меня ненавидит.

— Ненавидит *тебя*? — Уиллоу была полна недоверия.

— Да, — подтвердил Амер. Странно, он не питал к Самоне никаких отрицательных чувств; прямо скажем, он с величайшим равнодушием относился к любому существу, которое носит юбку. Возможно, колдунью это злило, поскольку к пуританам она относилась с презрением, но сама она вела себя в высшей степени целомудренно — немало молодых парней носили шрамы, оставленные ее ноготочками, — расплата за домогательства.

— А почему она ненавидит тебя, Мастер?

— Моя магия так же сильна, как и ее.

— Но то ж не причина!

— Таковы женщины, Уиллоу, так уж они устроены, — вздохнул Амер.

— А-а, ерунда это! — решительно заявила Уиллоу. — Я не такая, а ведь я женщина!

— Есть разница, — объяснил Амер. — Ты огневушка-эфемерка.

— А какая женщина без огня и эфемерности? — парировала Уиллоу. — Нет, тут что-то другое.

— Видишь ли, она продала свою душу Дьяволу, а я нет.

Несмотря на отказ продать собственную душу, Амер своими опытами более усовершенствовался в магии, нежели Самона в результате сделки с Сатаной.

— Думаю, и она, и я от рождения были наделены даром творить чудеса — не хватало лишь знаний. Она сочла, что заплатила за свое учение гораздо меньшую плату, чем я, однако сама стала сознавать, что в конце концов счет будет предъявлен — и он окажется непомерно большим.

Амер отложил маленькую косточку и вернулся к камину. Поставил изготовленную стеклянную посуду на поднос и направился с ним к крану-затычке, вбитому в одно из бревен, из которых была сложена стена. Он повернул ручку, и из крана брызнула чистая, искрящаяся вода, хотя ни вокруг затычки, ни за нею не было ничего, кроме плотной древесины бревна. Вода поступала из чистого горного ручья, протекавшего в миле от дома: во время своих исследований Амер времени не терял и многому научился.

Он хорошенько вымыл новую посудину водой с песком, потом установил ее на металлическую подставку. Не теряя времени, он довел жидкость в перегонном кубе до кипения, и пары из него весело побежали, охлаждаясь, по змеевику.

---

* *Так называли себя первые европейские поселенцы в Северной Америке.*

В ожидании, пока колба наполнится, Амер повернулся к этажерке, где выстроились ряды пузырьков, снабженных этикетками, еще один перегонный куб, несколько стеклянных трубочек и маленький тигель. Амер взял еще одну колбу, побольше, наполнил ее водой и поставил на прихотливо вырезанную из дерева спиртовку. Затем алхимик принялся ссыпать в колбу порошки.

— Посмотрим... зеленый перец... сахар... корица...

— Звучит здорово, Мастер.

— ...толченые крылья летучих мышей...

— Га-а-а-адость!

— Масло из серой амбры...

— Фу, Мастер...

— Орлиный глаз...

— Мастер...

— Глутамат мононатрия...

— М-а-а-а-а-стер!!!

— Да, Уиллоу?

— Ты что варишь?!

Амер глянул на пенистую жидкость в колбе.

— Снадобье прозорливости, Уиллоу.

— Чево?

— Снадобье прозорливости. С его помощью я смогу наблюдать за Самоной, где бы она ни была.

— Ты что, подглядка-ищейка, что ли? — возмутилась огневушка.

— Уиллоу! — запротестовал Амер, глубоко уязвленный. — Я всего лишь осуществляю необходимую операцию стратегической разведки.

— Об том я и толкую. Следить за женщиной... а еще Мастер!

— Боюсь, что это необходимо, — сообщил Амер. Он заглянул в колбу. — Видишь ли, она все время ищет способ обратить меня в раба.

Нежное бульканье возвестило, что варево в колбе готово. Амер прочел заклинание и воззрился на жидкость.

— Так, посмотрим... — Он увидел, что колба заполнена вихревыми переливами самых странных оттенков. Амер пробормотал иной вариант заклинания — никакого результата. Попробовал второе, третье заклинание, а потом, потеряв терпение, шлепнул ладонью по стенке колбы. В тот же миг цветовые вихри сплелись воедино, вытянулись, задрожали — и сошлись в фокусе в образе Самоны.

Она была одета в красное бархатное платье с глубоким вырезом на груди и высоким елизаветинским воротником, обрамлявшим ее голову алым сиянием. Лиф платья облегал тело так, будто оно родилось в нем, и, пока оно росло, лиф рос вместе с женским телом, сужаясь в талии и пышно разлетаясь в юбку там, где угадывались плавные линии наполнившихся мягкой полнотой бедер, а затем устремляясь вверх в тщетной попытке укрыть высокую, налитую грудь. Но там, где отступила ткань, преуспели волосы: длинные, мерцающие, они волнами струились вниз, укрывая грудь мягким буйством черных локонов. На чистом, смугловатом лице молодой женщины чернели слегка раскосые глаза и пламенели большие, полные красные губы.

Все это заметил Амер, как замечал каждый день и в детстве, и в юности, почти не осознавая этого. Опять она изменила рисунок бровей, и в волосах снова появились медно-рыжие пряди.

Руки миниатюрной Самоны легко и быстро порхали среди всевозможных пузырьков на полках, протянувшихся вдоль камина, по каплям пуская их содержимое в небольшой котелок, который кипел, задорно попыхивая, на зеленом огне. Самона помешала содержимое котелка, бросила туда щепотку белого блестящего порошка и встала, отсчитывая удары собственного пульса и наблюдая за густеющей жидкостью.

— Что она делает, Мастер?

— Мне показалось, ты говорила, что шпионить нехорошо, Уиллоу.

— Ну, так... зато сплетничать — другое дело. Расскажи!

Амер улыбнулся.

— Она тоже творит снадобье. Вот только какое? Посмотрим... она берет экстракт сладких зефиров... сгущенные слезы... рахат-лукум... Что бы это могло быть?

— Как раз это меня и интересует, — пробормотала Уиллоу.

— Силы небесные! — Амер поднял глаза к потолку. — Еще один афродизиак!

В колбе миниатюрная Самона, сочтя, что времени прошло достаточно, сняла котелок с огня, дала ему отстояться несколько минут, а потом сняла черпаком пенки с отвара и слила их в небольшой пузырек. Глянула его на просвет: жидкость в пузырьке отливала рубином, над горлышком поднимался парок. Глаза Самоны сияли, она взирала на пузырек с самодовольной улыбкой, а насмотревшись, стала хохотать.

Внезапно колба вспыхнула зеленым огнем, и колдунья пропала.

Амер еще несколько секунд стоял неподвижно, всматриваясь в колбу

— Чево там, Мастер? — вскричала Уиллоу. — Мастер? Мастер!

Меж тем Амер взял чистую колбу и принялся хватать со всех полок порошки.

— Что это за снадобье афро-кактотамеще? — требовательно спросила Уиллоу.

— Афродизиак, Уиллоу.

— Что оно делает?

— Стра-а-а-а-анные вещи!

— Какие?

— Ну, — произнес Амер и снова «ну». А потом: — Оно сделает... уф, что я... уф... ну, она станет мне нравиться.

— Чудненько! Тогда вы будете друзьями, верно?

— Что-то в этом духе...

— Мастер, — в голосе огневушки-эфемерки зазвучал упрек, — ты что-то от меня скрываешь.

— Ладно, Уиллоу. — Амер вздохнул и на мгновение оторвался от своего занятия. — Всякий афродизиак вызывает в мужчине вожделение. А то, что варит Самона, еще и приворотное зелье.

— Стало быть, ты чево делаешь?

— Готовлю анти-афродизиак, Уиллоу. Защитное лекарство, — пояснил Амер. — Оно убережет меня от воздействия колдовского снадобья. Посмотрим... Куда я подевал селитру?

— Так, — сказала Уиллоу, — разве ты не хочешь влюбиться в нее?

— Уиллоу, — голос Амера стал жестким, — не задавай нескромных вопросов.

— Почему Самона хочет устроить так, чтобы понравиться тебе?

— Потому что она женщина.

— Да нет же, нет! Я имею в виду — чево ей еще надо?

— Уиллоу, — сквозь зубы процедил Амер, — весьма нетактично напоминать ученому о том, сколь многого он еще не ведает.

— Ладно, извини! Знаешь, по мне, все это такая глупость. Она стряпает зелье, чтоб ты в нее влюбился, а ты замешиваешь свое, чтоб этому не бывать. Вы сберегли бы кучу времени, если б ни один из вас вовсе не стряпал этих снадобий.

— Очень правильная мысль, — согласился Амер. — К сожалению, Самона так не считает.

— А почему?

— Ну... полагаю, дело в том, что, если у нее не получится превратить меня в раба одним способом, она попробует какой-либо иной.

— И афро-кактотамеще принесет ей удачу?

— Начало хорошее, — признал Амер.

— Не понимаю, — произнесла бедняжка огневушка-эфемерка, совсем запутавшись.

— Значит, нас двое, — сказал Амер. — Так, посмотрим... полынь... щепотку желчи... волчий яд...

— Любовные снадобья. — Уиллоу впечатывала новые сведения в свою книгу энергоимпульсов. — Защитные лекарства... Подождите, Гарвард еще услышит про это!

Амер в последний раз взболтал снадобье, поднес его к губам и залпом выпил. Лицо его перекосила жуткая гримаса, алхимик закашлялся, но через минуту улыбнулся:

— Вот так! Я в безопасности!

Звук, настолько низкий, что его скорее можно было ощутить, нежели услышать, заполонил комнату. Уиллоу затрепетала от страха, зато Амер вздохнул свободно:

— И вовремя!

— Добрый день, Амер, — проворковал низкий с хрипотцой голос.

— Добрый день, Самона. — Голос Амера дрогнул, и алхимику пришлось напомнить самому себе, что принятое лекарство начнет оказывать действие лишь через несколько минут.

Самона двинулась к креслу, в котором сидел Амер, и воздушные юбки, облегая, обрисовали ее тело.

— Ты не очень галантен, — сказала она. — Обычно хозяин предлагает гостю отдохнуть после дальней дороги.

— Разумеется, — откликнулся Амер. — Присаживайся. — Он поднялся, взял с каминной полки графин и два бокала. — Амонтильядо?

— Прекрасно, — согласилась Самона, и улыбка на мгновение тронула ее губы.

Наполнив бокалы старым добрым вином, он подал один из них гостье.

— За твое искусство, госпожа. Да будет оно величественнее...

— Лицемер! — воскликнула она. — Предложи тост за что-нибудь другое, Амер, ты ведь не хуже меня знаешь, что никогда не бывать мне могущественнее, чем сейчас.

— Не печалься, — сказал Амер. — Ты еще молода.

— Но своей вершины уже достигла. А ведь и ты молод, Амер, но почему-то твоя сила все прибывает и прибывает. Мне ли этого не знать: я столько времени пытаюсь одолеть тебя.

— Полно тебе, Самона! — запротестовал Амер. — Не следует так легко сдаваться.

— Не верь ей, Мастер! — взволнованно шептала у Амера за спиной Уиллоу. — Помни про зелье!

Ее шепот вывел Амера из благодушия.

— Да! Вот, Самона... я рад убедиться в том, что ты наконец-то перестала гоняться за эфемерными огнями...

За спиной у него кто-то кашлянул...

— Прости, Уиллоу, — прошептал Амер.

Самона ничего не заметила, она повернулась спиной и направилась к камину.

— Ты прав, Амер. Я стала мудрой, пройдя тяжкую школу разочарования. Я знаю, когда я проиграла.

— Уж конечно же...

— Нет, в самом деле, — произнесла она, обреченно опустив голову, — я пришла признать поражение, Амер.

На краткий миг Амер растерялся, думая, что колдунья говорит искренне. Но припомнил мимолетную злорадную улыбку, которую заметил, разливая вино, и сказал:

— Что ж, будем считать, что ты наконец поумнела. Итак — мир?

— Я пришла с миром, — подтвердила Самона. — И в доказательство хочу предупредить об опасности.

— Опасности? Кто же ищет меня?

— Смерть.

— Ну, ее не минует никто, — улыбнулся Амер.

— Ты не понимаешь, — раздраженно заметила Самона.

— Готов постичь неведомое.

— Да-да, и весьма охотно, я знаю, — сказала она с горечью. — Так постигни, ученый, что в том сверхъестественном мире, в каком мы пребываем, Смерть это не сила, но существо.

— Неужели?

— Да, Мастер. Когда колдунья избудет свой земной срок, а иногда и до этого, Смерть является за ней, так сказать, лично.

— Признайся, — сказал Амер, — уж, конечно же, ты придумала для себя какое-нибудь средство защиты?

— Верно, — призналась она, — одна беда: стоит нам расслабиться хоть на секунду, как Смерть уже тут как тут. Она следит за нами гораздо более пристально, чем за обычными людьми, дабы увлечь нас в бездну Ада. — Самона стояла, не сводя глаз с огня, бледная, дрожащая, словно видела, как уставились на нее пустые глаза Смерти.

— Но если Смерть все время караулит вас, — мягко сказал Амер, — почему же ты никогда прежде не задумывалась об этом? Ты говоришь

так, будто впервые почувствовала ее зов...

— Потому что прошлой ночью она явилась в Салем, — произнесла Самона придушенным голосом. — Нынче утром тетушку Койстер нашли дома в старом кресле-качалке возле камина. Она была мертва, как камень. — В зрачках Самоны отразилось пламя горящего камина. — На плече у Койстер еще были видны следы, оставленные костлявыми пальцами.

— Тетушка Койстер? — прошептал потрясенный Амер.

На губах у Самоны заиграла улыбка злобного довольства.

— Да, эта добродетельная древняя ведьма. Ты ведь считал ее символом чистоты, не так ли? А рассказать тебе, скольких ублюдков наплодили они с Моггардом?

— Моггард?

— Верховный Колдун Новой Англии и Вице-Председатель Вселенского Братства Адептов Темных Сил. Старая карга немало раз брюхатела от него — и, разумеется, никто из деток не имел понятия о том, кто их отец.

— Да ведь тетушка Койстер меня катехизису учила!

— А как же иначе. Худшие из худших всегда выглядят самыми достойными и уважаемыми. Рассказать тебе о Секстоне Карриере?

Амер передернул плечами.

— Избавь меня от этого.

Глаза Самоны засияли, на губах мелькнула улыбка. Она тут же отвернулась, а когда снова обратилась к Амеру, то опять выглядела тихой скромницей.

— Хорошо, не будем об этом. Я просто хотела предупредить тебя. Послушай, Амер, наполни-ка снова мой бокал и давай выпьем за... дружбу.

Амер стряхнул с себя оцепенение и вымучил кислую улыбку. Кивнув, он взял с каминной полки графин и наполнил бокалы.

— Красное, как твои губы, моя госпожа, и искристое, как твои глаза.

— Ты быстро схватываешь, — отметила она и подняла бокал: — За нас, мой любезный Мастер.

— Pax nobiscum*, — произнес Амер и выпил.

Едва Амер отвернулся в поисках новой бутылки амонтильядо, Самона с лихорадочной поспешностью вынула изумруд из оправы на своем перстне и опрокинула зелье в оставленный алхимиком бокал вина.

— Мастер, — зашептала Уиллоу, — она что-то льет тебе в рюмку.

— За этим она и пришла, — пробормотал Амер. — Но, как ты понимаешь, я выпил противоядие.

Он отыскал вино, наполнил бокалы.

— Успокойся, — Амер подал бокал Самоне, которая дрожала, взял со стола свой, поднял его, размышляя, какого рода заклятие должно наложить на него зелье. — За твое скорейшее выздоровление, — произнес он и выпил вино до дна.

Самона, наблюдавшая за ним краешком глаза, пробормотала коротенькое заклинание. Потом откинулась в кресле и принялась потягивать вино, дожидаясь, когда начнет действовать снадобье. Ее грудь под темными волнами прикрывавших ее волос мерно вздымалась и опускалась в такт дыханию, и Амер со стыдом осознал, что ему страстно хочется увидеть, что же скрывают мерцающие пряди.

Наконец колдунья поставила свой бокал, глубоко вздохнула, прикусила губу и сказала:

— Амер, я... мне что-то нехорошо. Не посмотришь ли, какой у меня пульс?

— Разумеется, — откликнулся Амер и взял ее запястье. — Похоже, я никак не могу его нащупать.

— У меня это тоже никогда не получалось, — сказала она. — Попробуй, может, услышишь, как бьется сердце. — Она взяла его руку и положила на грудь: Амер убедился, что вырез платья и вправду был очень глубокий.

На какой-то момент он был ошеломлен и совсем растерялся. Потом с оцепенелым изумлением понял, зачем понадобилось снадобье, и весьма обрадовался тому, что принял противоядие.

И все же не смог удержаться и пропустил меж пальцев роскошные черные пряди, позволил своей руке скользнуть по нежным, таким податливым округлостям... Самона задрожала и подалась вперед. Опустившись на колени, он взирал, как вздымались и опускались молочной белизны груди, силясь вырваться из своей бархатной тюрьмы.

Амер взглянул в лицо колдунье: оно было мертвенно-бледным. И вдруг с запоздалым стыдом алхимик понял, что стал первым, кто коснулся ее с нежностью, что дрожит она не от страсти. Охваченный благоговением, он отдал должное ее отваге.

И тогда она устремила на него взгляд, в котором таился страх, и губы ее, затрепетав, мягко раскрылись. Подхватив свободной рукой Самону за спину, меж лопатками, Амер крепко прижал ее к себе.

— Значит, — наконец высказал он с изумлением, — вот оно как...

— Что?.. — вырвалось у Самоны.

— Лопатка, — сообщил Амер. — Она сочленяется с ключицей связкой! А я-то думал, что она соединена хрящом...

Самона замерла и секунду-другую сидела как статуя.

Потом она выскочила из кресла и, визжа не хуже дикой кошки, бросилась к двери.

— Убери от меня свои грязные лапы, идиот! — Самона испепеляла его взглядом и по-кошачьи шипела: — Чтоб ты в преисподнюю провалился!

И в это время — Амер готов был поклясться — глаза ее горели адским пламенем.

Взметнулся клуб зеленого дыма. Когда он рассеялся, Самона исчезла.

— Возблагодарим силы небесные! — вздохнула Уиллоу. — Мастер, ведьма слиняла.

Но Амер стоял столбом.

— Странно... странно, очень странно... — бормотал он.

— Чево, Мастер?

— Я же выпил противоядие...

— Эй, Мастер? — закричала в тревоге огневушка-эфемерка. — Очнись!

---

* *Мир нам (лат.).*

— Я должен это записать. — Амер поспешил к письменному столу и схватился за перо. — Этим сведениям цены нет... Больше, возможно, мне уже никогда такого не испытать.

— Спокойно, Мастер! Согласна: тряхнуло тебя порядком. Давай — ложись и расслабься. Трудный тебе выпал денек, да. Я все для тебя запишу. — Уиллоу приготовилась внести изменения в электрические потенциалы.

Амер добрался до маленькой, приткнувшейся к стене лежанки и улегся, положив голову на подушку, набитую конским волосом.

— Это началось, когда она сказала мне, что пришла возвестить мир...

— Ты, Мастер, просто говори и говори, не останавливайся, — голос огневушки-эфемерки источал сочувствие.

— Она посмотрела на меня, и глаза ее сияли, а весь облик являл смирение...

— Мм-хммм...

— ...и пришла она, трепетная и невинная, отдать себя на милость...

— Так и писать — трепетная и невиная?

— Да, Уиллоу, и в этот миг я ощутил... растерянность!

— Вот те раз!

— Да, Уиллоу, и это тревожит меня...

Ветер метался вкруг домика, взбешенный тем, что его не впускают. Сил у него прибывало, поскольку подходили другие ветры, принесенные черными тучами, которые плыли с запада, затмевая луну. Ветер приветствовал родню, и вместе они обрушивались на домик, завывая и терзая его. Потом надвинулась огромная черная туча и ударила барабаном дождя, предварив его оглушительным раскатом грома. Потоки воды ринулись вниз, безжалостно хлеща маленький домик, а ветры ярились в злобном веселье.

Амер спал тревожным сном. Разбудил его возбужденный голос Уиллоу.

— Мастер! Проснись!

— Что? Где? — Амер поднял голову.

— К тебе гости!

Амер уставился на входную дверь.

Дверь сотрясалась — все громче и требовательнее.

— Силы небесные! В такой час! — Амер скатился с кровати, вздрогнул, едва босые подошвы коснулись холодных досок пола, сунул ноги в шлепанцы и встал. Шаркая, поплелся к двери.

— Потерпите, пожалуйста! Я уже иду. — Амер наконец-то вытащил засов.

Дверь распахнулась, и ветер торжествующе завыл, вихрем устремившись в дверной проем и тут же отпрянул: что-то остановило его. Он взвыл от огорчения, но вспыхнула молния, гром заглушил его стенания, и в мгновенной вспышке Амер увидел силуэт — на пороге стоял человек, одетый в длинный балахон с капюшоном.

Алхимик накинул халат. Затягивая пояс, повернулся к двери.

— Окажите милость, извините меня за такой вид, — сказал Амер, — но должен признаться, что я не ожидал столь позднего визита.

— Все в порядке, — провозгласила фигура за порогом. — Я привыкла, что меня не ждут.

Амер нахмурился.

— Надеюсь, я не покажусь невежливым, — сказал он, — если задам вопрос: кто вы и зачем посетили меня?

— Это я должна была сразу представиться, — произнесла фигура и продолжила уже замогильным голосом: — Имя мое — Смерть, и я пришла за тобой.

Амер вскинул брови.

— В самом деле? — переспросил он и, слегка опешив,добавил: — Что ж, для меня это высокая честь.

И тут же, уразумев, что Смерть все еще стоит за дверью, воскликнул:

— О, силы небесные! Вы, должно быть, продрогли! Входите же скорее!

Несколько удивленная гостья переступила порог домика, и Амер с силой захлопнул дверь. Ветер взвизгнул и принялся в ярости ломиться внутрь. Однако Амер заложил в скобы дубовый брус, затем повернулся и заспешил к камину подбросить свежее полено.

— Пройдите к огню, обсушитесь. Позвольте предложить вам выпить?

— Пожалуй, — откликнулась Смерть. — Полынной, если можно.

— Да, конечно, — сказал Амер, беря с каминной полки еще один графин. Наполнив бокал, он вручил его Смерти, затем налил и себе. Потянувшись, достал с полки пузырек, посыпал на табурет порошок, отдававший запахом цикория, и скороговоркой прочел заклинание. Очертания табурета расплылись, он стал вытягиваться и разрастаться, словно ожившее существо. И тридцати секунд не прошло, как табурет превратился в удобное кресло с высокой спинкой и подголовником. Кресло дало побеги подушек, которые тут же вызрели и расцвели пышным золотистым бархатом.

— Не желаете ли отдохнуть? — предложил Амер.

Смерть не ответила. Кресло манило ее. Но, откашлявшись и прочистив горло, она строго, поделовому произнесла:

— Сначала — о деле.

— Пожалуйста, садитесь, — пригласил Амер.

— Нет-нет, благодарю, — запротестовала Смерть. — Балахон мой еще не совсем высох.

— Ох, простите меня! — воскликнул Амер. — Боюсь, я все еще не совсем проснулся. — Алхимик обернулся к гардеробу и достал кожаный лабораторный наряд. — Будьте любезны, наденьте это, а сырой свой балахон повесьте у огня.

— Нет-нет, благодарю, — молвила Смерть несколько торопливо. — Однако и впрямь становится довольно тепло, должна признаться, что начинаю чувствовать себя хорошо разгоряченной гнедой кобылой. — Она откинула капюшон и распахнула балахон. Амер замер от восхищения. Шейные позвонки гостьи венчал роскошный череп, а под балахоном обнаружился прекрасный, полностью сочлененный скелет.

— Простите, — обратился к гостье Амер, — но не соблаговолите ли вы вытянуть руку?

— Вот так?

— Да-да, спасибо. — Амер схватил перо и принялся рисовать. — А теперь не откажите в любезности подвигать рукой... Да-да, вот так, прекрасно! Понимаете, я сейчас как раз погружен в исследование связи между лопаткой и плечевыми костями...

— Помилуйте! — Смерть плотно запахнула свой балахон, белый череп залился легким румянцем.

— О, вы правы, миледи! — сокрушенно возопил Амер. — Когда я увлечен исследованием, то забываю обо всем на свете. Молю вас о прощении.

— Ничего-ничего, все в порядке, — ответила Смерть, приходя в себя. — У каждого из нас есть свои маленькие слабости. Если вы действительно чувствуете за собой вину, Мастер Амер, то можете искупить ее несколькими каплями полынной.

— Разумеется, разумеется, — бормотал Амер, вновь наполняя бокал. — Вы уверены, что не хотите присесть?

— Нет, благодарю вас, — ответила Смерть. — А вот вам, пожалуй, стоило бы. Боюсь, у меня для вас довольно неприятное известие.

— О! — Амер погрузился в кресло. — Слушаю вас.

— Так вот, — Смерть откашлялась и принялась ходить взад-вперед. — Не хотела бы показаться неблагодарной ввиду вашего высочайшего гостеприимства, но долг есть долг... Разумеется, вы, Мастер Амер, осведомлены, что никто не живет вечно.

— Да, — подтвердил Амер, улыбаясь хотя и доброжелательно, но озадаченно.

— Так уж устроено, — выговорила Смерть с ноткой раздражения в голосе, — что все должны когда-нибудь умереть, и... вот... Пропади все пропадом, Амер, нынче пришел твой черед.

С минуту потрясенный Амер сидел в полном молчании, потом произнес бесцветным голосом:

— Понимаю...

— Мастер! — завопила Уиллоу. — Чево делать-то будем?

— Что ж, Уиллоу, — медленно проговорил Амер, — похоже на то, что вскоре ты наконец-то обретешь свободу.

— О, не хочу я ее, не надо мне ее! Не такою ценой!

— Мне жаль, старина, — сказала Смерть грубовато, — только чему быть — того не миновать.

— Я все понимаю, — ответствовал Амер, уставившись на огонь в камине. — Только... ну, не странно ли?

— Что?

— Самона. По неведомой причине — единственное, о чем я сейчас думаю, так это о том, что надо было бы мне поцеловать Самону. Хотя бы раз и без противоядия... — Он повернулся и обратился, хмурясь, к Смерти: — Так что заставляет меня об этом думать, а?

Слеза выступила на краю пустой глазницы и скатилась по твердой белой скуле.

— Будет тебе, Мастер, лучше покончим с этим поскорее! Дай мне твою руку.

Амер, не обращая внимания на протянутые к нему костлявые пальцы, бесцельно шарил глазами по комнате.

— Ведь столько еще надо совершить...

— То же самое сказал Цезарь, когда я пришла за ним. Ну, хватит, перестань себя мучить!

Блуждающий взор Амера упал на миниатюрные косточки, которые он вырезал поутру. Он медленно перебрал деревяшки. Задумчиво взял со стола моток тонкой проволоки и принялся скреплять ею части миниатюрного скелета.

— Позволь мне закончить, — попросил он. — Только это — и я пойду с тобой.

— Хорошо, но поторопись, — согласилась Смерть. Причем в ее голосе прозвучала нотка облегчения.

Смерть вновь принялась расхаживать взад-вперед.

— Если б только у тебя хватило ума держаться подальше от магии, я бы дождалась срока...

— Что плохого в магии? — Амер закрепил ключицу.

— Согласна: дело не в ней, а в том, каким путем ты приходишь к магии. Вот что волнует тех, вышних.

Амер поднял голову. Смерть обернулась к нему и наставила на него указующий перст.

— Мог бы, по крайней мере, наложить на дверь заклятие. Твой хозяин сообщил бы тебе с десяток формулировок.

Амер улыбнулся и покачал головой.

— У меня нет хозяина.

— Какая беспечная и абсолютная небрежность! Да если бы ты... Что ты сказал?

— У меня нет хозяина.

— Ну да, конечно! И ты, понятное дело, никакой не колдун!

— Совершенно верно, я не колдун. — Амер старательно прилаживал таз с крестцом к позвоночнику.

— Откуда же тогда магия?

— Думаю, это врожденное. Правда, одной природной способности мало: нужно еще учиться тому, как ею пользоваться. — Тема явно доставляла Амеру удовольствие. — Что выиграли все ведьмы и чародеи в здешних окрестностях от своей сделки с Дьяволом? Только одно: получили наставления. Разумеется, много таких, у кого вообще никакой силы нет: Сатана и его присные лишь убаюкивают их россказнями, заставляя верить, что они способны творить магию. — Амер свел брови, устремив взгляд в неведомую высь. — Несколько лет назад я узнал, что на Востоке есть святые люди, которые знают, как творить чудеса, хотя это вовсе не главная цель их учения, и они действительно обучают тех, кто воистину желает духовного совершенствования. Им нет нужды обрекать свою душу на вечные муки в геенне огненной. Жаль, что я не знал о них, когда начал учебу.

— Тогда как же ты учился? — требовательно спросила Смерть.

— Самостоятельно, — сказал Амер, скрепляя проволокой бедро. — В ходе исследований, на опытах, путем упорных размышлений. Я экспери-

ментировал, пока не обнаруживал законы, которые правят миром.

— Законы? — переспросил Смерть. — Какие еще законы?

— О, их множество... принцип равнозначности, например: за каждый достигнутый тобой результат всегда придется так или иначе расплачиваться. Или принцип подобия, который позволяет мне сделать что-либо кому-то (скажем, бородавку удалить) всего лишь тем, что я проделываю это самое с образом, слепком, копией данной личности — если я научился правильно фокусировать свои мысли. На самом деле это лишь проявление более общего принципа, а именно — закона символизма: «Символ есть предмет, который он представляет». У меня есть основание полагать, что существуют иные миры, иные вселенные, к которым правила магии не применимы — они там не действуют. Там, например, символ не есть предмет.

— Фантазии, — фыркнула Смерть.

— Для нас — да. Только ведь и мы — фантазии для Жителей этих вселенных. В нашем мире, где алхимик ведет разговоры со Смертью, законы магии работают довольно исправно.

Смерть настороженно взглянула на Мастера.

— Вы, стало быть, не продали свою душу?

— Ни в малейшей мере, — ответил Амер. — Invictus*.

Смерть долго вышагивала возле камина, погруженная в раздумья. Амер прикручивал своему скелетику последний палец ноги, когда череп над балахоном опять заговорил:

— Может, и так. Только эту историю я уже слышала — и не раз. И почти всегда она оказывалась ложью. Боюсь, тебе все же придется пойти со мной.

Амер грустно улыбнулся.

— Возможно, мне не стоило быть столь гостеприимным, — промолвил он. — Тогда, вероятно, ты даровала бы мне благо сомнения. — Мастер захлестнул проволочную петлю вокруг ноги скелетика и положил его на стол.

— Вероятно, — отозвалась Смерть, — хотя возможность подкупа не беспокоит меня: я не беру взяток. Однако ты уже закончил свою игрушку. Время пришло.

— Еще не совсем, — сказал Амер, обвивая другой конец проволоки вокруг ножки стола. Вытащив из кармана халата пузырек, он высыпал порошок на свою модель.

— Милайохгим-слох-яхгим, — произнес он.

— Что?

— Милайохгим-слох-яхгим, — любезно повторил Амер.

— Это еще что такое?

— Ну, с практической точки зрения, это означает, что ты не сможешь сдвинуться с места.

— А еще говорил, что не колдун! — сказала Смерть. — И выпивку делаешь из воздуха.

— Ничуть. — Алхимик прищелкнул пальцами, и штоф абсента появился на столе. — Я ее перемещаю в пространстве. Есть в Бостоне торговец спиртным, который все время обнаруживает пропажу бутылок среди своих запасов.

— Воришка! — обвинила Смерть.

— Вовсе нет: всякий раз, когда пропадает бутылка, торговец находит золото. Я всякий раз кладу на стол самородок, прежде чем переместить бутылку. Масса бутылки должна быть замещена равной массой, — объяснил Амер. — Положим, я мог бы положить и булыжник, однако это нечестно. Полагаю, торговец остается доволен.

— Я думаю! А где же ты достаешь золото?

— Обычный ивовый прутик помогает отыскивать золотую жилу.

— И ты рассчитываешь, что я поверю, будто твоя сила не имеет ничего общего со сверхъестественным?

— Сейчас я тебя ни в чем не смогу убедить, — парировал Амер. — Ты слишком много выпила.

— Всего-то пару бокалов, — возмутилась гостья.

— Охо-хо! — заплетающимся языком произнесла огневушка-эфемерка. — Уж я-то счет веду! Свой пятый бокал шартреза вы опрокинули час назад, — радостно, хоть и невнятно, сообщила Уиллоу. — С тех пор вы выдули шесть стаканов шартреза, четыре коньяка и четыре абсента.

— Уиллоу, — сообщила Смерть, — ты прозевала свое призвание. Из тебя вышла бы превосходная Совесть.

— И что самое главное, — заметил алхимик, — у тебя будто вовсе ни в одном глазу.

— Я бы так не сказала, — заметила гостья. — Ну ладно, Мастер Амер, нацеди-ка мне еще абсента, а не то, пожалуй, мы начнем философствовать.

— Силы небесные! Только не это! — Амер торопливо наполнил бокал. Гостья отхлебнула и, удовлетворенно вздохнув, откинулась в кресле.

— А знаешь, Мастер Амер, — сказала она, — ты мне нравишься.

— Премного благодарен, — сказал Амер.

Смерть глянула на него пристально.

— Колдун! — выпалила она, изобразив великую суровость. — Много заклинаний наговорил ты по моему адресу?

— Ничего подобного, — возразил Амер. — Просто дело в том, что абсент размягчает сердце, оно становится нежнее.

— Я не забуду об этом, — сказала Смерть, — если ты снова наполнишь бокал. Только на сей раз — полынной.

— Попробуй ее с можжевеловым джином. — Амер отмерил в бокал тройную порцию.

— А ведь тебя выпивка, похоже, не берет, — заметила Смерть.

— Массер выпʼл тока две масюсенькие рюмки брʼнди, — пролепетала Уиллоу.

— Ничего, я свое наверстаю, — заметил Амер и добавил в джин немного полынной.

Смерть попробовала коктейль.

— Неплохо... Даже, прямо скажем, весьма хорошо. Это ваше изобретение, Мастер Амер?

— Да, мое, — сказал Амер, очень польщенный.

— Как вы называете этот напиток?

* *Оклеветан, облыжно обвинен (лат.).*

— Я назвал его в честь святого — в этот день я впервые попробовал коктейль.

— И то был...

— День Святого Мартина.

— Напиток, кажется, и впрямь превосходный, — донесся чей-то сальный, но режущий слух голос. — Можно и мне немного?

— А как же, разумеется, — сказал Амер. Он налил полынной в бокал, прежде чем удосужился поинтересоваться, откуда взялся голос.

Обернувшись, Амер увидел чудовищно толстого человека в громадной черной накидке и конусообразной с плоским верхом широкополой шляпе, на которой красовалась давно не чищенная пряжка. Лицо гостя настолько обвисло, что вкупе с мрачным выражением делало его похожим на бульдожью морду. Губы его кривились в дикой ухмылке.

— Амер, — произнес еще один голос, на сей раз женский, — позволь представить тебе Мастера Моггарда, Верховного Колдуна Новой Англии и Вице-Председателя Вселенского Братства Адептов Темных Сил.

Амер обернулся и увидел стоявшую в дверях Самону.

— Кто это там? — спросила Смерть, поскольку сидела лицом к огню в кресле с высокой спинкой и не видела стоявших за спиной Самону и колдуна.

— Самона и один... э-э... приятель, — сказал Амер. — Они, кажется, уже... — Тут он замолк на полуслове: на дне пустых глазниц черепа он различил провалы огня.

— Мастер Моггард, — представила Самона, — это Амер, тот человек, о котором я вам говорила.

Моггард вперевалочку двинулся вперед, вытянув корявую, волосатую лапищу.

— Весьма рад, — прокаркал он.

— Не могу сказать, что взаимно, — пробормотал Амер, поднимаясь, чтобы пожать словно кислотой потравленную конечность.

Моггард, переваливаясь с боку на бок, двигался вдоль стен дома, осматривая колбы и реторты, книги, исследуя порошки. Он обернулся в тот момент, когда Амер подавал Самоне бокал.

— Превосходно, превосходно, — сказал колдун, направившись к ним. — У вас отличнейшая лаборатория, Мастер Амер.

— Благодарю вас, — произнес Амер, с легким поклоном принимая похвалу. Он по-прежнему держался настороже.

— Вы ведь, насколько мне помнится, не член Братства?

— Нет.

— То есть знания свои вы накопили без помощи какого-либо другого... э-э... советчика?

— Разумеется.

— Понятно. Этого я и опасался, — выговорил Моггард. — Уверен, Мастер Амер, вы способны оценить, в каком неприятном, затруднительном положении мы оказались. Мы не можем позволить человеку практиковать здесь без... Словом, без одобрения нашего руководителя.

Взгляд Амера сделался жестким и острым.

— Не думаю, что у вас есть право давать мне рекомендации.

— С сугубо формальной точки зрения, возможно, и нет, — улыбка Моггарда дополнилась оскалом. — Однако существуют способы воздействовать... э-э... на обстоятельства, в коих пребывают люди, с нами не согласные. К примеру, ваше изгнание из Салема не было случайностью.

Амер нахмурился.

— Я понял, что не добропорядочные горожане выдумали, будто я колдун. Мне ведомо, что Самона внушила им такую мысль...

— Однако вы должны были бы также понять, что женщине, столь молодой и не обладающей серьезным влиянием, было бы не по силам вызвать подобное брожение в общественной жизни. — Моггард вплотную надвинулся на Амера. Мы определенно хотели, чтобы исход оказался для вас окончательным...

Самона вскинулась, потрясенная.

— Да, проблема, каковую вы являете, должна была получить надлежащее решение. Однако вы оказались чересчур хитроумны...

— Скверным был сам замысел, — с иронией произнес Амер. — А что касается исполнения...

— О, думаю, вы недооцениваете нас — как мы, признаю, недооценили вас. Знания и умения, продемонстрированные вами, ставят вас в особое положение.

— Ценю ваши усилия.

— Уверяю вас, хоть это похвала, но одновременно и предостережение. Суть дела в том, что теперь мы обязаны либо прийти к соглашению, либо уничтожить вас.

— Любопытно, как вы предполагаете это осуществить?

Моггард задумчиво поджал свои обвислые, будто у рыдающего бульдога, губы.

— Это несколько против правил, однако человек ваших достоинств заслуживает откровенности.

Это означает, догадался Амер, что Моггард рассчитывает нагнать на Амера страху и тем отвлечь его от приверженности Богу и доброте, присовокупив силу алхимика к своему шабашу.

Ухмыляясь, Моггард произнес:

— Мастер Амер, ваша деятельность основана на знании определенных законов, которые вы своими опытами обнаружили, не так ли?

— Я этого никогда не скрывал.

— Тогда вы поймете, каковы будут последствия, если эти законы перестанут действовать в том пространстве, которое вас окружает. Ну, скажем, в радиусе пяти метров. И эту «сферу отрицания» вы будете волочить за собой, словно раб свое чугунное ядро.

Улыбка исчезла с губ Амера.

— Это невозможно. Это противоречит законам природы.

Моггард осклабился:

— В общем смысле — конечно. Но в определенной точке пространства... Впрочем, у вас есть выбор. Вы можете вступить в Братство.

— Понятно. — Голос Амера был спокоен, однако лицо его побелело. Он отвернулся и

глянул на пламя за каминной решеткой. — Итак, энергия, связующая воедино мельчайшие частички материи, потеряет свою силу — и все вокруг меня обратится в пыль.

— Настолько тончайшую, что ее не увидеть, не ощутить, — с удовольствием подтвердил колдун.

— В том числе и еда.

— Я вижу, вы постигли самую суть проблемы, — согласился Моггард.

— Короче, если я откажусь продать свою душу, то умру от истощения.

— Завидная проницательность, сэр! Честное слово, вы меня восхищаете.

— Умрет от голода! — Самона резко повернулась к колдуну. Лицо ее побледнело, губы дрожали. — Нет, Моггард! Ты говорил, что лишишь его магической силы — и только!

— Верно, милочка, но тогда я не знал, с кем имею дело.

— Я не позволю!

В глазах Моггарда вдруг появился блеск, и он стал надвигаться на Самону, не сводя с нее крысиного взгляда.

— Очень хорошо, милочка! Такой поступок заслуживает наказания. А взыскания налагаю я сам.

Самона отшатнулась от него, полная отвращения и трепещущая от страха. Моггард подался за нею.

— Оставь ее! — закричал Амер, схватив кочергу.

Моггард повернулся и двинулся к Амеру.

— Ты желаешь испробовать мою силу?

Откуда ни возьмись появилась костлявая рука и схватила Амера за запястье. Алхимик вперил взор в пылающие глазницы Смерти.

— Отпусти меня, — заговорила Смерть низким, сердитым голосом. — Глупец, я уже все поняла!

— Решайте, сэр! — булькал Моггард. — Вы с нами?

— Я никогда не устраивал никаких сделок с Дьяволом, Моггард, и не собираюсь заниматься этим сейчас.

— Как вам будет угодно. — Голос колдуна был подобен треску сучьев в огне. Он вытянул свою лапищу и произнес заклинание, и Амер увидел, как все вещи, окружающие его, стали рассыпаться в пыль. Книги, колбы, реторты, стулья и стол и миниатюрный скелетик, а с ним вместе и заклятие, что сковывало Смерть.

Смерть тут же оказалась на ногах, и костлявая рука обхватила горло Моггарда. Колдун встретился взглядом с пылающими глазницами и рухнул на пол.

— Вот видишь, к чему приводит осторожность, Амер, — сказала Смерть. — Освободи ты меня раньше, я, может, и сберегла бы тебе твою ведьму. А теперь она тоже должна уйти со мной. — И скелет в балахоне горделиво направился к Самоне.

— Постой! — вскричал Амер. — Дай ей шанс. Разве нельзя пощадить ее, если она отречется от колдовства?

Смерть остановилась. И направила пылающий взгляд на Самону.

— Абсент был хорош, — произнесла она. — Ну что ж, попробуем. Решай же, ведьма. Чему быть? Жизнь или отречение?

Самона обратила взгляд на Амера.

— Выбор невелик... Да, я отрекаюсь и проклинаю тьму.

— Вот и ладушки! — Смерть прошествовала к двери, таща за собою Моггарда, словно тряпичную куклу. Она остановилась, держа руку на засове и обернулась к Амеру.

— Прощай, алхимик. Отвоевал ты свою колдунью. Только я желаю тебе удачи, ибо приобретение ты сделал беспокойное. — С этими словами Смерть распахнула дверь и в два длинных прыжка скрылась в грозовой ночи. Тут же ветер завыл от радости и ринулся внутрь бревенчатой крепости.

Он пронесся по комнате, опрокидывая мебель, листая страницы книг и разбрасывая по комнате записи. Пламя в очаге вспыхнуло и рванулось в дымоход.

Амер пробился к двери и захлопнул ее. Ветер, защемленный дверью, яростно взвизгнул и, оглашая дом отборнейшими проклятиями, убрался на улицу.

Амер оперся о дверь, пытаясь отдышаться. Потом с улыбкой, которая, принимая во внимание его состояние, вполне могла показаться испепеляющей, обернулся к Самоне. Однако улыбка тут же пропала и Амера снова отшатнуло к двери, едва он взглянул на ту, что стояла перед ним, ибо ветер смел черные локоны с ее груди и плеч...

Самона сдвинула брови, удивленная: никогда прежде Амер не смотрел на нее так.

— Чево стряслось-то? — спросила Уиллоу.

— Противоядие, — выдавил Амер. — Оно перестало действовать час назад!

И тогда Самона осознала свое могущество. Она наступала на него неумолимо, с улыбкой на устах, с победным огнем в глазах. Она решительно притянула его губы к своим и одарила алхимика долгим чарующим поцелуем.

Здесь должны мы оставить нашего друга Амера, ведь в конце концов все остальное — не наше дело.

Перевел с английского.
Владимир МИСЮЧЕНКО

Вячеслав Басков

ОБЕЩАНИЕ СЧАСТЬЯ

МОТИВ

Общество лишь тогда достигнет гармонии, когда все женщины будут замужем, а все мужчины — холосты. Этот остроумный парадокс рожден, конечно, в мужском сознании. Как, впрочем, и легенды о приворотном зелье, коего сильному полу следует остерегаться, как яда. На деле, и та и другая противоборствующие стороны, так и не вкусившие этой отравы, рискуют столкнуться с проблемой, посерьезней семейной рутины, — одиночеством. Это потенциальные (и долгожданные) клиенты всевозможных брачных агентств.

Сотрудников брачных бюро всего мира объединяет любовь. Она тем крепче, чем сложнее оказывается создать пару. Дело это затяжное, хлопотное. Одна американка перебрала четыре тысячи женихов и никого не выбрала. Ученых человековедов она тем самым озадачила, а устроителей ее семейного счастья озолотила. О такой разборчивой клиентке мечтают, конечно, в любом брачном бюро.

Некоторые конторы устроены на широкую ногу. В штате там вместе с просто добрыми и очень душевными людьми работают психологи, социологи, сексологи. Этим научным деятелям интересен человек в любых его проявлениях. Чем проявлений больше, тем лучше. Из наблюдений за «живыми людьми» складываются диссертации, степени и хорошая практика в дальнейшей, такой сложной жизни.

Не Чарлз Дарвин, заглянувший человеку в самый корень, не Фридрих Энгельс, специалист по вопросам семьи и брака, и даже не суровый Адам Смит, а именно брачные бюро подарили миру открытие, касающееся любого из нас. Оказывается, для того, чтобы мужчина и женщина смогли найти друг друга в толпе совершенно таких же, как они сами, одиноких и измученных своим одиночеством, они должны чистосердечно ответить по меньшей мере на 400 вопросов. И совпасть по меньшей мере в трехстах. Но даже полное совпадение в ответах на вопросы анкеты отнюдь не гарантирует успеха. Это вам скажет в доверительной беседе любой сотрудник брачного бюро, а уж ученый — тем более. Таинство брака велико есть. Поэтому работа брачных бюро всего мира строится по одному принципу: «Мы вас познакомили — гуляйте!».

В более вежливой форме то же самое выражается чуть многословнее: «Понимаете, люди, которые познакомились в не совсем естественных условиях, обычно стесняются этого. Поэтому мы не обязываем их возвращаться в бюро и рассказывать, чем там у них дело кончилось. Конечно, нам бывает очень интересно узнать, поженились ли они и долго ли прожили. Но получить такие данные, к сожалению, невозможно. Уж кто не должен нарушать этику интимных отношений и преследовать людей, так это мы, сотрудники брачных бюро».

В одном брачном бюро скажут, что успех работы исчисляется двумя процентами поженившихся от общего числа познакомленных, а в другом бюро возмутятся и воскликнут, что такой статистики вообще вести нельзя, потому что безнравственно изучать людей, как подопытных животных, и что работают они совершенно бескорыстно, им бы только принести счастье хоть одной женщине, хотя бы одному мужчине, потому что одно одинокое сердце, согретое другим одиноким сердцем, — это и есть те сто процентов, ради которых стоит жить и создавать брачную контору!..

Красивое бескорыстие сотрудников брачных контор всего мира выражается обычно в валюте. Разной, как вы понимаете. Не существует брачного бюро, которое бы оказывало услуги безвозмездно. Было одно такое, но теперь его нет, оно погибло от конкуренции самым первым, когда у нас о таком понятии, как «конкуренция», еще только читали в переводных романах.

Я имею в виду «Литературную газету». Она самой первой заговорила в полный голос об одиночестве людей, потерявшихся в большом городе или в маленькой деревне, где они работали после окончания института и не находили себе ровни. В то время их было в СССР почти 65 миллионов. Многовато для страны победившего социализма. Пройдя тернистый путь — через партийные выговоры заведующему отделом социально-бытовых проблем, который затеял все эти «мещанские разговорчики», сквозь запреты писать и печатать статьи на «эти темы» — «Литературная газета» все же всколыхнула общество и первое брачное объявление в СССР появилось именно на ее страницах 17 ноября 1976 года.

Оно было абсолютно бесплатным. Все остальные стоили пять копеек: как раз за столько продавали когда-то почтовый конверт. Редакцию завалили письмами-объявлениями. Еще в 1979 году их приносили в редакцию каждое утро мешками. Но ни одно из них опубликовано не было: руководители партии и правительства считали, что каждый человек — кузнец своего счастья, а брачные бюро — пережиток капитализма. Таким образом, и десять лет спустя после публикации «образцового» объявления оно оставалось единственным. И вот в этой обстановке насмешек и презрения подпольное брачное бюро все же действовало.

Читать письма одиноких людей было сильным испытанием. Женщины (мужчины писали реже) умеют находить слова, которые говорят об одиночестве лучше книг, лучше кинофильмов. И вот иногда так расчувствуешься, что вспомнится письмо недельной или полуторамесячной давности... оно было таким же проникновенным, в нем было столько же отчаяния... Тогда писал о своем одиночестве какой-то мужчина, а сегодняшнее письмо — от женщины...

Она — из Кемерова, он — из Подольска Московской области. Живут друг от друга так далеко, а письма их словно бы написаны одной рукой: и тоскуют-то они одинаково, и печаль их одинаково тиха, и готовность безропотно терпеть одиночество столь же схожа... Не сдержишься и доверишь ее тайну (вместе с домашним адресом) ему, а его тайну (вместе с его домашним адресом) ей. И сделаешь это по секрету от отдела писем, куда надлежало сдавать ответы, своим письмом, в своем конверте с маркой. И предуп-

редишь ее и его, что делаю я это против правил, поскольку нам, работникам редакции, категорически запрещается знакомить жаждущих порвать с одиночеством.

Подпольное брачное бюро работало несколько лет и ни разу ни «она», ни «он» меня не предали. Не могу сказать, что кто-то обязан мне своим тихим семейным счастьем и — кто знает! — потомством, но то, что ради чужого счастья я не брал ни копейки, а наоборот, тратился на почтовые расходы — точно. И еще одно обстоятельство успокаивает теперь мою совесть: выяснилось, что не я один поступал так, многие из тех, кто отвечал на письма трудящихся, делали так же. А один из редакционных сотрудников, заваленный письмами одиноких женщин, не вынес и сам ответил на одно из них. Не казенно, как было принято: «Добрый день, Нина Ивановна! Внимательно прочитали Ваше письмо, посвященное проблеме одиночества. Хорошо понимаем Вас и полностью разделяем Ваши чувства. Ваше стремление найти мужа и друга по-человечески понятно...» и т.п. — нет, то было серьезное письмо, написанное с исключительным вниманием. Незнакомка намек поняла... Ответила... Потом она приехала в Москву, и они встретились. После чего поженились. После чего у них родилась дочь. Которая теперь заканчивает школу...

Вот и говорите после этого, что работать в редакции не опасно для жизни.

Пришло время — и коммунисты сдались. В 1986 году при горсоветах было велено создать отделы семьи и брака. Им поручалось организовать клубы знакомств. Одиноких людей требовалось взять на учет и установить, почему это они одинокие. В Москве действовала городская консультация по вопросам семьи и брака. Главными действующими лицами там были два психиатра. Но одинокие женщины и мужчины, которые доверчиво шли туда, об этом не подозревали. Консультацию возглавляли люди, которые держали дверь учреждения закрытой для журналистов. За железной дверью там помещался каталог одиноких: коричневатая карта с двадцатью тремя вопросами, рукописные ответы и приклеенная на карту фотография. Но была в консультации еще одна комната. Там хранились карты белые (женские) и карты голубые (мужские), в которых, как и в той, коричневатой, общей для всех, содержались те же ответы на те же вопросы — пол, возраст, все паспортные данные, сведения об образовании, месте работы, должности, о пристрастиях, о недостатках физических и жилищных... Казалось бы, карты одинаковые. Но уловка состояла в том, что одинокая душа, забредшая в консультацию, должна была, отвечая на вопросы, не запутаться и в обеих картах дать одинаковые ответы. За тем, как шло заполнение карт, внимательно следила консультантша. Она проверяла написанное, считывала. И если в графе «Имею незначительные физические недостатки» мужчина писал: «Прихрамываю», то консультант была обязана проверить и эту строку. Она долго смотрела вслед удаляющемуся претенденту, окидывала его опытным консультативным взглядом, затем смело зачеркивала в карте «Прихрамываю» и своей рукой писала: «Хромаю». Московская консультация не могла допустить, чтобы мужчины вводили в заблуждение женщин, а женщины — мужчин. Она держала под контролем всякие женские и мужские штучки. Никакой лжи, никаких приукрашиваний. Правильный номер телефона на работу, домой, объем талии, размер ноги, цвет волос, рост в сантиметрах со степенью точности до миллиметра... Фирма дорожила своим именем.

Допуска в каталог не имел никто, кроме клиента, вызвавшего у психиатра некоторое доверие. Допуск в комнату с белыми и голубыми картами был запрещен даже психиатру.

Впрочем, деятельность консультации интересовала общество уже мало: в то время повсюду появились и клубы «Для тех, кому за 30», которые, кстати, придумала «Литературная газета», и брачные кружки, и самодеятельные клубы для одиноких. Рижская газета «Ригас Балсс» уже вовсю публиковала брачные объявления, взимая с каждого подателя десять рублей, ее примеру последовали «Вечерний Новосибирск», «Вечерний Саратов» и множество других вечерних газет. Так что у одиноких людей появился даже некоторый выбор. Им теперь оставалось только быть осторожными, потому что именно со времени публикации объявлений одиноких людей, желавших создать семью, повысилась преступность. Квартирных воров очень заинтересовали откровения одиноких женщин, что они живут там-то и там-то одни-одинешеньки, тоскуют по другу... Массовая преступность в отношении одиноких людей дала повод и некоторым тогда еще советским писателям создать немеркнущие творения о ловушках, в какие попадают одинокие дамы, ожидающие ответа на свое объявление, на эту опасную тему было снято несколько душещипательных кинофильмов, лучшие актрисы и актеры создали бессмертные образы одиноких, потерянных, но очень хороших людей, не виноватых в своем одиночестве, просто так уж неудачно у них сложилась жизнь...

А потом вдруг прорвало. Московская городская консультация по вопросам семьи и брака была забыта напрочь, как и «группа Елдеса», организованная при городском психоневрологическом диспансере на улице Чехова и слывшая прогрессивной, потому что там одиноких сажали на стулья в кружок и весело учили «общаться»: приходить друг к другу в гости, случайно встречаться в театре.... Все, что сделало для одиноких государство с его Министерством бытового обслуживания населения РСФСР, где ведали статистикой одиноких и якобы нашедших друг друга (официальная статистика того времени говорила, что будто бы ровно двадцать процентов одиноких обрели семьи, хотя трудно добытая статистика московской консультации свидетельствовала о том, что в самом лучшем случае счастливцев было вовсе не 20 процентов, а 0,45 процента. И ни та, ни другая цифра никак не согласовывалась со статистикой дворцов бракосочетаний) — все государственное, казенное и громоздкое было предано презрительному забвению. В Москве и во всех других городах знакомить одиноких стали доброхоты, которым захотелось жить немножко лучше.

Пример им подала организация, которая забраковала саму идею знакомства одиноких с посторонней помощью, объявив ее порочной, — ЦК КПСС. Газеты, начавшие публиковать объявления, весь свой прибыток отправляли в партийную кассу. Доброхоты честно последовали положительному примеру. Они были, разумеется, из передового отряда советских людей. И вот в один день страну облетела потрясшая всех весть: среди нас живет миллионер. Это стало известно в тот момент, когда он пришел платить партийные взносы.

Безвестный юноша без труда нажил миллион с помощью одиноких женщин и мужчин. Он пошел в Моссовет и зарегистрировал кооператив по ремонту радиоаппаратуры. Затем дал в «Вечернюю Москву» скромное объявление, что познакомит желающих обрести семью, потому что владеет эликсиром Гименея. За все про все он просит прислать ему 25 рублей. Семейное счастье стоило и в те времена, конечно, неизмеримо дороже. Поэтому не прошло и месяца, как молодой человек стал миллионером. Много следователей потом пыталось выяснить, что же он сделал с письмами одиноких женщин и мужчин, но судьба первого миллионера складывалась бурно, беспокойно, не в лад следствию. Он сразу стал очень популярным, прямо-таки поселился на телеэкране, а тут приспели выборы и его избрали (соперников у него не было) народным депутатом, потом вдруг борьба за новое устройство обострилась и он бежал за границу, несколько лет скрывался и про него ходили леденящие душу слухи, что он убит вдали от Родины ярыми врагами перестройки, но потом он объявился загорелым, окрепшим, отдохнувшим, вернулся в Москву, был тотчас избран народным депутатом Государственной Думы России, в какой роли и пребывал до декабря 1995 года, заручившись славой выдающегося экономиста. Автор пишет эту статью в полной уверенности, что депутатский корпус нового созыва без этого предприимчивого человека не обойдется. Хотя и стало известно, что он за годы скитаний на чужбине стал гражданином другой страны, где солнце светит не только всем, но и безостановочно, так что там очень удобно загорать, не загорая специально...

Оттого, что верным приемом пользуются многие, хуже он не становится. В самом скором времени объявления об оказании услуг в замужестве и женитьбе стали для городских газет явлением обыденным. Как, впрочем, и объявления самих одиноких. Люди, рискнувшие заняться сватовством, знают сегодня о предмете своих занятий не больше, чем сам первый мил-

лионер. Когда на него накинулись недоброжелатели, завистники, он в свое оправдание и для пущей убедительности показывал анкету, добытую в Министерстве бытового обслуживания населения РСФСР, размноженную с помощью ксерокса. То была анкета, состоящая из морально устаревших двадцати трех вопросов, которой уже давно не пользовались даже в Московской городской консультации по вопросам семьи и брака. Там в ходу была уже более сложная анкета из сорока вопросов.

Нынешние сваты анкетами пользуются, как я понял, для реквизита. Дело в том, что сама подача объявления влечет теперь за собой преследования налоговой полиции. Внимательнее всех газеты объявлений — «Из рук в руки», «Экстра-М», «Центр плюс» — читают именно в налоговой инспекции. Явление на пороге инспектора не может всякий раз сопровождаться перестрелкой. Хотя мы пережили и такие вульгарные времена.

Теперь все чин чином. Контора зарегистрирована, имеет лицензию. На этажерке, украшенной цветами, лежат анкеты. За полированным столом сидит секретарша. Она владеет искусством стенографии и знает английский язык. За дверью, обитой прекрасным тонким дерматином, похожим на лайку, находится шеф. Его комната уставлена прекрасными диванами, есть бар, работает кондиционер. Адрес конторы дается в исключительных случаях. Общение с одинокими женщинами и мужчинами идет в современном деловом стиле: по почте. Только после того как сотрудник брачной конторы убедится в том, что намерения притязательницы или холостяка серьезны, то есть они уже перечислили на продиктованный им по телефону банковский счет названную сумму денег, клиентов могут пригласить в контору для «дальнейшей работы».

Эта «работа» заключается в том, что одиноким предлагают посмотреть заграничные журналы. В них публикуются объявления и фотокарточки женихов и невест. Секретарша поможет с переводом аннотаций. Московская невеста может ткнуть пальчиком в фотку и сказать: «Вот он!». Затем контора обязуется связать московскую невесту с заграничным женихом. Перед уходом она должна заполнить анкету по своему усмотрению. В анкете все те же вопросы: возраст, рост, пристрастия, домашний адрес, требования к партнеру.

Затем контора пересылает в редакцию брачного журнала трафаретное письмо, в которое компьютер вписывает только имя соискательницы жениха. Само письмо лежит в столе секретарши. На Западе живут очень пунктуальные люди. Получив письмо, они непременно на него отвечают. Поэтому к московской невесте ответ придет в любом случае. Там будет или надежда, или отказ: 1) дескать, вы уже опоздали, 2) дескать, ваше письмо передано адресату. Ответит ли он — этого не знает никто. Но московская контора свое дело сделала: выполнила обещание перед клиентом.

Все ее расходы уложились в почтовые. Как некогда мои. Правда, в отличие от меня, за оказание услуг брачная контора взимает деньги отдельно. Сумма взносов — глубочайшая тайна, которая, кстати, бесит налоговых инспекторов. В налоговой полиции требуют от устроителей сердечных дел установить кассовый аппарат, чтобы по контрольной ленте знать, какой же у конторы доход, но брачные конторы резонно возражают, что кассовый аппарат испортит интерьер и разрушит флер романтики, который необходим для успешного создания семьи.

Служба знакомств, в которую я был допущен под клятвенное обещание не упоминать названия фирмы из опасения перед визитом рэкетиров, — одна из многих в Москве и одна из немногих в то же самое время. Это нужно понимать так, что истинных, неподдельных брачных контор в Москве совсем немного, штук десять, а все остальные все-таки фиктивные. Серьезными считают себя фирмы, которые знакомят москвичей с иностранцами. Все остальное — подделка.

Объявления об оказании помощи одиноким людям в устройстве их личной жизни дают в газеты неуловимые легкомысленные особы обоих полов. Они сознательно рискуют столкнуться с налоговой полицией ради быстрой возможности подзаработать. Это хороший, прибыльный бизнес. Одинокие люди от обычных людей отличаются своей поразительной доверчивостью. Попавшееся на глаза объявление с предложением возможного счастья западает им в душу и они, после долгих мук и бессонных ночей, однажды решаются воспользоваться случаем и попытать счастья с посторонней помощью. Этому способствует и усиленно навязываемый всеми средствами информации идеал счастливой жизни: семья. Отнюдь не все созданы для семейного счастья, есть люди, которым брак противопоказан, они в нем будут страдать сами и мучить других. Но идеал!.. Он так заманчив... И одинокая девушка, которая, говоря начистоту, чувствует себя вполне счастливой только тогда, когда ей никто не мешает, и мужчина, которому хорошо самому с собой, наконец сдаются под напором растиражированной схемы счастья и обращаются в брачное бюро. Клюют. Нет той силы, которая помогла бы этим людям найти пару, но они вполне добровольно платят деньги тем, кто берется показать им будущего мужа или будущую жену, — и в этом смысле, как бы безнравственно это ни звучало, охота на них ничем не хуже любой другой. Кто-то хочет поглупить — кто-то не прочь на этом заработать.

Риск получения быстрой прибыли чаще всего оправдывается. Налоговые органы не столь оперативны, чтобы ловить каждое объявление. Поэтому в Москве появились брачные аферисты, которые, раз ожегшись, публикуют объявления, всякий день меняя координаты и тем самым запутывая след контролерам. Объявления их однотипны и лучше всего выражаются, пожалуй, в этом, выписанном из рекламной газеты: «Если вы хотите расстаться с одиночеством и познать счастье семейной жизни в окружении мужа (жены) и детей, то специалисты высокого класса окажут вам необходимое содействие за 58 тысяч рублей, которые нужно выслать по адресу: Москва (указан шестизначный индекс), абонентский ящик 8. Предложения кандидатур вы получите в течение недели после получения фирмой указанного перевода». Прибавьте к этому неизбежные при всякой публикации сокращения слов, что сильно удешевляет объявление («Если вы хотите расст. с одвом и познать сч. сем. ж. в окруж. мужа (жены) и детей, то спец. в/к окажут вам необх. содей.» и т.п.) — и вы получите представление о высоком уровне сервиса.

Этот текст варьируется на разные лады, меняются номера отделений, абонентских ящиков и сумма перевода. Встретилось объявление, автор которого готов получить с «од. чел. м. и ж. пола» всего 10 тысяч рублей. Сразу чувствуется, что за дело взялся совсем юный предприниматель, который еще не скоро станет народным депутатом: уж слишком просто он представляет себе конкуренцию. Он решил, что чем взнос за бесценную услугу будет меньше, тем больше клиентов пошлет ему многолюдная и такая для многих неустроенная Москва. Возможно, он не ошибся: среди одиноких людей встречаются поразительно простодушные.

Но такого рода объявления еще чего-то стоят, в них еще не стыдно поверить! Из газеты в газету переходит другое объявление, короче которого может быть только объяснение в любви и откровенная прямота которого способна поразить: «Знакомлю. Оплата по тел...».

Бесплатная любовь, и правда, выпадает не всякому человеку. Кто-то говорит, что это большое счастье, кто-то любовь проклинает. Но то, что за любовь можно и платить, тоже аксиома. Вот поэтому сотрудников брачных бюро всего мира любовь и объединяет. С чужих надежд на любовь и на взаимность можно хорошо и безбедно существовать и не меньше других радоваться жизни. В конце концов чего только не бывает: почему бы будущим супругам не встретиться и в брачном бюро? Кто сказал, что это именно то место, где любовное чувство сразу остывает? Ничего подобного! Случайно встретиться в брачной конторе ничуть не хуже, чем в метро, кафе, кино, на похоронах... Конечно, не собственных.

«Лучше жениться, чем волочиться».
«Выбирай не невесту, а сваху».
«Сватался, сватался, да и спрятался».

Русские пословицы.

Святослав Логинов

Оберег у Пустых холмов

Добрый день, любезный! Где я могу найти почтеннейшего Вади?

Вади еще раз подбросил на ладони камешек, затем поднял взгляд на говорившего.

Гость возвышался словно башня. На Закате вообще обитают крупноватые существа, но этот выделялся даже среди них. Ноги не стояли на земле, а попирали ее. Широкая грудь сверкала чеканкой доспехов, поверх которых кривилась уродливая ухмылка эгиды. Мускулистые руки обнажены до локтя; стальной шестопер висел на поясе — видимо, пришелец не считал Вади за угрозу. Ничего удивительного: гость силен и велик — даже подпрыгнув, Вади не смог бы достать рубчатой рукоятки праздно висящей булавы.

Задрав голову, Вади взглянул в глаза великану. Нормальное лицо, человеческое. А шлем золотой, блестит, указуя зенит отточенной спицей.

«Через Ожогище, должно, на карачках полз, — прикинул про себя Вади, — а шапку догадался снять. А то бы нипочем не прошел — молниям в такой шишак метить самое милое дело. Видать, хороший человек — не дурак и не спесивец. Жаль его...»

Вади подбросил камешек, поймал.

— И зачем тебе понадобился Вади?

— Это я скажу только ему.

— Говори. Вади перед тобой.

Великан не удивился, верно, за долгое путешествие успел навидаться всякого и знал, что не рост определяет человека, не золото и не железо.

— Меня зовут Хаген. Я из Западных земель. Мне нужен светлый меч Шолпан.

Вади щелчком отбросил камешек, показал пустые ладони:

— У меня нет меча. Я не воин, не кузнец и даже сувенирами не торгую, хотя в округе валяется немало старого железа.

— Молва говорит, что у тебя есть амулет, с которым можно пройти мимо Пустых холмов.

Вади согласно кивнул.

— Верно, оберег у меня есть.

Великан быстро наклонился. Тяжелая тень накрыла Вади.

— Дай мне его! На один только день! Этого времени мне хватит, чтобы обшарить Пустые холмы вдоль и поперек. Всем известно, что меч Шолпан там. Умирающий богатырь вонзил его в брюхо смоляного чудовища и уже не имел сил вырвать обратно. А потом на холмы пало безвременье, и меч остался, вплавленный в смолу. Клянусь светом и тьмой, я верну тебе твой амулет, едва найду меч.

— Зачем тебе именно этот меч? Неужели на свете мало других клинков?.. Я могу показать подходящий камень, из него торчит рукоять, так густо изрисованная рунами, что нельзя прочесть ни единого слова. Правда, это камень, а не смола, меч выдернуть будет непросто...

Хаген покачал головой.

— Нужен именно светлый меч. Если бы мне противостоял дракон или гидра, я бы нашел способ управиться с ними, но сейчас на моем пути стоит нечто иное. Может быть, ты слышал, почтенный Вади, что на Закате, в моих краях, есть Темный дол. Это проклятое место! Днем оно ничуть не отличается от всякой иной долины, но не приведи судьба там заночевать. Твой костер погаснет, и факел изойдет чадом, а следом явится Страх темноты. Он выпьет душу и оставит пустое тело. Никто из повстречавших Страх темноты не может рассказать, что было с ним, но из их бормотания родились злые легенды. Одни твердят о черном звере, не видимом во тьме, лишь два синих глаза мутят взор жертвы. Другие рассказывают о женщине в траурном платье и с бездонной дырой вместо лица, а в этой дыре плавают те же синие огни. Мужики прозвали Страх тьмы Синевалкой и осмеливаются заходить в долину лишь по утрам. Я тоже не знаю, кто обитает там, но нечисть не должна мешать людям, поэтому мне нужен светлый меч, рассекающий духов ночи.

— Неужели Синевалка выползла из Темного дола? Или брюква, которую крестьяне сажают на ничьей земле, по ночам стала сходить с ума от ужаса?

Хаген понимающе усмехнулся, присел на корточки, чтобы видеть лицо Вади.

— До этого пока не дошло. Львы не едят капусты, а Синевалка не трогает брюквы, брюква же не способна сойти с ума.

— Тогда в чем же дело?

Великан коротко хохотнул.

— Дело в том, что я не брюква и не турнепс. Я не могу спать спокойно, когда нечисть бродит рядом с моим домом. Я — человек.

Вади подобрал с земли пяток камешков, выбрал подходящий, примерился подкинуть его на ладони, но не стал — лицо собеседника было слишком близко.

— Ты не человек. Ты — герой. Человек, столкнувшись с непонятным, не может уснуть. Тогда он называет его Синевалкой и засыпает довольный тем, как замечательно все объяснил. Но ты не таков. Тебе нужен противник. Думаю, если бы Синевалка жила под семнадцатым морем, ты бы и туда нырнул, чтобы сразиться с нею.

Хаген выпрямился. Островерхий шлем пронзил небо.

— Да, ты прав. И именно поэтому я — человек.

Теперь Вади снова мог подкидывать и ловить камешек и глядеть ввысь, не боясь обидеть гостя.

— А вдруг там нет зверя? Что если там женщина, синеокая ночная красавица, а твои путники сходили с ума от безнадежной любви к ней?

— Женщину я бить не стану. Но и в этом случае я должен взглянуть в ее глаза.

— Держа в руках меч?..

Хаген смолчал, лишь желваки на скулах разом вздулись, сдерживая резкое слово.

Камешек взлетел, упал, скрылся в сомкнувшейся ладони.

«Какая узкая стала у меня ладонь... и морщинистая. Любопытно было бы узнать, долго ли я еще проживу...»

Камешек, презирая закон тяготения, взлетел к небу, потом вернулся, покорный этому закону.

Небо улыбалось новорожденной голубизной, не выцветшей даже над Пустыми холмами. В замершей бирюзовости небес описывал спирали молодой вишневый дракон. Съезжал вниз, словно проваливаясь в невидимую воронку, круги быстро сжимались, пока весь летун не сливался в глазах, обращаясь в пунцовое мерцание, но в самый последний миг спираль начинала раскручиваться, и, не шевельнув крылом, дракон уходил в поднебесье. Он тоже не любил подчиняться законам, которые не велят ему летать.

Семь... девять... шестнадцать тонких штрихов прорвали небо, перечеркнув тугую циклоиду дракона. От них некуда было деваться, но, взорвавшись малиновыми отблесками, дракон совершил немыслимый курбет и вновь вернулся к плавному кружению. Это было красиво, как всякая отточенная игра. И вдвойне красиво оттого, что игра была смертельной. Лучники из ближней деревни попытались взять вишневого красавца врасплох. Удайся им это — небо над округой осиротеет, а весь мир станет скучнее на одного дракона.

Камешек взлетел и, передумав, вернулся на ладонь. Взлетел, вернулся и упал на землю. Морщинистая ладошка сомкнулась в кулак.

— Не сердись, могучий Хаген, но оберега я тебе не дам. Пусть Синевалка живет в своем Темном доле. А ты, если тебя действительно тревожит судьба людей, поселись рядом и следи, чтобы никто не забрел туда ненароком.

Хаген не был ни удивлен, ни разгневан.

— Вот, значит, зачем ты здесь сидишь. Что ж, это достойное занятие для такого заморыша, как ты. И я не оскорблен твоим отказом, я с самого начала ждал чего-то подобного. Не обессудь и ты, почтенный Вади, но я все-таки получу твой амулет.

— Меня нельзя убивать, я уже четыреста лет никому не причиняю зла!

Вади знал, как отпугивают иных пришельцев эти жуткие слова, но Хаген только улыбнулся, слегка презрительно.

— А сколько лет ты не делал добра, почтеннейший?

Вади склонил голову к рассыпанным у ног камешкам, потом вздернул подбородок навстречу насмешливому взгляду великана.

— Добра я тоже не творил четыреста лет, но в том нет моей вины! Я честно предупреждаю всякого идущего, что дальше он не пройдет, но почему-то никто не хочет меня слушать.

Хаген согласно кивнул.

— Тех, кто смог добраться сюда, не так просто свернуть с дороги. Если бы ты знал, сколько препятствий мне пришлось преодолеть...

Спорить было бессмысленно, но все же Вади предложил:

— Хочешь, я покажу путь в обход Ожогища? И научу, как обмануть Сладкую топь...

— Это лишнее. Лучше бы ты помог мне идти дальше.

Вади молчал.

— Тогда я возьму амулет сам. Такой поступок трудно назвать добрым, но я и не стремлюсь к совершенству. Ведь меня в любую минуту могут убить, и тогда все не содеянное мною зло вырвется на свободу. Не бойся, я постараюсь не причинять тебе вреда, хотя меня так и тянет взглянуть, во что выльются не совершенные тобою злодейства. Впрочем, боюсь, что даже за такой срок ты не смог бы натворить достаточно бед. С твоими силами, да еще голыми руками...

— Главное зло делают не руками, а словом, которое у нас одинаково. К тому же я вооружен. Меча у меня нет, но есть кинжал.

Толстые пальцы потянулись к поясу Вади.

— С такой булавкой только на жука ходить...

— Осторожней! Там яд! Когда-то я ходил с этой булавкой на чешуистого аспида. Кинжал до сих пор в крови.

Хаген отдернул руку. Козявка, сидевшая перед ним, оказалась смертельно опасной. С таким оружием коротышка и впрямь мог совершить бесчисленные злодейства. И сейчас все они, несовершенные, посаженные в хрупкую тюрьму добродетели, ждут гибели своего тюремщика, чтобы обрушиться на того, кто окажется всех ближе, а это значит — на убийцу. Так что двойное предупреждение оказалось как нельзя кстати.

Вади гордо выпрямился, и в это мгновение здоровенная лапа обхватила его за туловище, а другой рукой Хаген выдернул из-за пояса Вади кинжал. В руках великана отравленное оружие и впрямь смотрелось булавкой. Зажатый жесткой хваткой, Вади захрипел, но нашел силы укорить Хагена:

— Зачем ты это делаешь? Ведь ты знаешь, что я не нападу на тебя...

— Я и не боюсь твоего ножика. Но мне нужен амулет и поэтому на всякий случай я заберу все, что у тебя есть. Возможно, волшебной силой обладает нож или пряжка на ремне... — пальцы Хагена сноровисто обшаривали Вади, — а быть может, талисман висит на цепочке...

— Не тронь, это моя амулетка!

— Но я и ищу амулет, спасающий от безвременья.

— Это не оберег, это амулетка! Она никому не пригодится, кроме меня!

— Не злись, почтенный Вади, но ты сам выну-

дил меня на это. И не тревожься, я верну твое добро в целости, как только вернусь с Пустых холмов.

— Ты не вернешься.

— Не каркай. Лучше сними кольцо. Я боюсь сломать тебе палец.

— Это колечко подарила мне одна знакомая. В нем нет никакой волшебной силы.

— Я не могу рисковать. Что у тебя в карманах?

— Медный грошик.

— Я вижу, ты богач. Ты получишь его обратно вместе со всеми твоими сокровищами. А это я оставляю тебе в заклад, чтобы ты не беспокоился о своих вещах, пока я буду искать меч.

Хаген опустил Вади на землю и стащил с пальца витой перстень с мелкограненным адамантом. Вади мог бы носить этот заклад вместо браслета.

— До скорой встречи, почтеннейший! Пожелай мне удачи.

Хаген повернулся и размеренной походкой воина двинулся к холмам. На мгновение Вади почудилось, что безвременье уже осветлило его кудри немощной белизной, но, конечно, такого не могло быть. Граница лежала неподалеку, но еще не здесь.

Несколько минут Вади сидел неподвижно, стараясь ни о чем не думать. Потом выбрал камешек и кинул его в небеса, где по-прежнему кружил вишневый дракончик. Камешек поднялся совсем невысоко, но плавный ход дракона изменился, зверь дернулся в сторону, готовясь отпрянуть с возможного пути камня.

Зоркая тварь! Суметь с его высот углядеть такую крупинку... Не так просто будет сельским стрелкам подбить его. Еще не день и не два вишневый красавец станет радовать взоры глядящих в небо. А заодно, соревнуясь с ястребами, таскать со дворов кур и индюшат. И если лучникам не удастся прикончить малыша, то вскоре дракончик начнет хватать овец, а когда-нибудь почует свою силу и упадет на человека. К тому времени его будет уже не пронзить стрелой и не отвадить рогатиной. Тогда выручить людей сможет только герой. Но герой ушел к Пустым холмам и больше не вернется. В этом тоже своя правда, отличная от той, первой, которая не велела давать оберег.

Вади нагнулся, выбрал среди россыпи гальки еще один камешек — невзрачный и угловатый, но тоже подходящий, зажал его в кулаке и пошел следом за Хагеном.

В лицо пахнуло недвижным, застарелым холодом, но оберег налился теплом, запульсировал, прожигая пальцы, и Вади продолжал идти. Еще через минуту он нашел Хагена. Великан лежал лицом к холмам — даже почуяв беду, он не повернул обратно. Отполированный непрошедшими веками череп выкатился из шлема и лежал чуть поодаль, пристально разглядывая мир. Вади присел рядом, наклонившись к глазницам.

— Ведь я сделал все, что мог. Я честно предупреждал тебя...

Череп улыбался широкой, ничего не понимающей улыбкой.

Вади вздохнул и принялся за дело. Отыскал свою амулетку и кинжальчик — по-прежнему опасный, ибо даже безвременье не могло обезвредить кровь чешуистого аспида. Нашел кольцо, подаренное знакомой, и позеленевшую пряжку от ремня. Дольше всего не находился грошик, а Вади не хотел уходить без него. Ведь это была плата за последнее из добрых дел. Четыреста лет назад к границе подошел человек, и Вади удалось его остановить. Человек не был героем — он искал пропавшую козу. Вади предупредил путника об опасности и указал, куда ускакала сбежавшая коза. В благодарность получил грошик — единственную ценность, что ему удалось скопить за четыре столетия. Наконец, отыскалась и монетка. Вади снял с руки перстень, надел его на хрусткие фаланги истлевших пальцев Хагена.

— Вот твой заклад. Возвращаю его тебе.

Больше делать тут было нечего, но Вади зачем-то начал подниматься дальше по склону.

В ложбине между двумя холмами тускло поблескивало асфальтовое озерцо. Если не врут легенды, то это останки смоляного чудовища. Тогда где-то в глубине, залитый липким гудроном, лежит меч Шолпан. И даже будь у Хагена оберег, всей его жизни не хватило бы, чтобы вычерпать и процедить смоляную густоту. А может быть, предания врут, и Пустые холмы действительно пусты. Но ведь это ничего не изменит: герои все равно будут искать тут свою гибель.

Больше в ложбине ничего не было: два холмика и лужа смолы между ними. Даже Вади мог бы облазать Пустые холмы за полчаса. И вряд ли страшное царство Синевалки в центре Закатных земель много больше чем проклятые Пустые холмы. Почему людей так тянет именно сюда? И зачем здесь сидит маленький Вади? Кого и от чего он хочет охранить? Или, вернее, что он хочет охранить и от кого?..

Вади неторопливо шел к дому, туда, где по-прежнему вершил круги драконыш. Горячий камень жег пальцы. Нестерпимо хотелось подбросить его в воздух, поймать, снова подбросить. И не для того, чтобы остудить натруженную руку, а чтобы дать немного покоя больной душе. Но Вади не смел разжать кулак и хоть на мгновение выпустить камень. Он не знал, успеет ли вновь сжать пальцы и захочет ли взлетевший оберег вернуться на подставленную ладонь.

Святослав Логинов

«А КОШКА ОТЧАСТИ ИДЕТ ПО ДОРОГЕ...»

Творчество С. Логинова — одного из старейших членов семинара Б. Стругацкого — до недавнего времени было известно в основном знатокам из фандома. Но последняя книга автора, роман «Многорукий бог далайна» (Н.Новгород, «Флокс», 1995 г.), привлекла к нему внимание самой широкой аудитории любителей фантастики а также критиков.

Слава, насколько мне известно, издательский путь «Многорукого бога далайна» был традиционно тернист...

— А как без этого... Я отнес новорожденную рукопись в «Северо-Запад»: издательство с именем, за книгами его следят. Рукопись у меня с ходу взяли, прочитали, одобрили и даже задаток заплатили, а дальше — тишина. Прошел год, срок договора истек, а книга так и не вышла. Да и вообще у «Северо-Запада» начались проблемы. И в мае 94-го я отдал рукопись Людмиле Михайловне Мартьяновой, главному редактору нижегородского «Флокса», когда она приехала на «Интерпрессréférences». Мартьянова прочитала рукопись прямо на конвенции, сказала, что ей это нравится, и она это берет. Книга вышла в начале 1995-го.

— А уже год спустя вы стали лауреатом премии «Интерпресскон». Причем были включены в номинационные списки по предложению Бориса Стругацкого. Лестная оценка...

— Весьма. Борис Натанович для меня — Учитель. И его мнение я ценю чрезвычайно. На сей раз, прочитав мой роман в рукописи, Стругацкий сделал мне немало комплиментов по поводу того, как написана эта книга, как обстоятельно продуман мир, однако всем его хорошим словам предшествовала одна-единственная фраза: лично он такие книги не любит, это не его чтение.

Еще в средние века существовало правило, что ученики не должны точно следовать по пути своего учителя. Что ж, не видать мне, стало быть, премии «Бронзовая улитка», которую я по-прежнему ставлю очень высоко.

— «Многорукий бог...» написан в несколько необычном для нашей фантастики жанре: своеобразная фэнтези с этнографическим уклоном. Кстати, ведь вы в нашем отечестве один из первых начали писать фэнтези: многие помнят рассказ «Страж Перевала». А теперь вот роман. Это четкий выбор позиции?

— Нет. Выбор позиции иной — писать обязательно в самых разных жанрах. Ведь начинал я как автор коротких и сверхкоротких рассказов, причем во многом традиционных. Однако затем я заметил такую особенность: нашел удачную тему, написал одну вещь, две вещи и вдруг обнаружил, что становится очень легко писать. А потом сравниваешь собственные тексты и видишь, что повторяешь сам себя. Поэтому я постоянно экспериментирую. А что до фэнтези... Я не знаю английского языка, и когда писал «Страж Перевала», то к тому времени не прочитал из современной западной фэнтези ни одной вещи. Они еще не были изданы на русском языке. И я все придумал сам. Получилось, как мне кажется, неплохо. Точно так же я стал автором первого русского произведения в жанре «хоррор» — это был маленький рассказик «Дом у дороги», который в 84-м году при содействии Евгения Лукина напечатали в одной волгоградской газете. Что касается романа «Многорукий бог далайна», то я не считаю, что это фэнтези. Здесь нет магов, нигде реально не фигурируют боги. Одно дело — в легендах, в сказках, включенных в текст романа, а совсем другое — в его реальной ткани; здесь мы не видим ничего сверхъестественного. С другой стороны, научной фантастикой роман назвать еще менее возможно.

Вообще, с моей точки зрения, самые интересные вещи — всегда на стыке. Как только я слышу от кого-то какое-нибудь жанровое определение, мне сразу становится интересно: либо в соответствии с этим определением написать произведение, которое ну никак не лезет в жанр, либо написать произведение, которое идеально ложится в жанр, но не лезет в это определение. Именно тогда у меня получаются самые интересные вещи. Как только я услышал, что в жанре фэнтези может быть только роман, я тут же уселся и написал короткий рассказ «Оберег у Пустых холмов». Как только я узнал от вас, Андрей, что такое киберпанк, я тут же написал повесть «Яблочко от яблоньки». Меня просто удивило, почему должен быть именно молодежный слэнг, а не деревенский. И почему слэнг обязан быть именно компьютерным, хакерским, а не каким-либо другим? Я сделал героя сторожем на яблочном складе, студентом-биологом, провалившим экзамен по помологии. Помология — это наука о плодах, о яблоках. И прекраснейшим образом ввел туда невероятное количество профессионального, «яблочного», жаргона...

— На вашей книге написано, что это «Избранные произведения, том 1». Что означает цифра «1»?

— Цифра «1» означает, во-первых, то, что такова торговая марка «Флокса». Даже если они заранее знают, что этим одним томом все и ограничится, тем не менее нарисуют на корешке штурвальчик и закрасят один его сегмент. Что касается меня, то за двадцать лет я все

же что-то написал. Поэтому выйдет вторая книга, чуть потолще этой: повести и рассказы, самые разные, историческая фантастика, деревенская фантастическая проза, фэнтези с хоррором. Будут там и некоторые вещи, которые вообще, так сказать, на грани фантастики. То есть все то, что я пробовал в разных жанрах. И тянет это на целых 29 авторских листов. Таков будет второй том. Ну а дальше — посмотрим.

— А что вы сейчас пишете?

— Сразу четыре романа. Во-первых, очень странное произведение под названием «Земной круг». Формально этот роман полностью попадает в рамки самого жесткого определения фэнтези. Однако я долго мучился вопросом: почему у меня создается впечатление, что это что угодно, но не фэнтези? Потом понял: ведь фэнтези отличается — и я не уверен, достоинство это или недостаток жанра — определенной статичностью. В классических произведениях фэнтези напрочь отсутствует исторический процесс. Дело в том, что наличие бога или всесильного мага уже подразумевает то, что идеал достигнут. А раз идеал достигнут — развитие дальше не идет. Я же ввел понятие времени. Мой мир развивается, и поэтому фэнтези оборачивается своей противоположностью.

Другая вещь. Я очень этого не хотел, но начал потихоньку делать продолжение «Многорукого бога...» Хотя я считаю, что продолжения, как правило, оказываются бледным подобием, однако сдался под натиском «требований читателей».

Кроме того, появилась у меня идея еще одного романа, который назову «Колодезь». Это будет исторический роман с очень небольшим, но сюжетообразующим фантастическим элементом. Россия, XVII век, «Никоновы новины», Степан Разин. Собственно, это совсем не фантастика, однако если вынуть упомянутый фантастический элемент, роман разрушится.

Наконец четвертая вещь. Здесь я впервые работаю с соавтором, но вот кто он и что это будет за произведение — умолчу. Могу сказать лишь, что когда роман выйдет — а произойдет это, наверное, очень скоро — в определенных читательских кругах он может вызвать немалый интерес.

Беседу вел
Андрей ЧЕРТКОВ

И сразу столпился народ на дороге,
Шумит, и кричит, и на кошку глядит.
А кошка отчасти идет по дороге,
Отчасти по воздуху плавно летит!

Даниил Хармс. «Удивительная кошка».

Джон Харрис

Техническая ошибка

Прендергаст, — отрывисто сказал Начальник Отдела, — сегодня, очевидно, возникнет вопрос с контрактом ХВ2832. Присмотрите за этим делом, хорошо?

— Разумеется, сэр.

Роберт Финнерсон умирал. Два-три раза в жизни ему казалось, что он вот-вот умрет. Он боялся и изо всех сил гнал эту мысль от себя; но теперь все было по-иному. Он не протестовал, потому что не было никаких сомнений в том, что время пришло. Но и сейчас он не мог смириться с неизбежным, хотя в глубине души ощущал, как приближается бессмысленная гибель.

Какая глупость — умереть в шестьдесят лет, хотя, по его мнению, и в восемьдесят было бы не намного умнее. Получается, что схема, по которой живое существо обретает мудрость, оказывается крайне неэффективной. Что это означает? Да то, что кто-то другой пройдет тот же процесс обучения, на который у него, Роберта, ушло шестьдесят лет, и, как и он, окажется в преддверии конца. Неудивительно, что прогресс так мало ощутим — далеко ли продвинешься, если все время топчешься на месте!

Роберт лежал в тишине в полутемной комнате, откинувшись на подушки, и ждал конца. Его не оставляла мысль, что система бытия, в сущности, порочна. Великим ученым стоило бы заняться этим всерьез — если бы, конечно, они не растрачивали себя на решение проблем менее важных вплоть до того времени, пока не окажутся в его положении. А тогда обнаружится, что поздно что-либо делать.

И поскольку эти мысли, сменяя одна другую, не переставали кружиться у него в мозгу, он вряд ли смог бы сказать, когда именно понял, что уже не один в комнате. Роберт повернул голову, чтобы увидеть, кто пришел. Сухощавый человек ученого вида пристально рассматривал его. Лицо человека не было знакомо Роберту, но это почему-то не удивило его.

— Кто вы? — спросил Роберт Финнерсон.

Посетитель ответил не сразу. Он казался ровесником Роберта. Лицо доброе, но ничем не примечательное, волосы седые, поредевшие. Манеры скромные, а взгляд, устремленный на Роберта сквозь очки в тонкой золотой оправе, внимательный.

— Умоляю вас, не волнуйтесь, мистер Финнерсон, — ответил он.

— Я нисколько не волнуюсь, — раздраженно ответил Роберт. — Я просто спрашиваю, кто вы.

— Моя фамилия Прендергаст, но это, в сущности, не имеет значения...

— Я не знаю вас. Что вам нужно?

Прендергаст скромно ответил:

— Мои работодатели хотели кое-что предложить вам, мистер Финнерсон.

— Сейчас уже поздно предлагать мне что бы то ни было, — отозвался Роберт.

— Да, разумеется, о большинстве предложений можно былобы сказать именно так, но я думаю, что наше сможет заинтересовать вас.

— Не представляю себе, каким образом... хотя скажите, в чем дело.

— Видите ли, мистер Финнерсон, мы... то есть, мои работодатели... обнаружили, что вы...э-э-э... что ваша кончина назначена на 20 апреля 1963 года. То есть на завтра.

— Да, — произнес Роберт тихо, удивляясь собственному спокойствию. — Я и сам думаю точно так же.

— Совершенно справедливо, — заметил его собеседник. — но мы располагаем информацией, что вы против этого... э-э-э... назначения.

— Да! — повторил мистер Финнерсон. — Как тонко подмечено! Если это все, что вы собирались мне сказать, мистер Пендльбасс...

— Пендергаст, сэр. Нет, мне просто хотелось показать вам, что мы вполне понимаем ситуацию. Мы также сознаем, что вы человек со значительными средствами, но, как говорится, с собою не возьмешь, мистер Финнерсон.

Роберт Финнерсон пригляделся к посетителю повнимательнее.

— К чему вы клоните? — спросил он.

— Все очень просто, мистер Финнерсон. Моя фирма готова предложить вам пересмотреть назначение... за некоторое вознаграждение.

Состояние Роберта было далеко от нормального, и невероятное предложение не удивило его. Он не испытывал и тени сомнения. Только спросил:

— Какой пересмотр... и какое вознаграждение?

— Ну, существует несколько вариантов на выбор, — объяснил Пендергаст, — но в вашем случае мы бы рекомендовали Возвращение в Прошлое. Это одно из наших самых выгодных предложений, испытанное на множестве людей, оказавшихся в ситуации, сходной с вашей и высказавших пожелание «если бы только можно было прожить жизнь сначала».

— Я понял, — произнес Роберт. Ему вспомнилось, что он когда-то читал о подобных договорах, и ситуация перестала казаться совершенно невероятной. — А цена?

Пендергаст позволил себе продемонстрировать легкое неудовольствие.

— Вознаграждение, — сказал он, слегка выделив это слово голосом, — вознаграждение в случае Возвращения таково: первый взнос составляет семьдесят пять процентов капитала, которым вы сейчас обладаете.

— Семьдесят пять! Как называется ваша фирма?

Пендергаст покачал головой.

— Вам не удастся вспомнить название, хотя наша фирма весьма старинная. У нас были — да и сейчас есть — именитые клиенты. В прежние времена мы работали, применяя... я думаю, вы бы, наверное, назвали это бартером. Но по мере развития коммерции мы меняли методы. И сейчас нам кажется более подходящим иметь капитал, который можно вложить в дело, чем скапливать у себя души — да еще при их теперешней низкой рыночной цене. Это

большой шаг вперед во всех отношениях. Мы получаем заметную прибыль, а от вас ничего не требуется, кроме денег, с которыми вам все равно пришлось бы расстаться. И вы можете продолжать считать свою душу принадлежащей именно вам, насколько позволяют законы страны. Ваши наследники будут слегка разочарованы, только и всего.

Последнее замечание ни в коей мере не расстроило Роберта Финнерсона.

— Мои наследники уже который день кружат около дома, словно грифы. Меньше всего я боюсь огорчить их. Давайте обсудим подробности, мистер Снодграсс.

— Прендергаст, — терпеливо поправил посетитель. — Хорошо, как правило, платеж осуществляется следующим образом...

Какой-то каприз — или нечто похожее на каприз — побудил мистера Финнерсона наведаться на Сэндс-сквер, где он не появлялся столько лет. Иногда его тянуло посетить знакомые места, но, казалось, для этой экскурсии никогда уже не найдется времени. Сейчас же, в результате чудесного исцеления, изумившего всю родню, Роберт Финнерсон впервые за многие годы располагал несколькими совершенно свободными часами.

Он отпустил такси на углу площади и постоял немного, осматриваясь кругом со смешанным чувством. Все оказалось совсем не таким большим и нарядным, как помнилось ему. Все стало меньше — такое ощущение часто испытываешь, очутившись спустя годы в городе своего детства; к тому же всю правую сторону, где раньше стоял его дом, теперь занимало новое здание, которое подчеркивало, насколько ветхими сделались георгианские террасы, двадцать — тридцать лет назад пережившие бомбежки.

Но если окружающее, казалось, несколько ссохлось, потускнело, то деревья, покрытые свежей листвой, напротив, заметно выросли, хотя их стало меньше. Яркими красками горели тюльпаны на отлично ухоженных клумбах — прежде они здесь не росли. А самой заметной переменой было то, что в сад, ранее закрытый для всех, кроме владельцев, теперь получил доступ любой, так как кованая ограда, столько лет хранившая его от посторонних, в 1941 году пошла на строительство укреплений, а потом так и не была восстановлена.

Погрузившись в воспоминания, пребывая в легкой меланхолии, мистер Финнерсон перешел улицу и начал прогуливаться по знакомым тропинкам. Он ощутил и радость, и грусть, убедившись, что полускрытый за деревьями домик садовника остался на месте и выглядел точно так же, как пятьдесят лет назад. Его огорчило, что исчезла скамейка, некогда окружавшая толстый ствол знакомого дерева. Он шел не спеша, замечая то и это, вспоминая одно и другое. Воспоминаний нахлынуло столько, что вскоре он пожалел, что пришел. Сад был хорош — лучше, чем когда бы то ни было,— но для мистера Финнерсона наполнен призраками. Видя окружающее убожество, он еще сильнее жалел об ушедших славных временах.

В левой стороне сада уцелел холмик, памятный ему. Считалось, вспоминал он, медленно поднимаясь, что это фрагмент укреплений, которые должны были защитить Лондон от роялистских атак.

Среди кустарника, разросшегося на макушке холмика, стоял деревянный садовый стул. Любопытство потянуло мистера Финнерсона спрятаться здесь, как он прятался полвека назад. Носовым платком он смахнул с сиденья пыль и голубиный помет. Усевшись на стул, он ощутил такое облегчение, что подумал, не переоценил ли он свои силы. Он чувствовал себя непривычно усталым...

Тишину нарушил девичий голос.

— Бобби! — кричала она. — Бобби, где же ты?

Мистер Финнерсон нахмурился. Голос мешал ему. Он постарался не обращать внимания на повторившийся зов. Вдруг над верхушками кустов показалось хорошенькое девичье личико, обрамленное полями темно-синей соломенной шляпки, синие ленты завязаны бантом под подбородком. Брови девушки были сдвинуты.

— Так вот ты где! Почему же ты не откликаешься, когда я зову?

Мистер Финнерсон оглянулся, чтобы посмотреть на ребенка, к которому она обращалась, но никого не обнаружил. Поворачиваясь, он заметил, что стул исчез, сам он сидит на земле, а верхушки кустов стали намного выше, чем были до сих пор.

— Пойдем скорее. Пора пить чай, — добавила девушка. Казалось, она смотрит прямо на мистера Финнерсона.

Роберт взглянул вниз и вздрогнул. Вместо брюк в тонкую полоску он увидел синие саржевые шорты, круглую коленку, белые гольфы, мальчишеские ботинки. Он качнул ногою, и детский ботинок пошевелился. Потрясенный своим открытием, он оглядел себя и увидел коричневое пальтецо с большими плоскими медными пуговицами. И в тот же момент понял, что смотрит на мир из-под полей желтой соломенной шляпы.

Девушка, издав нетерпеливый возглас, пробралась сквозь кусты и оказалась перед ним — стройная фигурка в длинном темно-синем плаще. Она наклонилась. Рука, по самое запястье закрытая жестким обшлагом, вынырнула из складок плаща и крепко взяла его за плечо. Няня помогла ему встать на ноги.

— Пойдем скорее, — повторила она. — Понять не могу, что с тобой сегодня случилось.

Выбравшись из кустов, она взяла его ручонку своей и вновь позвала:

— Барбара, пойдем.

Роберту не хотелось смотреть на Барбару. Внутри у него все сжалось, словно в ожидании боли. Но он все же обернулся. И увидел фигурку в белом пальтишке, со всех ног бегущую к ним по траве. Барбара походила на большую куклу. Роберт не мог отвести от нее глаз. Он совсем забыл, что она когда-то была такой хорошенькой и веселой и могла бегать не хуже других детей.

Никогда в жизни ему не снилось ничего прелестней. Никакой бессмыслицы, никакой путаницы. Изумительный сон. Все кругом как настоящее. С четырех сторон тихую площадь окружали дома, похожие один на другой, различавшиеся только цветом. Вокруг слышались звуки, давно им позабытые: стук копыт, легких и тяжелых, скрип и дребезжание повозок. В этот мерный шум вплетался перезвон цепей и упряжи, а с соседней улочки доносился когда-то знакомый мотив шарманки. Клумбы с тюльпанами исчезли, круглые скамейки, как прежде, опоясывали толстые старые стволы деревьев, высокая ограда, точно такая, как помнилась ему, охраняла сад от чужого вторжения. Роберту хотелось остановиться и вновь как следует рассмотреть все кругом, но это оказалось невозможным.

— Ну-ка, поспешите, — послышался сверху голос. — Вы опаздываете к чаю, и вряд ли кухарка станет вас ждать.

Пока няня отпирала и снова запирала калитку, пришлось подождать, потом, держась за ее руки, они пересекли улицу и приблизились к знакомой

входной двери с медным молотком. Как ни жаль, но им пришлось войти через боковую дверь, а не в этот замечательно красивый подъезд.

В детской все было так, как прежде. Он остановился, чтобы оглядеться хорошенько.

— Роберт, сейчас не время мечтать, — торопил все тот же голос.

Он отправился за стол, продолжая озираться по сторонам и узнавать старых друзей. Деревянная лошадка-качалка с облупленной нижней челюстью. Высокая каминная решетка и коврик перед нею. Три перекладины на окне. Выстроившиеся рядком игрушечные домашние животные. Газовая лампа, мягко шипевшая на столе. Календарь с картинкой, изображающей трех пушистых котят, а под ними черные и красные буквы и цифры: МАЙ 1910. «Тысяча девятьсот десятый, — подумал он, — значит, мне должно быть семь лет».

Когда они уже заканчивали еду — не слишком аппетитную, но, несомненно, полезную — Барбара спросила:

— Теперь мы пойдем к маме?

Няня покачала головой.

— Нет. Ни ее, ни папы нет дома. Я думаю, они заглянут к вам, когда вернутся, — если будете хорошо себя вести.

Сон продолжался, невероятно подробный и яркий: купание перед сном, укладывание в постель. Давно забытое возвращалось к нему, удивляя своей реалистичностью. Няня на минуту оторвалась от своих дел, чтобы заметить:

— Что-то ты тихий сегодня. Как бы не заболел.

Роберт лежал в знакомой комнате, которую освещал лишь слабо мерцающий ночник, и пытался понять свои ощущения. Сон длился уже долго — хотя так бывает, самое запутанное сновидение может уложиться в несколько секунд. Может быть, это какой-то особый сон, а в конце концов он проснется на стуле в саду. А может быть, он умирает и, как говорится, вся жизнь проносится перед ним, только, по счастью, проносится так медленно... Возможно, он переутомился, что ни говори, ведь он еще недавно был серьезно болен.

Роберту вспомнился сухопарый человечек ученого вида, Пендл-какеготам, нет, Прендергаст, всплыло в памяти. Тут его как ударило — он даже сел на постели, дико оглядываясь кругом. Он ущипнул себя — так всегда делают, чтобы проверить, спишь или бодрствуешь, — и похоже было, что не спал. Роберт вылез из кровати и осмотрелся. Пол под ногами был твердым, воздух — прохладным, ровное дыхание спящей Барбары доносилось из ее кроватки. Постояв несколько минут, он в замешательстве снова залез в постель.

Люди часто говорят: «Если бы только можно было прожить жизнь сначала». Именно об этом толковал Прендергаст...

Смешно... просто бессмыслица, конечно, а кроме того, жизнь начинается не с семи лет, к тому же это противоречит всем законам природы... нет, невозможно. Но если предположить... просто предположить, что один шанс из миллиарда...

Бобби Финнерсон лежал тихонько, обдумывая эту невероятную возможность. Он неплохо преуспел в жизни благодаря только собственным способностям, но теперь-то, обладая знанием, чего только он не сможет достичь! Заняться радио, производством пластмасс, синтетики всех видов... зная о двух грядущих войнах, о буме, который последует за первой... и о кризисе 1929 года. Представляя себе направления развития промышленности. Имея сведения об оружии второй мировой войны до того как она начнется, будучи готовым к наступлению атомной эры... Он припоминал всю разрозненную информацию, накопленную за пятьдесят лет... В чем же тут хитрость? Он озабоченно размышлял: должен быть непременно какой-то подвох, что-то, препятствующее передаче его полезных знаний. Нельзя переиграть историю. Но что же может ему помешать предупредить, к примеру, американцев о Пирл-Харборе или французов о военных планах Германии? Что-то должно остановить его, но что именно?

Когда-то он читал нечто подобное... кажется, о параллельных мирах?

Нет. Этому всему нет никакого объяснения, несмотря на необыкновенное сходство с реальностью. Пусть он ущипнул себя, все равно это сон, всего-навсего сон... или нет?

Спустя часа два скрипнули половицы. Тихо приоткрылась дверь, из коридора упал луч света и тут же исчез, когда дверь затворилась. Бобби, лежа тихонько и притворяясь, что спит, прислушивался к осторожным шагам. Когда мать наклонилась над ним, он открыл глаза. И не поверил им. Она была так красива в вечернем платье, с сияющими глазами, так молода — совсем девочка. Она смотрела на него, легкая улыбка блуждала на ее губах. Он протянул руку и коснулся гладкой щеки матери. И вдруг его молнией пронзило воспоминание о том, что ждет ее. У него перехватило дыхание.

Мать обняла его и притянула к себе, успокаивая тихонько, чтобы не разбудить Барбару.

— Ну, что ты, мальчик мой. Ничего не случилось. Я разбудила тебя, Бобби? Плохой сон приснился?

Он вздохнул, но ничего не ответил.

— Ничего, дорогой. Сон — это всего лишь сон. Забудь его и усни снова.

Она поправила ему одеяло, легко поцеловала и пошла к кроватке, где мирно спала Барбара. Спустя еще минуту она удалилась.

Бобби Финнерсон лежал тихо. Глядя в потолок, он пытался решить головоломку, размышлял, строил планы.

На следующее утро, в субботу, предстояло спуститься вниз, к родителям, за деньгами на карманные расходы. Бобби испытал легкий шок при виде отца. И не только из-за высокого воротничка и доверху застегнутого пиджака с маленькими лацканами, скорее, из-за отсутствия в его облике индивидуальности. Отец оказался гораздо более заурядным молодым человеком, чем Бобби помнил. Тут же присутствовал дядюшка Джордж, очевидно, в роли гостя на уик-энд. Он сердечно поздоровался с Бобби.

— Приветствую вас, молодой человек. Черт побери, да ты вырос с тех пор, как я видел тебя в последний раз! Похоже, ты скоро начнешь всерьез помогать нам в нашем деле. Как ты, не против?

Бобби не ответил. Ведь нельзя же ответить: «Ничего из этого не получится, потому что отец погибнет на войне, а ты по собственной глупости разоришь нас».

— Ты идешь сегодня в школу? — не отставал дядя.

Бобби задумался — ходит ли он в школу? Выручил отец.

— Пока что он по утрам ходит в детский сад.

— Чему тебя там учат? Кого из английских королей ты знаешь? — продолжал допрашивать дядюшка Джордж.

— Полегче, Джордж, — вступился отец Бобби. — Ты-то сам сумел бы назвать их, когда тебе было семь лет? А сейчас скольких припомнишь?

— Ну, во всяком случае, он знает, кто у нас сейчас король, правда ведь, старина? — спросил дядюшка Джордж.

Бобби колебался. У него было неприятное пред-

чувствие, что вопрос с подвохом, но он все же решил попробовать.

— Эдуард Седьмой, — сказал он и тут же по их лицам понял, что ответ неправильный.

— То есть я хотел сказать, Георг Пятый, — торопливо поправился он.

Дядя Джордж кивнул соглашаясь. Бобби вышел из комнаты, зажимая в ручонке шестипенсовик. Оказывается, сыграть свою роль не так-то просто. Он решил никому ничего не говорить до тех пор, пока не будет чувствовать себя совершенно уверенно, пока не разрешит свое главное сомнение: что именно ему известно — то, что может случиться, или то, что непременно должно? Если только то, что должно, ему уготована роль Кассандры, но если то, что возможно... тогда... тогда многое удастся изменить.

Вечером они собрались пойти поиграть в сад. Дети вышли из дома через боковую дверь, Бобби помог маленькой Барбаре спуститься по ступенькам, что было для нее занятием весьма трудоемким. Няня задержалась перемолвиться словом с кухаркой. Дети подошли к краю тротуара и остановились. Путь был свободен, одна только двуколка мясника быстро приближалась к ним. Бобби взглянул на нее, и вдруг страшная сцена возникла в его памяти ярко, точно живая фотография.

Он схватил сестренку за руку и потащил ее назад, к ограде. В этот момент лошадь испугалась и понесла. Барбара споткнулась и упала, а лошадь была уже совсем рядом. Страх придал Бобби сил, и он потащил Барбару через тротуар. У ворот и он споткнулся, но не выпустил ручку сестры. Оба успели перебраться за ограду. В тот же момент прямо над ними раздался страшный стук копыт, колесо врезалось в ограду, блестящие тонкие спицы рассыпались кругом. Возница, вылетев со своего сиденья, издал отчаянный вопль, и вот уже лошадь умчалась, волоча за собой остатки упряжи, а весь товар валялся на мостовой.

Бобби выбранили, но он воспринял это философски и не обиделся, понимая, что и няня, и все остальные порядком напугались. Он молчал и думал. Они не знали, а он знал, что должно было случиться. Знал, что Барбара лежала бы на мостовой, заходясь криком от боли, с ногой, искалеченной настолько, что хромота останется навсегда и отравит ей существование. А сейчас она вполне здорова и ревет от испуга и от нескольких царапин.

Вот и ответ на его вопросы. Бобби ощутил некоторую неуверенность...

Задумчивость мальчика взрослые сочли результатом потрясения и делали все возможное, чтобы развлечь его.

Но и улегшись спать, Бобби не переставал обдумывать случившееся. И чем больше он думал, тем ситуация казалась ему сложнее.

Он вмешался в чужую жизнь. Избавив Барбару от хромоты, он совершенно изменил ее будущее. Больше он уже ничего не сумеет для нее сделать, так как не имеет ни малейшего понятия о том, что теперь ее ждет...

Он начал раздумывать над судьбой отца. Если бы удалось устроить так, чтобы отец не оказался именно в том французском городке, где его настиг разорвавшийся снаряд! Тогда он не погибнет и мама не вступит в этот ужасный второй брак. И дядюшка Джордж не останется один и не разорит их, да и все семейные дела пойдут совсем по-другому... и все остальное...

Бобби все еще ворочался в постели. Это будет не так просто, как он себе представлял... Это вообще будет непросто.

Если его отец останется жив, это изменит жизнь всех людей, имеющих к нему отношение, расходясь, точно круги по воде. Вряд ли это будет что-то значить для истории... но какое-нибудь другое событие может оказаться значимым. Предположим, будет получено предупреждение о готовящемся убийстве в Сараево?..

Да нет же, надо держаться подальше от таких происшествий. По возможности не менять хода событий, используя преимущества, которые дает знание, но вмешиваться очень осторожно и как можно меньше. Это сложно... действительно, сложно...

— Прендергаст, у нас претензии. Весьма серьезные претензии к ХВ2832, — сообщил Начальник Отдела.

— Мне очень жаль, сэр. Я уверен...

— Вашей вины тут нет. Это опять напутали парни из Психиатрического отдела. Пойдите и устройте им головомойку за то, что они не провели операцию как следует. Скажите, что этот тип уже переместил средоточие нескольких жизней — да нам еще чертовски повезло, что всего нескольких. Пусть ребята сделают все, что надо, да поживее.

— Хорошо, сэр. Я уже иду.

Бобби Финнерсон проснулся, зевнул и сел на постели. У него было ощущение, что сегодня особый день, то ли Рождество, то ли день рождения — но нет, не то и не другое. Он сегодня собирался что-то сделать — если бы только вспомнить, что. Бобби оглядел комнату. В окно лился солнечный свет, кругом все было как обычно. Он взглянул на кроватку, в которой мирно спала Барбара. Потихоньку спустил ноги на пол, осторожно зашлепал босиком через комнату. Ему хотелось дернуть сестру за маленькую торчащую косичку.

Что ж, совсем неплохое начало дня.

Становясь старше, Роберт время от времени снова испытывал это ощущение, но никогда не мог объяснить его. Похожее чувство — что он уже был в каком-то месте, уже переживал нечто подобное, хотя на самом деле этого не могло случиться — иногда посещало его. Как если бы жизнь не была такой прямолинейной и очевидной, какой кажется. Иногда что-то знакомое мелькало в разговоре, в делах, которыми он занимался, — как будто это уже происходило с ним раньше...

Эти явления наблюдались не только в юности. В более зрелом возрасте он изредка совершенно неожиданно вдруг испытывал то же самое. Особенность психики, объясняли врачи. Не такая уж редкая, добавляли они.

— Прендергаст, мне кажется, контракт ХВ2832 снова пришло время продлять.

— Да, сэр.

— Должен вам напомнить, что в прошлый раз произошла небольшая техническая ошибка. Лучше будет, если вы заблаговременно свяжетесь с Психиатрическим отделом.

— Хорошо, сэр.

Роберт Финнерсон умирал. Два-три раза в жизни ему казалось, что он вот-вот умрет. Он боялся...

Перевела с английского
Валентина КУЛАГИНА-ЯРЦЕВА

Переполох в стане романтиков

По данным современной науки, населенные разумными существами планеты следует искать у старых, (свыше 3 млрд. лет), достаточно спокойных и к тому же обладающих устойчивой орбитой звезд наподобие нашего Солнца. Дабы облегчить поиск обитаемых миров, многие астрономы участвуют в составлении каталогов не слишком отдаленных от Земли светил, отвечающих всем перечисленным условиям. И вот недавно германский Институт внеземной физики им. Макса Планка и два швейцарских института (Астрономический им. Пауля Шеррера и Федеральный технологический) сообщили о четырех солнцеподобных звездах, от которых исходит микроволновое излучение, по интенсивности значительно превосходящее солнечное. Более того, во время «обследования» каждая из них посылала радиосигнал, полностью перекрывающий именно тот диапазон частот, что используется в земных системах связи! Сенсация, разумеется, вызвала оживление среди сторонников существования развитых внеземных цивилизаций. Правда, радость несколько омрачило то обстоятельство, что ни один из земных источников излучения (радио, телевидение, радиолокация, спутниковые системы связи) в таком широком диапазоне не работает, используя лишь узкую полосу частот. Сам инициатор поиска внеземных радарных сигналов Вудраф Салливен из университета штата Вашингтон усомнился в искусственном происхождении зафиксированных излучений, но все же не исключил «теоретическую возможность» передачи с какой-нибудь из вращающихся вокруг звезды планет. Кто их, в самом деле, знает, этих инопланетян...

Сломалось? Склеим!

Вскоре переломы конечностей будут доставлять куда меньше хлопот и врачам, и пациентам благодаря чудодейственному средству Skeletal Repair System (SRS), созданному группой ученых-технологов из европейской корпорации Norian. Проэкспериментировав более чем с 1200 различными составами, исследователи остановили свой выбор на сухой смеси кальция с кристаллизованной фосфорной кислотой, в которую добавляется раствор фосфорнокислого натрия. Сначала обломки костей соединяют под рентгеновским аппаратом, затем полученную пасту вводят иглой в место перелома — и через 10 минут клей, кристаллизуясь, намертво схватывает их. Все! Никакой операции не требуется... Затвердевшее вещество по структуре настолько сходно с натуральной костью, что организм, нисколько не возражая, постепенно наращивает на него живую костную ткань. Сейчас SRS проходит завершающие клинические испытания в Академическом медицинском центре Амстердама.

Наконец-то...

Возрадуйтесь, о фанаты, заработавшие близорукость неустанным чтением фантастики: стараниями германской фирмы R+H Optic найден давно искомый компромисс между твердым, но хрупким стеклом и небьющейся, но мягкой пластмассой! Пластиковые линзы с нанокерамическим покрытием намного легче равноценных стеклянных, а чтобы поцарапать их, придется приложить особые усилия: ведь поверхность каждой надежно защищена 10 млрд. керамических частиц, которые настолько малы, что не препятствуют прохождению световых лучей. В Германии, уверяет тамошняя пресса, новые «стекла» для очков продаются чуть ли не на каждом углу, и раскупают их весьма охотно, хотя стоит такая суперсовременная линза на 45 DM дороже обычной.

В «Страну мечты» на магнитной тяге

«Чем хороши скоростные поезда на магнитной тяге? Да тем, что не шумят, не создают вибрации, а значит, не беспокоят окрестных жителей», — заметил представитель компании Daitei Inc., приступившей недавно к постройке первой в Японии коммерческой магнитной дороги. Трасса протяженностью 5,3 км предназначается для доставки туристов в популярный увеселительный парк Dreamland от ближайшей к нему железнодорожной станции Офуна. По предварительным расчетам, строительство обойдется примерно в 360 млн. долл. и будет завершено в 1999 году.

Мост через Берингов пролив

Видный американский инженер Т.И. Лин представил на суд общественности проект уникального подвесного «Моста дружбы» протяженностью 100 км, способного соединить Америку с Россией, точнее, Аляску с Чукоткой. По смелому замыслу конструктора, опорные башни гигантского сооружения с помощью вертолетов будут попарно опущены в пролив глубиной около 50 м и надежно закреплены якорями, а затем к ним подвесят на стальных тросах двухъярусное «тело» моста. Верхний ярус зарезервирован под проезжую часть, снизу же пройдет нефтепровод, который и составляет главную изюминку проекта! Дело в том, что — согласно новейшим геологическим данным — Сибирь обладает колоссальными запасами нефти, однако осваивать их имеет смысл лишь при наличии трансконтинентальных коммуникаций. Автор проекта, имеющего шансы стать первой «великой стройкой» XXI века, уверен, что израсходованные на мост 50 млрд. долл. в кратчайший срок окупятся хлынувшей в США нефтяной благодатью.

Кому ковер-дезодорант?

Полезный подарок преподнесли потребителям японские компании Curaray Co и Chemical Industries, разработав синтетическое волокно, быстро и надежно поглощающее всяческие запахи, включая застарелый дух табачного дыма и всепроникающее зловоние органических удобрений. Дезодорирующая пряжа, предназначенная для производства ковров, гардин, тканей для мебели и спецодежды, уже поступила в оптовую продажу по довольно умеренной цене.

Ричард Матесон

Дело в шляпе

Я вышел на террасу, подальше от шумного сборища.

Сел в самый темный угол, вытянул ноги и вздохнул. Ну и скучища!

Распахнулась дверь, и на террасу вышел человек. Он едва держался на ногах. Шатаясь, подошел к перилам, облокотился о них и уставился на огни раскинувшегося перед ним города.

— О Господи, — пробормотал он и провел трясущейся рукой по редким волосам. Потряс головой и вперил взор в горящий на крыше «Эмпайр стейт билдинг» фонарь.

Глухо застонал, повернулся и заплетающейся походкой побрел ко мне. Споткнувшись о мои ботинки, чуть не упал.

— О-ох, — пробормотал он, плюхаясь в соседний шезлонг. — Прошу прощения, сэр.

— Ничего, — отозвался я.

— Вы позволите отнять у вас немного времени? — спросил он. И, не дожидаясь ответа, приступил к делу.

— Послушайте, — сказал он, — я вам расскажу совершенно невероятную историю.

Он наклонился вперед и уставился на меня мутными глазами. Затем засопел, как паровоз, и рухнул обратно в шезлонг.

— Слушайте, — начал он. — Это точно... как это там: «Есть многое на свете, друг Горацио...» и так далее. Вы думаете, я пьян? Так оно и есть. А почему? В жизни не догадаетесь. Все дело в моем брате.

Началось это пару месяцев назад. Он работает начальником отдела в рекламном агентстве Дженкинса. Они ему там все в подметки не годятся... То есть... я хочу сказать... работал...

Он всхлипнул и задумчиво повторил:

— В подметки не годятся...

Вытащил из нагрудного кармана носовой платок и высморкался так, что я даже вздрогнул. Затем снова ударился в воспоминания.

— Они все приходили к нему за советом, все. Сидит он, бывало, у себя в кабинете: на голове шляпа, ноги на столе, ботинки блестят... А они вопят: «Чарли, подскажи что-нибудь!»... А он повернет шляпу (он называл ее «думательная шляпа») и говорит: «Ребята, это надо делать так». И идеи у него всегда были — закачаешься. Какой человек!

Тут он уставился на луну и снова высморкался.

— И что?

— Какой человек, — повторил он. — Ему не было равных. Обратишься к нему — и дело в шляпе. Шутка. Как мы думали.

Я вздохнул.

— Странный был тип, — продолжал мой собеседник. — Странный.

— Ха! — сказал я.

— Как картинка из журнала мод. Точь-в-точь. Костюмы всегда сидели как влитые. Шляпы — то, что надо. Ботинки, носки — все делалось на заказ. Помню, поехали мы как-то за город: Чарли с Мирандой и мы с моей старушкой. Жаркий денек. Я снял пиджак. А он — ни в какую. Говорит, мол, мужчина без пиджака — это не мужчина.

Нашли отличное местечко: ручей, полянка, травка, есть где посидеть. Пекло невозможное. Миранда и моя жена разулись и бродили босиком по воде. Я и то к ним присоединился. Но он! Ха!

— Ха!

— Ни в какую. — Представляете, я там шлепаю по воде босиком, как мальчишка, брюки подвернуты, рукава засучены. А Чарли сидит себе на лужайке, одет, как на свидание, смотрит на нас и улыбается. Мы ему кричим: «Давай к нам, Чарли, скидывай ботинки!»

«Нет, — говорит, — мужчина без ботинок — это не мужчина. Я без них и ходить-то не смогу». Тут Миранду допекло: «Никак не могу понять, — говорит, — за кого я вышла замуж: за мужчину или за платяной шкаф».

Вот таким человеком был мой брат. Вот таким.

— Конец рассказа, — намекнул я.

— Еще нет, — возразил он. Голос у него дрожал. Наверное, от ужаса. — Теперь начинается самое страшное. Помните, что я говорил насчет его одежды? Даже нижнее белье шилось на заказ.

— Угу, — сказал я.

— Однажды кто-то в конторе решил подшутить и спрятал его шляпу. Чарли, похоже, притворялся, что без нее не может думать. Не говорил почти ничего. Так, бормотал что-то. Смотрел все время в окно и повторял: «Шляпа, шляпа». Я отвез его домой.

Мы с Мирандой уложили его в постель и пошли в гостиную. Сидим, разговариваем, вдруг слышим — грохот. Мы бегом в спальню.

Смотрим — Чарли лежит на полу. Помогли ему встать, а он снова падает — ноги подкашиваются. Что такое? А он повторяет: «Ботинки, ботинки». Мы посадили его на кровать. Он взял с пола ботинки, а они выпали у него из рук.

Он говорит: «Перчатки, перчатки». Мы стоим и смотрим на него, ничего понять не можем. А он как закричит: «Перчатки!» Миранда перепугалась. Принесла перчатки и бросила ему на колени. Он их натянул медленно, с трудом. Потом наклонился и надел ботинки.

Встал и прошелся по комнате, осторожно, словно сомневался, что ноги его выдержат.

Потом говорит: «Шляпа» — и пошел в чулан. Напялил на голову шляпу. А потом — можете себе представить? — говорит: «Какого черта ты притащил меня домой? У меня работы полно. Я сейчас поеду и уволю ту скотину, которая спрятала мою шляпу». И поехал обратно в контору. Вы мне верите?

— Почему бы и нет? — устало ответил я.

— Ну что ж, — сказал он, — я думаю, об остальном вы и сами можете догадаться. Миранда в тот день сказала: «Так вот почему этот придурок такой мямля в постели! Теперь что, каждую ночь на него шляпу напяливать?» Мне даже как-то неловко стало. — Он замолчал и вздохнул. — После того

случая дела пошли совсем плохо. Без шляпы Чарли не мог думать. Без ботинок — не мог ходить, без перчаток — шевелить пальцами. Он даже летом ходил в перчатках. Врачи только руками разводили, а один психиатр вообще уехал из города после того, как Чарли побывал у него на приеме.

— Закругляйтесь, — сказал я. — Мне скоро уходить.

— Да я уже почти закончил, — заторопился он. — Чарли становилось все хуже и хуже. Чтобы его одевать, пришлось специально нанять человека. Миранде он совсем опротивел, и она перешла спать в другую комнату. Мой брат терял все. А потом настало то утро...

Он содрогнулся.

— Я зашел его проведать. Дверь в квартиру была распахнута настежь. А внутри — словно в склепе. Я позвал слугу Чарли. Ни звука. Прошел в спальню. Гляжу — Чарли лежит на кровати и что-то бормочет. Я, ни слова не говоря, беру шляпу и надеваю ему на голову. «Где твой слуга? — спрашиваю. — Где Миранда?» А он на меня уставился и молчит, только губы дрожат.

Я его спрашиваю: «Чарли, что случилось?»

Он отвечает: «Костюм».

Я спрашиваю: «Какой костюм? О чем ты говоришь?»

А он со слезами в голосе: «Мой костюм сегодня утром пошел вместо меня на работу».

Я подумал было, что он свихнулся.

А он объясняет: «Серый, в полоску. Я вчера его надевал. Мой слуга закричал, и я проснулся. Он смотрел в сторону гардероба. Я тоже посмотрел. О Господи! Там перед зеркалом мое белье само по себе собиралось. Белая рубашка прилетела и наделась на майку, сверху — пиджак, снизу — брюки, галстук сам собой завязался. Носки и ботинки подползли под брюки. Потом рукав пиджака поднялся, взял с полки шляпу и надел ее туда, где должна быть голова. Потом шляпа сама по себе снялась.

Костюм ушел. Мой слуга сбежал. Миранды нет».

Чарли замолчал, и я снял с него шляпу, чтобы он мог спокойно потерять сознание. Потом вызвал «скорую».

Это случилось на прошлой неделе. Меня до сих пор трясет.

— Все? — спросил я.

— Почти, — ответил он. — Чарли в больнице, и ему становится все хуже. Сидит в серой шляпе на кровати и бормочет что-то себе под нос, а разговаривать не может даже в шляпе.

Он вытер пот со лба.

— И это еще не самое худшее. Говорят, Миранда... Говорят, у нее с этим костюмом роман. Она всем своим подружкам рассказывает, какой он замечательный, и что Чарли, как мужчина, ему и в подметки не годится.

— Не может быть, — сказал я.

— Может, — сказал он. — Она сейчас там, — и он кивнул головой в сторону двери. — Недавно пришла.

Он откинулся на спинку шезлонга и замолчал.

Я встал и потянулся. Мы посмотрели друг другу в глаза, и он тут же потерял сознание.

А я разыскал Миранду, и мы поехали домой.

Перевел с английского
Михаил ТАРАСЬЕВ

Глаза на кончиках усов

Группе исследователей из университета Базеля удалось обнаружить основной ген, отвечающий за формирование органов зрения у мухи дрозофилы. В ходе экспериментов оказывалось воздействие на этот ген, который в нормальных условиях остается у мушек неактивным. Ученые добились, что у дрозофил вырастали дополнительные, полностью функционирующие глаза, причем в некоторых случаях их число достигало 14. Авторы открытия ввели ген в зародышевую ткань, из которой впоследствии развиваются усики, крылья и ножки насекомого. По утверждению руководителя группы Уолтера Геринга, в итоге глаза у мушек вырастали на крыльях и ножках, а у некоторых — даже на кончиках усиков. Причем они ничем не отличались от нормальных: имели тот же хрусталик, пигментные клетки и реагировали на свет. Как считают специалисты, открытие имеет революционное значение. Ведь исследователям удалось, в частности, установить, что «безглазый» ген дрозофил очень схож с генами, участвующими в формировании органов зрения у мышей и людей. Они также выяснили, что аналог «безглазого» гена у мышей, называемый «малый глаз», при введении мушкам вызывает такую же реакцию. А это означает, что мышиный ген работает точно так же, как и ген дрозофил.

Человек с сердцем свиньи

Только в США каждый год в ожидании донорских органов умирают около 28 000 людей и, возможно, единственным выходом может оказаться пересадка человеку органов животных. Их выведением уже занимаются три биотехнологические компании: «Имутран» из Кембриджа, «Алексион» из Нью-Йорка и «Некстран» из Нью-Джерси. В мае «Некстран» объявил, что после трансплантации генетически модифицированных сердец свиней бабуинам они функционировали почти 30 часов. К испытаниям на человеке ученые собираются приступить в ближайшие 2 года. Сейчас самым предпочтительным донором считается свинья, поскольку некоторые ее внутренние органы функционально и по размерам близки к человеческим, к тому же это животное физиологически достаточно удалено от человека, что исключает вероятность передачи ему смертельных для него вирусов. Конечно, человеческий организм воспримет орган животного как нечто чужеродное. И чем больше различий находит он между собственными белками и белками пересаженного органа, тем резче реагирует иммунная система. Без приема особых лекарств пациент погибает. Чтобы решить эту проблему, необходимо перехитрить иммунную систему так, чтобы она признала новый орган своим. Дэвид Сакс из Гарвардского университета и Фред Санфилиппо из университета Джонса Гопкинса надеются вскоре приступить к экспериментам по замедлению реакции иммунной системы путем трансплантации больному костного мозга соответствующего животного. Пациент получит, таким образом, не только сердце свиньи, но одновременно и ее костный мозг. Тогда, считают ученые, в крови человека начнут образовываться белые кровяные клетки, соответствующие донорскому органу, которые и помогут предотвратить реакцию отторжения. Вероятно, наиболее успешными станут те операции по трансплантации, при которых будут учтены все имеющиеся на сегодняшний день технологии. Однако на этом пути придется преодолеть не только научные, но и этические барьеры.

Лазер-косметолог

Чтобы как можно дольше выглядеть молодыми, желающие могут воспользоваться услугами высокоэнергетических лазеров. Клинические исследования, проведенные в США и Австралии, свидетельствуют о том, что это почти безболезненный путь избавления от морщин, шрамов и других косметических недостатков. Кроме того, лазеры безопаснее других способов обновления поверхности кожи, хотя возможные отдаленные эффекты такого лечения еще предстоит оценить. Идею использовать лазер для косметического лечения выдвинули в 1992 году Ричард Фицпатрик, профессор дерматологии из Калифорнийского университета в Сан-Диего, и Лоренс Дэвид, президент Международного общества работников косметической лазерной хирургии. В последнем клиническом испытании, проведенном почти на 900 пациентах, с помощью лазера удалось уничтожить 75% морщин у более чем 90% участвовавших в эксперименте. При таких традиционных косметических процедурах, как дермабразия и обработка кожи химическими отшелушивающими средствами, трудно контролировать толщину удаляемого слоя кожи, что влечет за собой повышенный риск. Среди возможных побочных эффектов таких процедур могут оказаться образование шрамов, истончение кожи, потеря пигментации, в в случае применения химических агентов — проблемы с сердцем и почками. Лазер же за каждый цикл снимает слой ткани толщиной лишь в 75 микрометров и, если операция проведена правильно, не оставляет ожогов и кровоточащих ссадин. За каждый импульс прибор выстреливает 500 миллиджоулей энергии столь быстро, что обработанная поверхность испаряется прежде, чем успевает провести значительное тепло лежащему глубже слою кожи. Та малая часть тепловой энергии, которая все-таки достигает внутренних слоев, как оказалось, даже полезна для них. Она уплотняет коллагеновые волокна примерно на треть объема, и в результате кожа пациента стягивается и уплотняется после второго или третьего цикла работы лазера. Фицпатрик также уверяет, что прогревание коллагеновых волокон способствует заживлению ран. По его словам, «если научиться еще точнее контролировать глубину проникновения луча, можно будет извлечь еще больше выгод из этого процесса».

Как мы выбираем спутника жизни?

Психологи Дуг Кенрик и Ричард Киф из университета штата Аризона изучили более 1000 объявлений, помещенных одинокими мужчинами и женщинами. Оказалось, чем старше одинокие мужчины, тем большую разницу в возрасте они хотят видеть между собой и своей избранницей; по сути, они стремятся найти молодую женщину в пике фертильности (25—30 лет). Одинокие женщины, напротив, предпочитают мужчин, старше их самих лет на пять. Исследователи также проанализировали около 900 объявлений из четырех американских газет. Мужчины чаще, чем женщины, ищут юную партнершу (42% против 25%) или физически привлекательную (44% против 22%), но при этом чаще умалчивают о своей внешности. Выяснилось, что в то время как 50% одиноких женщин описывали себя с помощью таких эпитетов, как «миловидная», «эффектная», «с хорошей фигурой», только 43% мужчин употребляли аналогичные термины («красивый», «статный», «атлетически сложенный»). Психолог Дэвид Басс из Мичиганского университета в 1989 году изучал анкеты о предположительных качествах будущего супруга, которые заполнили 10047 человек из 37 стран мира от Австралии до Замбии и от Китая до США. Женщины оказались разборчивее мужчин и оценивали будущего партнера по гораздо большему количеству критериев личностного и социального характера. Кроме того, они придавали больше значения социальному статусу и размеру заработка будущего партнера, а для мужчин важнее были молодость и физическая привлекательность подруги.

ГИПОТЕЗА

Барбара Сигел, Скотт Сигел

Чудовище Кровавого Моря

Задыхаясь и теряя надежду, я мчался по мокрому песку, отчаянно пытаясь найти убежище. После ужасного шторма, что бушевал утром, бежать — все равно что передвигать ноги в огромной миске с вязкой кашей. Но Толстобрюхий Ник, деревенский булочник, грозился поймать меня во что бы то ни стало, поэтому иного выхода я не видел.

Прошмыгнув между двумя домами, я рванул к морю. Вот оно, мое убежище: ряд рыбацких лодок на берегу. Прижав к груди украденный каравай хлеба, я оглянулся. Толстобрюхий еще не достиг полоски песка. Не раздумывая, я нырнул в первую же лодку и накрылся тяжелой сетью.

Не знаю, сколько прошло времени. Если у тебя руки трясутся от страха, и ты лежишь, утопая в дождевой воде и стараясь не дышать, — нет ничего медленнее времени.

Быстро приближающиеся шаги заставили мое сердце вновь пуститься вскачь. Я вжался в дно лодки: теперь из воды высовывался только нос.

Шаги приближались. Все равно пропадать. Я поднял лицо над водой, открыл рот и откусил кусок хлеба: хоть наемся, прежде чем Толстобрюхий побьет меня.

Шаги были совсем рядом. Видел ли он, как шевелятся сети? Чувствовал ли мое тяжелое дыхание? Слышал ли, как я жую его хлеб? Я откусил еще, потом еще и еще, и мои щеки так раздулись, что стали не меньше, чем у дракона.

Шаги смолкли. Хлеб застрял в горле. Я начал задыхаться. С меня стащили сеть. Защищаясь от ударов Толстобрюхого, я прижал ладони к лицу.

Но ударов не последовало.

Я открыл глаза.

— Что это? — озадаченно спросил старик, разглядывая меня. — Никак малыш-эльф собственной персоной?

Я не ответил. Я судорожно жевал хлеб.

Когда наконец я пришел в себя и оглянулся, то увидел, что пляж пуст. Толстобрюхого не было видно.

— Что случилось, эльф? — спросил старик, поймав мой загнанный взгляд.

Я решил сыграть на его добрых чувствах.

— Толстобрюхий Ник не любит меня.

— Толстобрюхий Ник никого не любит, — со вздохом согласился старик. И добавил с хитрой усмешкой:

— Особенно он ненавидит одного эльфа, который таскает его хлеб.

Я покраснел.

— Как тебя зовут, эльф? — спросил он.

— Дьюдер.

— И это все? Просто Дьюдер?

— Хватит и этого, — ответил я, не собираясь вдаваться в подробности. — А вас как?

— Люди зовут меня Шестипалым Фиском.

Я украдкой посмотрел на его руки.

— Не ищи лишнего пальца, эльф, — рассмеялся он. — Когда мать меня рожала, доктор хватил лишку, ну и насчитал на моей руке шесть пальцев. А мать счету была не обучена, поверила, так прозвище и прилипло.

Вдруг рыбак схватил меня за плечи и вытащил из лодки.

— Ну ладно, парень, — сказал он. — Поговорили, и хватит. Тебе никак нельзя оставаться в лодке. А мне в море сейчас выходить.

— Ну да?! — пробормотал я в изумлении. — Все остаются на берегу из-за шторма. И потом, уже слишком поздно: через несколько часов совсем стемнеет.

— После ливня лучше клюет, — сообщил Шестипалый. — К тому же, — добавил он таинственно, — мне нужно поймать одну рыбу, а мое время истекает.

Я понятия не имел, о чем он толкует. Да и, по правде сказать, меня это не очень волновало. Но что меня действительно беспокоило — как не попасться на глаза Толстобрюхому.

— Я поплыву с вами, — быстро предложил я. — Когда вы будете возвращаться, станет уже совсем темно. У меня хорошие глаза, и я помогу вам найти дорогу назад.

Старик засмеялся.

— Не учи меня ходить в Кровавое Море, — сказал он. — Я рыбачил здесь, когда ты и на свете еще не появился.

Мне было шестьдесят два года, и по эльфийским меркам я считался подростком, но я не сомневался в том, что Шестипалый Фиск пережил меня на добрых десять, а то и пятнадцать лет. Значит, надо как-то по-другому убедить его взять меня с собой.

— Я буду рад посидеть на веслах за скромную плату всего лишь в десять процентов улова.

Старик задумался.

— Ладно, Дьюдер, — наконец сказал он. — Гребец ты, судя по всему, неважный, но возьму тебя в компанию, чтобы не заснуть темной ночью. И коль уж ты действительно собрался идти со мной, тебе надобно знать, что я собираюсь поймать Чудовище Кровавого Моря.

Я не смог удержаться от смеха.

— Так ты, значит, не веришь, что оно существует? — спокойно спросил старик.

— Сказки все это.

— Твое дело, эльф, верить или не верить, — упрямо сказал старик, — но именно Чудовище Кровавого Моря я и собираюсь поймать. Ты все еще хочешь идти?

Чего я не хотел, так это оставаться с Толстобрюхим Ником. Прикусив язык, чтобы снова не рассмеяться, я твердо произнес:

— Да, хочу.

Он еще не успел ответить, а я уже бросился толкать его маленькую лодку навстречу плещущимся волнам. Только бы он не передумал!

Он внезапно позвал меня:

— Дьюдер!

— Да?

— Получишь два процента улова.

Ура! Я буду рыбачить!

Я греб, пока берег не исчез из виду. Лодка шла медленно; Кровавое Море все еще отходило от шторма. Мне казалось, я сойду с ума от коварных ударов волн. Шестипалый, должно быть, видел мои страдания, но уговор есть уговор, и он не взял у меня весел. Только сказал:

— К сумеркам волны стихнут. Так всегда бывает.

Он оказался прав. Солнце зашло за Кровавое Море, и красные огоньки запрыгали по успокоившейся поверхности воды. Утих и мой желудок.

Внезапно я заметил, что Шестипалый еще не закинул леску.

— Вы так ничего не поймаете, кроме насморка, — сказал я ему.

— Ты что, уже командуешь? — усмехнулся старик. — Я удил здесь раньше и не нашел Чудовища.

Между тем я снова почувствовал голод. Прежде мне приходилось есть сырую рыбу, и я спросил:

— Можно половить? В конце концов, за мной процент улова.

Он пожал плечами:

— Ладно, уди, а я пока погребу.

Шестипалый налег на деревянные весла, отвернувшись от меня и вглядываясь в сгущающиеся сумерки.

Леска, упав, разрезала красную воду. Я закрыл глаза, наслаждаясь движением лодки.

«А ведь жизнь совсем недурна, — подумал я. — Кто-то гребет за тебя, а ужин сам ловится на удочку». Но тут, как обычно, я вообразил себе гораздо большее: у меня будет целая флотилия рыбацких лодок, каждую будет выводить в море опытный рыбак, принося мне богатый улов. Я буду щедр и отдам им десять процентов прибыли. Тут я остановился и подумал: «Ну уж нет, больше двух процентов они от меня не получат».

Я удовлетворенно улыбнулся. Я прославлюсь как Дьюдер, Капитан Кровавого Моря. Я стану богатейшим эльфом на земле. Другие эльфы будут завидовать мне. Они еще пожалеют, что так плохо со мной обошлись. Ведь я был изгнан с родины, жестоко наказан за мальчишескую глупость. Все избегали меня, и мне пришлось странствовать совсем одному — о, я почти возненавидел себя. Но когда эльфам понадобится моя рыба, понадобятся мои деньги, моя власть и влияние... Вот тогда-то они придут ко мне и скажут: «Прости нас, Дьюдер. Возвращайся домой». А я только усмехнусь и отвечу им так...

— Ой!

Леска чуть было не вырвалась из рук. Я широко раскрыл глаза и сжал ее крепче. Вытягивая ее сантиметр за сантиметром, я подсчитывал денежки. Но как только мой улов показался на поверхности, я бросил это занятие. На волнах покачивался утопленник.

— Понятно, — сказал Шестипалый после того как помог мне втащить утонувшего матроса в лодку.

— Вы что, каждый день ловите утопленников? — изумился я.

На старческом лице не дрогнула ни одна морщинка.

— Когда в центре Кровавого Моря случаются штормы, — сказал он, — можешь быть уверен, что какой-нибудь корабль обязательно погибнет в водовороте.

Я содрогнулся: слишком уж много штормов я видел в своих одиноких странствиях.

— Невеселый конец рыбалки. — Я не сомневался, что старик посчитает нужным вернуться и похоронить несчастного.

— Не глупи, — ответил рыбак. С этими словами он перерубил леску и столкнул труп обратно в воду.

— Что вы делаете? — воскликнул я.

— Где же еще хоронить моряка, как не в море, — спокойно объяснил он. — И потом, всю свою жизнь я охочусь за одной рыбой. Сегодня ночью, быть может, мне улыбнется удача.

Тело моряка исчезло в волнах, а Шестипалый даже не повернул головы в ту сторону.

Я вновь сел за весла и взглянул за борт. На волнах покачивались обломки корабля. На одном из них я разглядел поблескивающие буквы, наверное, название судна. «Перехон», — прочел я в блекнущем свете. Волна подхватила обломок, и он исчез из виду.

Что это за судно? Много ли матросов погибло? Я никогда не узнаю этого. Просто еще один корабль, который никогда не причалит к берегу, еще одна команда, которая никогда не увидит солнца, еще одни люди, которые никогда не вернутся домой... как я.

Каждый день уносил меня все дальше и дальше от дома. И вот теперь я оказался в утлой лодчонке, вдали от суши, в пучине Кровавого Моря, во мраке ночи. Хуже того, я плыл со старым рыбаком, одержимым безумной идеей поймать миф.

— Как выглядит это ваше чудовище? — спросил я, погружая весла в воду.

— Не знаю, — ответил старик. — Ни одного из очевидцев нет среди живых.

— Тогда откуда вам известно, что оно существует? — ухмыльнулся я.

— Знаю, — просто сказал он.

— Некоторые говорят, что оно больше, чем тысяча рыбацких лодок, — через некоторое время продолжил старик. — Другие уверяют, что это всего лишь размер его зуба. По-настоящему никому ничего не известно. Хотя я знавал одного человека — он утверждал, что видел отражение Чудовища в зеркале. У него была чешуйчатая, залитая кровью морда, из которой сочился черный гной. Впрочем, не все ли равно, как оно выглядит. Главное, что я ловлю его.

— Зачем?

Его глаза сощурились, голос дрогнул. Но не я разгневал его. Его злость была обращена к существу, которое он искал.

— Оно убило моего отца, — сказал старик. — И еще оно убило моего деда. Оно убило моего единственного брата, моих детей, моих племянников — все они были рыбаками — оно погубило их в этом море крови. Потом умерла моя жена... Не перенесла горя. И вот я остался один. Старик, единственное желание которого — отомстить.

Он поднял голову и посмотрел в небо горящими глазами.

— И я отомщу! — выкрикнул он. — Клянусь, я отомщу!

Если он будет продолжать так вопить, то распугает всю рыбу. Меня-то он уже напугал.

Я сразу же забыл обо всем, когда он предложил мне одну из своих пшеничных булок. Я смолотил ее так быстро, что старик полез в свою сумку, вынул сушеных фруктов и протянул мне.

— А вы? — спросил я, чтобы не показаться невежливым и еще чтобы отвлечь его от мрачных мыслей. — Вы-то сами есть будете?

— Мне много не надо, — вздохнул он. — Я из того, что беру, и половины не съедаю. Выбрасываю все, что останется, за борт рыбам. Нельзя брать у Кровавого Моря, не давая ничего взамен, — почтительно добавил он. — Если рыба будет жить и плодиться, рыбаки возвратятся с уловом.

Это было, конечно, благородно, но я надеялся, что этой ночью не все, предназначенное рыбам, уйдет за борт.

Он, должно быть, прочел мои мысли, потому что протянул мне сумку с едой.

— Ешь, сколько хочешь.

Я съел все.

* * *

Луна была уже в середине неба, когда я покончил с ужином. И тогда старик наконец закинул блесну.

Мы плавно покачивались на волнах и молчали. Хотел бы я знать, сколько пройдет времени, прежде чем старику надоест, и мы вернемся. И еще я хотел бы знать, что я буду делать, когда мы вернемся. Придется ли мне продолжить свои скитания и красть хлеб в новом городе, у нового булочника? Я хотел от жизни большего, и потому все время искал чего-то... Опыта, наверное. Вот почему на родине я украл медальон эльфийского вождя. На медальон наверняка было наложено тайное заклинание, которое дало бы мне силы и мудрости. Вместо этого он принес мне несчастье. Кража раскрылась, меня изгнали из дома. Я стал темным эльфом. Но куда же я теперь направляюсь?

Лодка — как и ночь — плыла, покачиваясь в такт моим мыслям. Время исчезло. Это-то мне и нравится в море. Старик весь ушел в свою рыбалку, я — в свои мысли, пока в воде не раздался всплеск!

— Ага, попалась! — воскликнул Шестипалый.

Леска натянулась струной. Нос лодки зарывался в волны по мере того как существо на другом конце уходило вглубь с крючком во рту.

Уж не думает ли он, что поймал Чудовище Кровавого Моря?

Старый рыбак дал сначала рыбе немного свободы. Затем, когда леска ослабла, старик потянул назад, сматывая ее. Когда рыба опять попыталась вырваться, старик терпеливо повторил все снова. Шестипалый выкладывался полностью, но и его добыча явно не собиралась сдаваться без борьбы.

Шестипалый продолжал свою охоту, пока существо вновь не появилось на поверхности, плеснув прямо за кормой лодки.

— Да оно большое! — не смог удержаться я от выкрика, увидев тень, отброшенную в лунном свете.

Но старик только нахмурился. Он знал, что поймал вовсе не то, что хотел. Но он все-таки вытащил рыбу. Схватив старую сеть, я помог ему достать ее из воды.

Бросив рыбину на дно нашей лодчонки, я наконец-то увидел, что выудил старик: редкую — и презлющую — рыбу белу. Я только слышал о них, но никогда не видел — рыбаки всегда выбрасывают их за борт. Вкус у белы, знаете ли, просто чудовищный, и ее никому не продашь. И потом, убить белу — к несчастью, ведь она из тех редких существ, которые обладают даром речи.

— Крюк! — выкрикнула она. — Вытащите его из моего рта!

Я сразу же опустился на колени и осторожно вытащил крючок.

— Спасибо, — сказала рыба. — Может, вы будете настолько добры, что бросите меня в воду?

Я не раздумывал. Я уже подхватил белу, но старик остановил меня.

— Постой, — сказал он. — Это хороший улов.

Услышав слова старика, бела начала извиваться на дне лодки, отчаянно пытаясь перевалиться через борт.

— Пожалуйста, — взмолилась рыба, — отпустите меня!

Я был поражен. Я не мог поверить в жестокость старика. Как мог один и тот же человек сначала щедро делиться последним куском, а потом мучить разумное существо?

— Отпустите белу, — потребовал я. — Если она не вернется в воду, то умрет.

— Значит, умрет, — твердо ответил Шестипалый. — правда, я готов подарить этой рыбе шанс.

— Что ты хочешь? — вскричала бела. — Я все сделаю!

— Скажи мне, где можно найти Чудовище Кровавого Моря, — потребовал старик.

Бела посмотрела сначала на меня, потом на старика.

— Если ты хочешь жить, то повернешь к берегу, — изрекла она.

До меня не сразу дошел смысл ее слов.

— Так ты хочешь сказать, что это чудовище существует? — наконец спросил я.

— Существует, без сомнения, — ответила бела. — И когда мы слышим, что оно близко, то уплываем так быстро, как только можем.

— Почему?

— Разве ты не знаешь?

— Нет.

Рыба быстро теряла силы. Она проговорила слабым голосом:

— Задумайся, почему никто из живых не видел Чудовища Кровавого Моря? Как черная тень, оно движется сквозь воду. И вода, которая остается за ним, холодна, пуста... мертва.

— Не понимаю, — сказал я в смущении.

— Вы поймете это слишком хорошо, если продолжите ваши глупые поиски, — ответила она. — Умоляю вас, не...

— Хватит! — выкрикнул старик, прерывая белу. Он поднял ее обеими руками. — Где чудовище? Или я размозжу твою глупую голову о днище.

— Я пыталась спасти вас, — проговорила она, задыхаясь. — Чудовище, которое вы ищите, рядом. Оно там, где засосало в воронку корабль. Хвост Чудовища все время крутится — он и устраивает водоворот, а пар, исходящий от его тела, вызывает шторм, который свирепствует в центре моря.

Я содрогнулся, вспомнив утопленника и обломок деревяшки с названием «Перехон».

Старик удовлетворенно хмыкнул. Слова белы, так напугавшие меня, вовсе не смутили Шестипалого Фиска. Напротив, близился час его мести. Выполняя уговор, старик швырнул белу за борт. Затем схватил весла и стал лихорадочно грести к центру Кровавого Моря. Бела вынырнула рядом с лодкой и проговорила:

— Возвращайтесь! — Старик не обратил на нее никакого внимания, и она обратилась ко мне:

— Ты добрый малый! Послушай меня, прыгай за борт, спасайся!

Морские эльфы — родственники моего народа, но это вовсе не означает, что я могу плавать, как рыба. Мы жили далеко от моря, и прыжок в волны для меня был равносилен самоубийству.

Впрочем, я бы все равно остался. Было что-то завораживающее в свирепой решимости старика. Его уверенность и смелость покоряли. Но самое главное, я думал о том, как здорово будет стать свидетелем этого великого подвига, если старик действительно поймает рыбу-чудовище. Да, Шестипалый Фиск станет знаменитым, но ведь и я тоже! Я буду участником величайшего приключения, я стану самым знаменитым эльфом во всем мире.

Старик греб долго и дышал тяжело.

— Дайте мне погрести немного, — предложил я.

— Если Чудовище клюнет, вам понадобится вся ваша сила.

— Это верно, — согласился Шестипалый. — Хорошо, что я взял тебя в плавание.

Я улыбнулся, услышав его слова. Погрузил весла в воду и стал работать ими так резво, как только мог.

Скоро вихревые облака закрыли луну и звезды. Мы входили в шторм, господствовавший в центре моря. Задул холодный и промозглый ветер. Вода под лодкой начинала бурлить. Мы приближались к водовороту — или к чудовищу?

— Суши весла, — приказал старик. — Здесь-то я и закину блесну.

Я устал от гребли и с радостью остановился. Потирая ноющие руки, я смотрел, как исчезает блесна в темной, красной глубине.

Глядя на леску, я ждал, что вот-вот клюнет. Но скоро глаза мои устали, как и руки, и я улегся на дно лодки, завернувшись в сети. Ветра почти не чувствовалось. Возбуждение исчезло, меня охватила истома, и я провалился в сон.

* * *

Сколько я проспал, понятия не имею. Когда я открыл глаза, то услышал, как старик ворчит и кашляет. Мне стало жаль его. Шутка ли сказать — сидеть в сырой, холодной ночи в ожидании своей мечты. Мечта, похоже, была несбыточной — ведь ночь кончалась, а у него так ни разу и не клюнуло. Ни разу.

От этой мысли я похолодел. У старика просто не могло ни разу не клюнуть. Значит... вода здесь мертвая. А если так...

Непереносимый страх сжал мое сердце. Я хотел сказать старику, чтобы он сматывал леску, но не успел. В это самое время он воскликнул:

— Клюет!

Леска натянулась так сильно, что чуть не лопнула. Лодка дернулась и двинулась вперед. Сначала она шла довольно медленно, но потом ее потащило все быстрее, пока наконец она не полетела, подобно летучей рыбе, над гребнями волн.

Старик намотал леску на весло и сейчас прижимал его ко дну лодки. Это он здорово придумал, но существо на другом конце тянуло нас дальше и дальше, и леска начала вгрызаться в дерево. Старик, испугавшись, что может упустить улов, обвязал конец лески вокруг туловища и приготовился к решающей схватке.

Увидев, как смело он действует, я бросился ему на помощь. Если его ждала удача, я хотел получить свою долю. Схватив леску, я попытался затянуть ее, чтобы остановить рыбу.

Шестипалый не обратил внимания на мои усилия.

— Я поймал Чудовище Кровавого Моря! — выкрикнул он в небо. — Я поймал его, и теперь оно от меня не уйдет.

Следом за ним я посмотрел в небеса, но увидел там лишь тяжелые зловещие тучи. Только тогда до меня дошло, куда мы направляемся. Гигантская рыба тянула нас прямо в водоворот! Если мы не сможет изменить направление, нас засосет, и мы сгинем в пучине.

— Надо поворачивать! — закричал я. — Посмотрите, куда нас тащит!

Старик услышал меня и все понял. Он глубоко вздохнул и натянул леску. Я, как мог, помогал ему.

Внезапно леска ослабла.

— Мы победили! — радостно воскликнул Шестипалый. — Понимаешь? Оно выдохлось! Оно проиграло схватку!

Старик задыхался, но, несмотря на это, поспешно принялся втягивать чудовище.

Я радостно смотрел, как он локоть за локтем приближается к победе. Мы все-таки сделали это! Старик станет легендой. И когда мы доставим чудовище на берег, я буду стоять рядом с Шестипалым Фиском. И люди скажут: «Посмотрите на Дьюдера! Вы думаете, это тот вороватый темный эльф? Нет, это герой, который помог старому рыбаку поймать Чудовище Кровавого Моря».

Я откинулся на борт лодки. Мне не терпелось увидеть наш улов. В конце концов мне причитались два процента. Я потом напомню Шестипалому о его обещании. Да, два процента такого улова способны изменить всю мою жизнь!

Я всматривался в волны, надеясь увидеть рыбу, и вдруг заметил, что море начало бурлить. И услышал рев, исходящий, казалось, из-под лодки.

— Что происходит?! — закричал я.

Старик не ответил ни слова. Он перестал сматывать леску. Страх застыл на его лице.

Море под нами грохотало, и тогда я отчетливо понял, что это вовсе не старик поймал Чудовище Кровавого Моря. Все было как раз наоборот.

— Обрежьте леску! — завопил я. — Отпустите его!

Старик колебался. Жажда мести боролась с жаждой жизни.

Море неистовствовало; нашу маленькую лодку швыряло из стороны в сторону. Но старик все не мог решиться. Думал ли он о своем отце? О брате? О детях? Или о своей несчастной жене? Я не знал, что удерживало его, но был уверен, что если мы прождем еще минуту, то присоединимся к ним.

Рев, исходящий из морских глубин, стал громче; пар начал собираться в облако, укрывая нас, словно саваном.

Крик чудовища и окутывавшая нас белизна заставили старика действовать. Он полез за ножом, собираясь обрезать леску, но руки его дрожали, нож упал на дно лодки.

В этот момент море перед лодкой расступилось. Что-то ужасное поднялось из глубин. Миллионы галлонов кроваво-красной воды стекали с его массивного тела. Огромные хлопающие крылья создавали ветер такой силы, что перехватывало дыхание. Я не видел ничего, кроме большого сверкающего металлического крюка Шестипалого Фиска, застрявшего между двумя массивными зубами на темной морде чудовища.

Без ножа старик не мог обрезать леску. Все, что ему оставалось, — это вырвать крючок из пасти чудовища, и он изо всех сил дернул леску.

Яростный крик монстра заставил меня закрыть лицо руками и упасть на дно лодки. Я слышал, как что-то прогрохотало рядом, но был слишком испуган и не поднимал головы.

Старик, казалось, сошел с ума: он разговаривал с чудовищем, как будто прежде знал его! И старик смеялся!

— Только дурак будет искать тебя раньше времени, а я и есть тот дурак! — выкрикнул он. И затем спокойно, словно отвечая на вопрос, сказал:

— Да, я должен был понять. Это не я искал тебя — ты искало меня.

И тут он внезапно воскликнул:

— Свет!

Было все еще темно. Я и понятия не имел, о чем это он. Да мне было все равно. Я думал только о себе, о своей неминуемой гибели.

— Твое время еще не пришло, — как будто отвечая на мой страх, прозвучал в моей голове скрежещущий голос, словно сама Вечность ответила мне.

Тут я услышал громкий всплеск; гигантская волна поднялась из моря и подхватила лодку. Я вцепился в борт. Лодка оказалась на самом гребне, и ее несло вперед, пока волна наконец не истаяла.

* * *

Когда лодка остановилась, я нашел в себе смелость открыть глаза.

Старика не было.

В страхе и смущении я осмотрел воду вокруг лодки, надеясь найти его тело. Тщетно. Я остался один, во тьме.

— Мое время еще не пришло, — прошептал я; слова чудовища эхом отдались у меня в голове.

Я сидел на дне лодки, и мои пальцы наткнулись на что-то острое. Я вздрогнул от боли. Мои пальцы обагрились. Я поднес руку ко рту и принялся отсасывать кровь.

Когда же я посмотрел вниз, чтобы понять, обо что порезался, то в изумлении увидел огромный треснувший зуб, лежавший у моих ног.

Поначалу я испугался и веслом отодвинул его как можно дальше от себя. Сама мысль о челюстях, которым принадлежал зуб, заставляла меня дрожать от страха.

Я хотел поскорее убраться из этого проклятого Кровавого Моря и забыть об этой ужасной ночи.

Было все еще темно, но по звездам я увидел, что ночь на исходе. Я жаждал, чтобы солнце согрело мою душу. Мне было жаль Шестипалого Фиска, честное слово. Я не мог не думать о нем и его странных словах перед исчезновением. Но надо было позаботиться и о себе, так что я определил свое положение по звездам и принялся грести к берегу. И чем больше работал веслами, тем сильнее овладевала мною жажда жизни. Я выжил. И медленно приближаясь к маленькой рыбацкой деревне, где началось приключение, я начал думать...

Итак, я, темный эльф Дьюдер, встретил Великое Чудовище Кровавого Моря и выжил, чтобы рассказать о нем. Гномы, минотавры, кендеры — все они придут изо всех уголков мира услышать, как отважно я пытался поймать могущественное морское чудище, как изо всех сил тянул леску и заставил-таки монстра отступить. Как я хотел спасти старика, как кричал ему и пытался обрезать леску. И я расскажу им об этом злом, ужасном существе с крыльями и скрежещущим голосом. Да, скажу я: оно говорило со мной! Оно пощадило меня, пораженное моей отвагой!

Разве кто-нибудь посмеет не поверить? В конце концов у меня зуб чудовища! Где еще в мире есть другой зуб, похожий на этот? Вот оно — доказательство героического приключения; мое будущее обеспечено!

Теперь я не мог позволить себе потерять зуб Чудовища Кровавого Моря. Я прекрасно понимал, что без него я останусь ничем. Используя остатки лески Шестипалого, я повесил сломанный зуб на шею. Он оказался таким длинным, что свисал до пояса.

Тщеславные мысли подгоняли меня, я стал грести быстрее. На заре начнется новая жизнь. И я налегал на весла еще и еще, думая обо всех тех подарках, которые получу, обо всей той вкусной еде, которую мне подадут. О, они пожалеют, что изгнали меня, превратив в темного эльфа! Ведь я стану самым известным эльфом в истории Кринна!

Небо начало светлеть. До зари оставалось совсем немного. На горизонте я видел темное пятно, которое могло быть только землей.

Вдруг море начало бурлить и пениться. Огромные волны поднимались и падали, и моя утлая лодка сразу перестала слушаться весел.

Нет! Ну пожалуйста! Ведь берег так близко!

Я потерял весло. Оно выскользнуло из моей руки и упало в воду. Мне нужно добраться до земли! Но как это сделать без весла? Я перегнулся через борт — и увидел Чудовище Кровавого Моря, восстающее из водных глубин.

— Теперь пришло твое время! — услышал я в своей голове скрежещущий шепот.

Я посмотрел ему прямо в морду — и в ошеломлении увидел там отражение своего лица. Образ менялся очень быстро. Сначала он был молодым, потом старым, потом настолько изъеденным временем, что остались только кости и пустые глазницы. Но это был я. Именно я.

Я хотел спорить, сражаться, бежать. Но голос в моей голове прогремел:

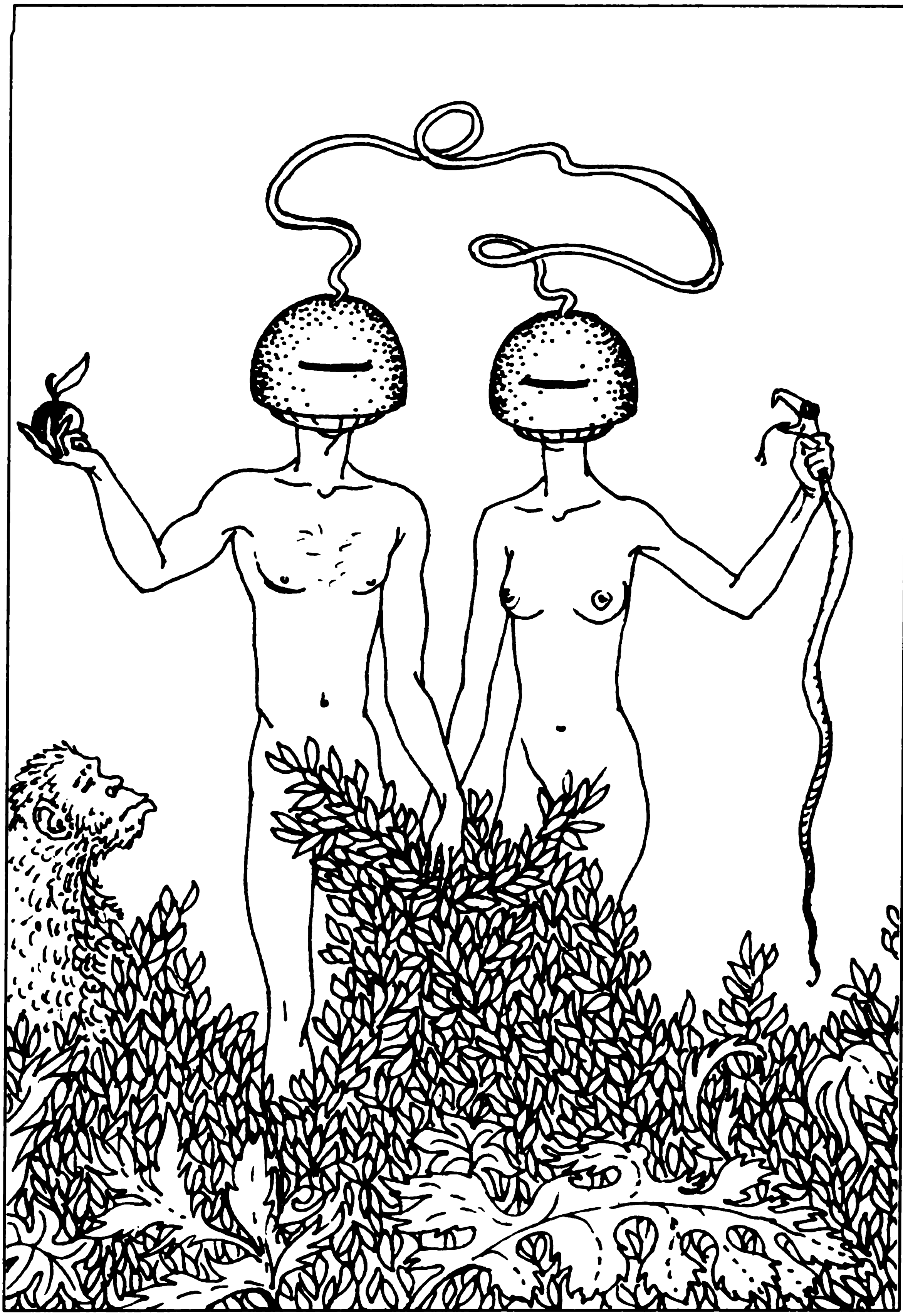
— Одни умерли старыми, удовлетворенные своей мудростью. Другие умерли молодыми, завороженные глупыми мечтами. Я прихожу за всеми.

Я стиснул в ладони свой амулет: он ведь должен был изменить всю мою жизнь. Так оно и случилось. Я слишком сильно перегнулся через борт, и, когда волна наклонила лодку, тяжелый зуб, висевший на шее, грузилом потянул меня за борт.

Тогда я увидел яркий ослепляющий свет.

Теперь я вижу все. И ничего.

Перевел с английского
Андрей ***ГОРЕЛИК***

ЭКСПЕРИМЕНТ

Дон Уэбб

Охотник за сенсациями

Asimov's
Science Fiction
September 1995

Я проверил все записи еще один, самый последний раз: напортачу — вовек не расплатишься. Затем начертил магический треугольник и произнес слова, открывающие врата ада: «Зазас зазас насетенда зазас». Линолеум под ногами затрепетал, по жаростойким кухонным столам пробежала дрожь. Слава Богу, я не забыл отключить дымовую защиту. Меловые знаки раскалились добела. Волны жара ударили мне в лицо. Я отступил, уперся спиной в посудомоечную машину и ненароком включил ее в режиме для чистки сковородок. «Книга первичных чар» явно не принимала в расчет габариты современных типовых квартир. Тем не менее я дал приказ демону: «Приди, Сиир! Явись и будь милостив ко мне!..» Я выбрал именно Сиира, поскольку он обладает способностью мгновенно вызывать к жизни любые предметы, за долю секунды перемещать что угодно куда угодно, да и, вдобавок, воздействовать на средства связи, если есть нужда. Воздух замерцал, закрутился рваным вихрем, из которого стала проступать темная хлюпающая масса. Масса вытянулась в желто-зелено-красно-черную колонну гнили с сотней глаз и тысячью ртов. Я еще успел подумать, что всей моей стряпне теперь крышка.

— Явись в облике пристойном и приятном на вид! — приказал я.

Гниль что-то пробурчала, повизгивая. Что подумают соседи?

— Явись в облике пристойном и приятном на вид, — повторил я, — не то разрушу имя твое, и ты на целых сто лет вообще утратишь способность являться кому бы то ни было в какой бы то ни было форме!

Я написал имя демона на бумажной тарелке, поднес ее к самой большой конфорке электроплиты и включил ток. Гниль опять забормотала какую-то чушь. Тарелка начала буреть. Гниль обратилась в восьмифутового трехглазого серого ящера.

— Не то! — заявил я. — Все еще не то!

От тарелки пошел дымок.

— У-уу! Прекрати!..

Ящер превратился в рыжеволосого принца верхом на крылатом коне. Если бы не черные крылья, конь походил бы на давнего моего знакомого, мистера Эда. Теперь Сиир явился мне в своем истинном обличье. Я отвел бумажную тарелку от конфорки и повернулся лицом к морде мистера Эда. Он уронил на стол конское яблоко.

— Веди себя как полагается!

— Я не могу управлять своим кишечником, — ответил конь. — За что и ненавижу этот лошадиный облик.

— Я думал, говорить будет принц.

— Нет, он здесь в порядке наказания. Он обречен покидать ад на несколько минут всякий раз, когда очередной осел, вообразивший себя магом, натыкается на «Книгу первичных чар». Притом он не в силах ничего сказать, не в силах пошевелиться. Это умножает его страдания. Я истинно демон Сиир, запертый твоим чудодейственным искусством в пространстве данного треугольника.

Конь зевнул, окатив меня зловонным дыханием.

— Держу пари, тебя вызывают не так уж часто.

— Смеешься? «Книга первичных чар» выпущена репринтным изданием в Дувре. Теперь демонов преисподней вызывают все кому не лень. Чем иначе, по-твоему, объясняется хаос, воцарившийся в мире?

— Что ж он сделал такого, что заслужил особое наказание?

По щекам принца поползли слезы.

— То же, что собираешься сделать ты. Продал мне свою душу. Даже не удосужился выяснить, каков круг моих обязанностей в аду. Из всех душ, отданных мне на попечение, я особенно мучаю ту, что носит имя Антона Ламонта О'Недди. Это автор «Книги первичных чар». Он продал душу за Книгу Могущества, а потом дал колдунам совет, чтоб я являлся в этом омерзительном облике. Я возненавидел всех млекопитающих без исключения. Видел бы ты тех, кто, по нашему замыслу, придет им на смену! Вот это да!

— Выходит, ты можешь предвидеть будущее?

— Лишь наш Верховный Враг располагает полным знанием будущего — но вправе же мы мечтать! Чего ты хочешь от меня? Богатства?

— Я репортер. Хочу создать великий репортаж. Такой, что обессмертит меня навеки.

— Пожар? Чума? Война? Все это в ведении больших шишек — Левиафана, Сатаны, Белиала. Неспроста они покупают и продают души полчищами.

— Нет-нет, у меня предложение по твоей части. Хочу стать первым человеком, вступившим в контакт с иным разумом.

— По-моему, француз Лилли давно работает с дельфинами...

— Нет. Я имею в виду контакт с внеземлянами, путешествующими в космосе. С действительно чуждым разумом. Обрати внимание — с разумом, не стремящимся к порабощению Земли. Плюс к тому я должен получить права на эксклюзивные публикации во всех средствах массовой информации на всех языках. Плюс ты должен служить мне, как я пожелаю, вплоть до завершения пребывания внеземлян на нашей планете. Плюс, если не выполнишь свои обязательства по контракту в полном объеме, ты гарантируешь мне добавочные пятьсот лет жизни без какого-либо вмешательства с твоей стороны, чтобы я в дальнейшем искал спасения по своему усмотрению. В обмен на эти условия я продаю тебе свою душу, и ты волен поступить с ней, как тебе заблагорассудится.

Впервые с начала разговора Сиир выказал к нему интерес.

— Контакт с инопланетянами? Но ваша раса, невзирая на благородную традицию научной фантастики, философски абсолютно не подготовлена к такой встрече. Контакт разнесет ваше общество вдребезги! И ведь я могу его устроить, могу! Мое имя будет возвеличено в анналах ада во веки веков! Брат мой, сделка совершена!

— Я позволил себе вчерне набросать наш контракт. На обеих копиях — моя подпись кровью. Поставь свой знак вот здесь и приступим к делу.

Сиир фыркнул.

— От текста за милю несет юриспруденцией. У нас и без того столько юристов, что их запах — второй по силе во всей преисподней.

— Второй? А каков же первый?

— Восхитительный запах человеческого страдания. Я оставлю тебе золотое кольцо со своим личным

знаком, чтобы ты мог вызвать меня в любой момент. Хорошенько запомни, что пользоваться кольцом ты вправе только в пределах условий контракта. За время общения с сыновьями Адама я накопил на вас немало обид, и ты многократно оплатишь мне эти обиды в аду. Что до твоих жалких надежд обхитрить меня, то знай, что я ни разу не потерял ни единой души вследствие вашей человеческой изворотливости. Хоть я и не в состоянии прочесть ваши сокровенные мысли, я ведаю им цену.

Конь попятился и исчез. На столе осталась копия контракта с печатью демона. Чуть позже я нашел кольцо. Где, как вы думаете?

В конском яблоке.

Я отправился в Аризону. Точнее, в Бардо, штат Аризона. Там я снял бетонный вигвам — изобретение того же племени, что выпускает резиновые томагавки. В мотеле никто не останавливался целых три года. Хозяйка почти забыла, как обращаются с постояльцами.

К счастью, охладитель-увлажнитель оказался в порядке. За моим вигвамом (он был выкрашен в зеленую и бурую полоску, но краска порядком осыпалась) простиралась красная песчаная пустыня. Утром произошло редкостное событие — прошел легкий дождь, и я воспринял это как предзнаменование грядущих перемен. После дождя креозотовые кусты источали особенно резкий запах.

Только-только я распаковал чемодан, как раздался громкий стук в дверь. На фоне резких пустынных светотеней стоял тощий лысеющий человек в линялом вельветовом костюме. Вид у него был какой-то отрешенный, — казалось, ветер пустыни вот-вот сдует его и унесет прочь. На миг я вообразил, что это и есть внеземлянин, с которым мне предстоит встретиться. Уж если не нашлось более чуждого разума, чем такой человечек, — значит, наша Вселенная до обидного бедна сюрпризами. Кольцо на пальце налилось теплом.

— Меня прислал Сиир, — объявил человечек. — Он обнаружил искомых инопланетян. И теперь весь трясется в предвкушении хаоса, какой они вызовут на Земле.

— А вы кто такой?

— Мэтт Шульц, бывший капитан СС, дивизия «Наследие предков». Когда я понял, куда поворачивает ход войны, я вызвал Сиира в замок Вевельсбург, в секретный бункер, где Гиммлер занимался черной магией. Я выставил условие, что буду жить столько, сколько просуществует человечество, и ныне Сиир то и дело переносит меня с места на место без предупреждения. Мое спасение стало и моим наказанием. Я его глаза и уши.

— А я-то думал, что демоны всеведущи!

— Они и были всеведущи, когда числились ангелами. Пока Люцифер не восстал против Господа, во Вселенной была одна воля. Одна-единственная. Все было известно точно. Теперь на смену единой воле пришло множество. Теперь Вселенная соткана из ошибок. Кругом ложь и противоречия. Если вновь возникнет истина, пусть самая крошечная, Вселенная этого уже не вынесет и развалится. Мы что, так и будем разглагольствовать на пороге или все-таки войдем в это странное обиталище?

Я жестом пригласил его внутрь и спросил:

— Но зачем вы здесь?

— Сиир желает, чтобы вы были под наблюдением. Он не уточнял, что именно я должен делать. Вот я и решил встретиться с вами лицом к лицу. Давненько не доводилось толковать с живым человеком.

— Давненько — это как понимать? И зачем ему держать меня под наблюдением?

— Последним моим собеседником был один советский физик в 1968 году. С тех пор, как я понимаю, Советский Союз распался. Думаю, что Сиир опасается, как бы вы не вызвали самого главного и не аннулировали контракт. Это ведь еще не поздно сделать, поскольку Сиир еще не оказывал вам реальных услуг. Он знает заведомо, что вы намерены каким-то образом выскользнуть из-под его власти. А он хочет довести сделку до конца и заполучить вас.

— Он что, сам сказал вам об этом?

— Сиир — добрый хозяин. И если вы сообщите мне, каким именно образом рассчитываете сорвать контракт, он облегчит мне дальнейшую службу.

— Или сделает ее невыносимой, если я откажусь.

— Вероятно, так. Но должен признать, — улыбнулся Мэтт Шульц, — для меня будет величайшим наслаждением, если кто-то выскользнет из его когтей.

— Слушайте, давайте съедим по гамбургеру и выпьем по кружке пива, а потом уж, как подобает интеллигентным людям, будем толковать о мировых проблемах хоть всю ночь напролет. Завтра вечером я вызову вашего хозяина и положу начало событиям, которые в последнем счете принесут вам заветное наслаждение.

Мэтт улыбнулся снова, но когда улыбка погасла, я заметил, как что-то в выражении его лица утратилось. Может, страдания постепенно стачивают Мэтта, как ветер и песок стачивают камни пирамид? А ведь страдания только начинаются. Я надеялся, что окажусь достаточно умным, чтобы выкрутиться из этой катавасии. Адская команда в ярко-красных колготках и не подумает шпынять тебя кочергой, если сам не подбросишь им в топку дровишек. Отныне моя затея уже не умозрительная игра.

Меня опечалило, что герр Шульц не может спать: Сиир навязал ему состояние непрерывного бодрствования. В то же время Шульц был не в силах подолгу оставаться на одном месте. Пока я спал, он кружил и кружил вокруг «Вигвам-мотеля» и за два дня чуть не протоптал в пустыне тропу.

В сумерках я вызвал Сиира. В то же мгновение он возник в овражке менее чем в ста ярдах от моего вигвама.

— Жду твоих приказаний, сын Адама, — заявил демон голосом, напоминающим собачий хрип.

— Прежде всего пусть эти статьи появятся там, где означено.

Я передал ему стопку листов. Адреса я выбрал самые разнообразные. Наряду с желтыми газетками, продаваемыми в супермаркетах, я послал свои сочинения во все издания третьего и четвертого мира, какие были мне известны. Тексты сообщали, что я вступил в контакт с инопланетянами в Бардо, штат Аризона, и советовали гражданам обдумать, какие огромные перемены это сулит. Пусть читатели как мужского, так и женского пола посоветуются с любым авторитетным лицом — комиссаром, священником, колдуном, революционным лидером — и обсудят и взвесят чрезвычайную новость.

Сиир ухмыльнулся, показав лошадиные зубы.

— Да, это их расшевелит... — Он отправил листы в пасть и тщательно прожевал. — Сделано! Я вмешался в работу связи по всему миру, и твои слова появятся вместо тех, что передавались изначально. В любом случае, ты опередил другие сообщения насчет инопланетян на два дня. Готов ли ты встретиться с ними без промедления?

— Сперва просвети меня.

— Они путешественники-исследователи, близкие к вам по культуре. Своего рода репортеры. Так сказать, освещают вселенские события для своих сородичей. В их системах...

— Системах?

— Да, это обитатели двенадцати солнечных систем в Малом Магеллановом Облаке, впервые дерзнувшие добраться, в исследовательских целях, до Млечного Пути.

— И они не стремятся нас поработить?

— Никоим образом. Они отвратительно честны.

— Тогда зачем, по-твоему, они пожаловали сюда?

— В их экзоскелетах есть узлы для связи с корабельным биокомпьютером. За последние два дня они перестали понимать его сообщения. Они приземляются, чтобы собрать ДНК определенных насекомых и вырастить новый компьютер.

— И ты даруешь мне способность понимать их речь?

— Не испытывай мое терпение, смертный. Разумеется, я исполню все условия контракта.

Сиир негромко заржал и исчез. В сумеречных потоках воздуха что-то замерцало, затем мерцание стало обретать контуры твердого тела, и наконец тело материализовалось. Корабль был большим и массивным, явно не предназначенным для полетов в атмосфере, и переливался всеми цветами радуги. Представьте себе изящные крылья бабочек, острые суставы кузнечиков, блестящую брюшную броню жуков, щетинистые ноги тарантулов — и все это разъято, перемешано, а затем собрано заново Сальвадором Дали. Корабль был на глаз футов девяносто в длину, а в высоту достигал по меньшей мере десяти футов. Он опустился на песок, раздавив при посадке два кактуса, и, казалось, дышал с помощью небольших мембран, рассеянных там и сям по корпусу. И был прекрасен — хотелось бы мне получше владеть пером, чтобы передать исходившее от него ощущение чужеродности.

Когда я стал приближаться к кораблю, он вытянул мне навстречу какие-то усики и антенны, попутно испустив одуряющий запах роз. Я подошел к пришельцам ярдов на двадцать и воскликнул на их языке:

— Привет вам! Мы ожидали вас, и потому руководство моей планеты запрограммировало меня на ваш язык. Я выступаю вашим единственным собеседником, поскольку другие представители моей расы заняты иными делами.

Я произнес эту речь, щелкая, стрекоча и позванивая, как камертон. Ответ прозвучал в той же манере:

— Привет! Я/мы питаю/питаем благоговение перед вашей наукой, успешно предсказавшей мое/наше прибытие и воссоздавшей мой/наш язык. Я/мы надеюсь/надеемся, что окажусь/окажемся не столь примитивной расой, чтобы не иметь сведений для обмена. Я/мы рад/рады, что ваша планета решила вступить со мной/нами в контакт.

— Я/мы, — подхватил я, — уверен/уверены, что у нас найдется чем обменяться. Каждая разумная раса идет своим путем и совершает свои открытия. Разумеется, поскольку мы продвинулись в развитии дальше вас, вам надлежит выступить с идеями для обмена первыми.

Засверкали вспышки. Мэтт бегал вокруг корабля, снимая все что можно моей фотокамерой.

— Прежде всего я/мы приношу/приносим извинения, что мои/наши сенсоры не сумели уловить из космоса признаки вашей цивилизации. Ныне все работает более или менее исправно. Давайте как следует рассмотрим друг друга. По форме ваших глаз я/мы догадываюсь/догадываемся, что наши расы воспринимают световые волны примерно одинаковой длины.

Близ центра корабельного корпуса раскрылось отверстие. Две атмосферы, их и мою, разделяла толстая защитная стенка слюны, — по крайней мере, это выглядело как слюна. Потребовалось секунд пять, пока я сумел отличить инопланетян от органической начинки корабля. Один присосался шестью из своих восьми ног к потолку шлюзовой камеры. Другой стоял выпрямившись, на двух ногах. Существа светло-оранжевого цвета напоминали, пожалуй, жуков-скарабеев. Только там, где у жука должна быть голова, колыхалась складчатая розовато-лиловая масса. От одной «головы» к другой тянулись осклизлые канаты. Когда они говорили, можно было заметить вибрацию верхних суставов передних ног. Они задали вопрос:

— Зачем ваш товарищ слепит нас ярким светом?

Я хотел ответить: «Он производит запись нашей встречи», — но обнаружил, что в чужом языке нет слов, различающих «он» и «она», а в сущности нет местоимений, отделяющих индивидуумов друг от друга. Вероятно, их разум — это мозг-улей. В конце концов я сказал:

— Другой я делает запись вашего появления химическим способом.

Вся фраза уложилась в два коротких свистка. Концепция фотографии им, по-видимому, была известна.

— Мы тоже сделаем аналогичную запись.

От корабля отделилось щупальце, и на его кончике замигало нечто, похожее на человеческий глаз.

Остаток дня я провел, собирая информацию для своих статей. Внеземляне действительно представляют собой мозг-улей — они соединяются друг с другом отростками, заключенными в защитную слизистую оболочку. На родных мирах они обычно сосуществуют группами по двадцать три — двадцать семь особей. Однако самое важное, с точки зрения их культуры, предприятие — собрать как можно больше особей в пространственно-временную машину и отправить в иной из родных миров. Там особи рассоединяются, чтобы как можно быстрее вступить в связь с местными группами, — чем больше таких связей, тем лучше. Широко рассылаются исследовательские экспедиции с тем, чтобы коллективный мозг получал все новые и новые факты. Так, собственно, и был установлен верхний предел объединения — двадцать семь: чуть больше — и согласие внутри группы нарушится, что повлечет за собой ее распад, воспринимаемый как нечто омерзительное.

Внеземляне — мастера органического конструирования. Зачастую в своих исследовательских экспедициях они сооружают для себя тела, подобные местным формам жизни. Так им легче запечатлеть сущность иных созданий с тем, чтобы передать новое знание коллективному мозгу. Данное путешествие началось тысячу земных лет назад и завершено покамест лишь на четверть. В нынешнем своем виде раса создана искусственно — гибрид из пробирки, полученный скрещиванием двух рас из разных миров и почти ничем не обязанный естественному отбору. Но вы ведь и так знаете все это, и гораздо больше. Вы же читали мои статьи. Или не читали?

Я нажимал на клавиши до поздней ночи, заполняя дискету за дискетой, и то и дело посылал Мэтта в ближайшую лавочку, открытую круглые сутки, за шипучим пивом. Он был только счастлив, что его неуемная непоседливость обрела какую-то конкретную цель. Позже я спросил, не согласится ли он вычитывать мои сочинения, — или в состоянии беспрерывного бодрствования, навязанном ему Сииром, это неосуществимо?

— Движение может принимать разные формы, — ответил он. — Вовсе не обязательно ходить или ездить на автобусе. Это могут быть грезы наяву, разговоры с самим собой, судороги любого рода. И вообще любое бессмысленное, повторяющееся действие. Так что вычитывание текста — тоже движение.

Я вручил ему распечатку первой статьи. Он осведомился:

— Почему их машины не пространственные, а пространственно-временные?

— Скорость света имеет предел, и на галактических расстояниях путешествие заняло бы сотни тысяч лет. А если двигаться и в пространстве и во времени, длительность полетов укладывается в разумные рамки.

— Ах, вот оно что...

В ту ночь нам не удалось толком понять друг друга.

Я запустил свои статьи на орбиту. Конечно, ни одна крупная газета им не поверит, но не преминет

послать собственных репортеров проверить факты. Обращаясь к ведущим телевизионным компаниям, журналам «Роллинг Стоунз», «Плейбой», «Париматч» и газете «Крисчен сайенс монитор», я намекнул, что, если им захочется продолжения, я готов заключить с ними отдельные эксклюзивные сделки.

Около восьми утра я нанес визит на корабль.

— О друзья, от моего внимания не укрылось, что некоторые недостойные представители моей расы могут предпринять попытки вступить с вами в контакт самостоятельно и без всякой санкции. Разумеется, их не программировали на ваш язык, и они намереваются прибыть сюда вовсе не для того, чтобы приветствовать вас. Можете вы помочь мне управиться с этими негодяями?

— Я/мы поражен/поражены тем, что ваша раса допускает существование подобных особей. Много-много тысячелетий назад я/мы добились того, чтобы такие позорные отклонения не появлялись на свет — они невозможны генетически. Каким образом я/мы можем вам помочь?

— Если эти негодяи попробуют приблизиться к вам...

— Я/мы уничтожим их.

— Нет-нет. Просто оглушите их. Достаточно будет мощной низкочастотной сирены. Не в моих/наших обычаях убивать извращенцев. Я/мы просто игнорируем их.

— В последнем счете это, видимо, необоснованное милосердие, но я/мы не считаем себя вправе критиковать обычаи других рас. Я/мы заметили вокруг вашей планеты большую плотность электромагнитных полей. Каково их назначение?

— Это наш способ поддерживать действие коллективного разума.

Первые репортеры явились часов через шесть, а вместе с ними пожаловали мэр Бардо и начальник полиции. Я сказал им, что меня их края привлекли своей первозданностью (я и впрямь выбрал Бардо потому, что мне нравились снятые здесь фантастические боевики 50-х годов, да и ведущая сюда старая автострада-66 мне по сердцу). Я сообщил также, что пришельцы, высшие существа из дальней-предальней галактики, обучили меня своему языку внушением. И наконец заявил, что они назначили меня полномочным связным между собой и человечеством.

Ясное дело, ни мэр, ни репортеры мне не поверили. Потом они увидели корабль. Сделали сотни снимков, но как только попробовали подойти поближе — бум! Все попадали как мухи. Я позволил им предпринять попыток десять — двенадцать, потом подошел к кораблю сам и попросил пришельцев явить снисхождение и показаться извращенцам. Когда фотографы отщелкали тысячи футов пленки, я сообщил, что пришельцы переутомились и требуют, чтобы все, кроме меня, удалились. Если же кто-то ослушается, его, скорее всего, съедят. Непослушных не нашлось.

Потом я перекинулся несколькими словами с мэром и посоветовал ему нынче же вечером созвать всех жителей на митинг. Через несколько часов Бардо станет самым известным местечком на всем белом свете. Если местное население объединится и назначит единые цены на землю, постой и услуги, то не пройдет и года, как каждый будет миллионером. Главное — солидарность! Если объединятся все, до последнего пастуха-индейца и ветерана-почтмейстера, с ними никому не сладить.

На следующее утро репортеров прибавилось. Между египетскими и израильскими киношниками завязалась драка, но я сумел прекратить ее, указав, что негоже демонстрировать пришельцам наши земные слабости. Прибыли два знаменитых телекомментатора — оба замышляли разоблачить очередное «летающее блюдце», только не вышло, и я получил от каждого из них по чеку на приличную сумму. Журнал «Аризона хайуэйз» объявил о подготовке специального иллюстрированного номера. Четыре японские фирмы обратились ко мне с просьбой рекламировать их продукцию. Проповедник Пэт Робертсон объявил, что НЛО — галлюцинация, внушенная дьяволом. Другой проповедник, Шумный Робертс, принялся изгонять этого дьявола из своей молитвенной башни в Тулсе, штат Оклахома. Третий, Джимми Сваггерт, напротив, приветствовал внеземлян как доказательство божественной любви. Коллегия кардиналов собралась на секретное заседание с его святейшеством Папой Римским. Шаманы из индейского племени хопи пожаловали на место происшествия с целью выяснить, не пожаловал ли Великий Брат, прибытие которого давно предсказывали провидцы.

Курс акций на гонконгской бирже поднялся, на нью-йоркской упал, а токийская биржа вообще закрылась до лучших времен. Одна из китайских газет воспроизвела фразу Ленина из беседы с Уэллсом: все философские учения, включая марксизм, основаны на предположении, что человечество одиноко во Вселенной, и, если выяснится, что это не так, все они рухнут. Миллион самозваных бакалавров пустились в дискуссии о пришельцах. Председатель Мао вопроса об инопланетной жизни, по-видимому, никогда не касался — тибетские националисты воспользовались этим, чтобы объявить сие событие знаком расположения Будды, и подняли восстание против китайских войск. Так же рассудили и повстанцы в Непале. В Южной Африке поднялось народное движение «Все люди — братья», как ни странно, опирающееся не на любовь к ближнему, а на ненависть к чужеродным созданиям. По сходным мотивам «Соединенные кланы Америки» стали принимать в свои ряды чернокожих. Одно из племен эскимосов Гренландии решило продать свои земли аравийской горнорудной компании, чтобы на вырученные деньги послать старшего шамана в Бардо. В бассейне Амазонки вспыхнула гражданская война между теми, кто полагал, что близок конец мира и надо успеть урвать от жизни как можно больше, и теми, кто видел в пришельцах межзвездную полицию, прибывшую с целью остановить земную преступность. И буквально все жаждали моего нового слова.

Поздно ночью, когда подле корабля никого не осталось, я вновь вызвал Сиира. Демон осклабился и объявил:

— Ты здорово поработал. Самые основы общественного устройства планеты трещат по швам. Не припомню такого тарарама в аду с самых времен мятежа Люцифера, и наши агенты шлют донесения, что и на небесах смятение и разброд. Ты стал великим репортером, и твое имя будет жить вечно. Теперь я вправе тебя забрать.

Конь встал на дыбы.

— Ну что ж, забирай, если хочешь. Я, правда, хотел подорвать общественное устройство еще сильнее, но раз время истекло...

Он осторожно опустил копыта.

— Ты сказал — подорвать еще сильнее?

— Точно. И я тот, кто может это совершить. В конце концов, ты сам ни до чего подобного не додумался.

— Расскажи мне о своих планах.

— Дудки! Скажу — и ты тут же заберешь меня в ад.

— Я тебе больше ничего не должен. Так что заберу все равно.

— И никогда не узнаешь, что могло случиться.

Сиир захрапел. В конском храпе есть что-то весьма тревожное.

— Ты испытываешь мое терпение. Чего ты хочешь?

— Четыре дня дополнительно. Освободи Мэтта Шульца. И достань мне небольшой огнемет. Если сможешь.

— Если смогу?! За кого ты меня принимаешь?

Голос его достиг такой силы, что отразился слабым эхом от холмов в пятнадцати милях от нас.

— Ты великий и могучий Сиир, способный переносить предметы в мгновение ока. Вне сомнения, ты можешь достать огнемет. А четыре дня — много ли они значат, если ты потом сможешь мучить меня до скончания веков? Что же касается свободы для Мэтта...

— Нет, этого я не сделаю. Это противоречило бы всем правилам преисподней. Кроме того, он был офицером СС. Знаешь, какие преступления он совершил?

— Очевидно, не такие, чтобы обречь его душу на вечные муки в аду, иначе ты не заключил бы с ним контракта. Какой смысл в сделке, если вы заполучили бы Мэтта и без нее?

— Все это несущественно. Я его не освобожу.

— Освободи. Если я за четыре дня не сумею растревожить мир еще сильнее, тогда заберешь его обратно.

— Пожалуй, я соглашусь, но если у тебя ничего не выйдет, наказание для вас обоих будет невообразимо тяжким.

Мне показалось, что в глазах принца мелькнул страх — или ему хотелось предупредить меня о чем-то? Я избегал смотреть на него, полностью сосредоточившись на Сиире, — ведь демон внушал страх не кому-нибудь, а мне самому.

— Герр капитан Мэттью Шульц! — воззвал Сиир. Тот подбежал вприпрыжку, причем его тело отклонялось назад, словно ноги несли Мэтта на зов хозяина помимо воли. — Герр Шульц, — продолжал Сиир, — ты, видимо, пробудил у моего нового подопечного жалость. Он хочет, чтобы я освободил тебя в обмен на новые опасности для вашего мира. Такого рода сделки были в ходу в третьем рейхе. Теневая сторона германского романтизма. Сделано!..

В отдалении жарко блеснуло, и Мэтт мешком осел на землю.

— Пройдет часа два-три, прежде чем он вновь научится ходить самостоятельно. Он слишком привык к тому, что я дергаю его за веревочки. — Конь тряхнул гривой. — Держи свой огнемет.

Из неведомых высей свалился латунный цилиндрик и зарылся в песок у моих ног. Отклонись он от заданной траектории на полдюйма, лежать бы мне бездыханным. Когда я снова поднял голову, Сиир исчез.

В 10.02 утра я вышел из тени корабля к публике. На мне был мой лучший костюм-тройка в мелкую полоску. Ботинки начищены до блеска, а лицо сияло от инопланетной слюны. Слюна служила селективной мембраной, которая позволит мне дышать внутри корабля пришельцев. В правом брючном кармане скрывался огнемет. Все камеры, микрофоны, репортеры с блокнотами нацелились на меня, и только на меня. Кольцо налилось жаром, почти раскалилось — несомненно, Сиир также пристально следил за мной.

— Мои друзья из иной галактики намерены взять меня с собой в важное путешествие. Радары нас не обнаружат, поэтому следить за нами не стоит. Вернусь через три дня. К тому времени всемирная история, какой мы привыкли ее видеть, придет к концу. Предлагаю населению Земли подготовиться к такому повороту событий, кто как сумеет.

На меня обрушилась лавина вопросов. Я пренебрег ответами и укрылся в корабле.

Складчатые «головы» горели, как светляки. Шестигранные плитки пола вибрировали. Сырые блестящие стены выпустили тоненькие шипы, чтобы взять у меня образцы крови и пота и удовлетворить любознательность корабля: что за странное существо забралось на борт? Хозяева корабля ползали по потолку, соединяющие их канаты свились в изящную контактную сеть. Они не преминули спросить:

— Чего ради вы обращались к извращенцам своей расы?

— Подчас, выслушав мои/наши слова, они приходят в чувство и возвращаются ко мне/нам. Потому-то столь многие из них не расстаются с электромагнитным оборудованием. Они хотели бы возобновить связь.

— Должно быть, их существование чревато опасностями.

— Еще бы не чревато! Вы собираетесь готовить меня/нас к полету?

— Конечно, собираемся. Но почему вам не терпится изучить мою/нашу технологию?

— Мы договорились, что обмен сведениями начнете вы. Кроме того, как только вы познакомите меня/нас с вашим кораблем, я покажу вам великое чудо.

— Я/мы приступаем к подготовке. Следуйте за мной/нами.

Они переползали по потолку, а я шел за ними. Изумрудно-зеленые двери раскрывались, как диафрагмы, пропуская нас все ближе к центру корабля. Крошечные щупальца поднимались внутри брюк по ногам, заползали в ноздри и уши. Я понял, что корабль приспосабливается ко мне, а меня приспосабливает к себе. Одно из внутренних помещений было затянуто чем-то вроде влажного серого бархата. На наклонной стене образовалась выемка, размером и формой повторяющая мое тело.

— Ложитесь.

Я лег и почувствовал сквозь костюм, сквозь волосы и прежде всего на затылке сырое тепло. Выемка сомкнулась, плотно охватив меня и оставив свободным одно лицо. Затем в затылок вонзилось острие.

— Это что за чертовщина?

— Всего-навсего обезболивающий зонд, подготавливающий ваш мозг к интенсивной работе.

Разумеется, боль тут же улетучилась. Где-то, как будто под черепом, раздалось постукивание, — но нет, оно шло из дальней дали, возможно, из Тусона, не ближе. Сквозь маску слюны просочились струйки дыма.

— Надеюсь, все в порядке? — осведомился я.

— В полном порядке. Кислотное воздействие частично растворило ваш скелет, с тем чтобы корабль мог подключиться к вам.

Зрение помутилось, возникла багровая пелена. Перед глазами в буквальном смысле промелькнула вся моя жизнь — от пурпурного уюта материнской утробы до призрачного освещения этой каюты. А затем меня наполнил инопланетный разум. Я узрел многообразие пяти измерений, по которым двигался корабль. Ощутил опоры корабля, его речевые устройства и антенны — и впитал в себя все собранные экспедицией данные. В моей памяти всплыл корабельный журнал за тысячи лет. Я вспомнил, как юный корабль, далеко не достигший размеров зрелости, поднимался из доков Большого Улья. Почувствовал, как Сиир магически вмешался в диалог биокомпьютера с внеземлянами, ощутил растерянность корабля и испуг. А потом вдохнул грязь Аризоны с соленым привкусом собственного пота и увидел толпу репортеров в красках, неведомых человеку.

Контакт был полным.

И я понял, что корабль не выдаст моих секретов пришельцам, поскольку я не хочу этого. Потому что я сам стал кораблем. Разбросанные по нему нервные узлы, составляющие компьютер, просчитали мой план и осознали, что он хорош. Я пожелал воспринимать инопланетян лишь моим человеческим зрением и спросил:

— Много ли времени потребовалось, чтобы расы, ставшие вашими прародителями, вышли на уровень космических полетов?

— Точную цифру установить невозможно. Однако между пробной посадкой на одной из лун и полетами в их нынешней форме прошло примерно два миллиона земных лет. Вторая раса самостоятельно не достигла бы космоса без контакта с первой.

Я вызвал перемещение корабля обратно во времени. Для стороннего наблюдателя он попросту испарился.

— Моя/наша раса приобрела свой нынешний вид лишь десять тысяч лет назад.

— Поразительно! Как же вам удалось добиться столь быстрого развития?

— Если вы согласны принять форму, присущую моей/нашей расе, я/мы покажу/покажем вам ключевую точку истории, и вы увидите наглядно, как началось ускорение.

— Чрезвычайно интересно.

— Я/мы лично прослежу/проследим за вашим преобразованием в соответствующую форму, если вы соблаговолите проследовать в биотехнический отсек.

Группа волосатых низколобых людей прощалась со своим погибшим соплеменником. Тело, покрытое цветами, лежало в неглубокой яме. Сперва они испугались корабля, но часа через три-четыре смирились с его присутствием. Корабль прервал связь со мной, и мое сознание вновь вернулось целиком и полностью в родное тело. Костюм исчез вместе с ботинками. Я сменил воздух корабля на земной. Все еще попахивало, но маску из слюны можно было снять.

В биотехотсек я поспел как раз к моменту их пробуждения. По моей воле инопланетяне стали полинезийцами, мужчиной и женщиной. О прошлом напоминал лишь осклизлый кабель, тянувшийся от спины к спине. Как только они попривыкли к своим новым телам, я повел инопланетян на наблюдательный пункт.

— Перед вами неандертальцы, предшественники нашей расы. Обратите внимание на похоронный обряд — никакого искусства, эстетическое чувство еще не развилось. Искусство зародится, когда появятся мечты. Как и наука. В том и кроется причина ускорения нашего развития — кроманьонцы научились мечтать.

Пришельцы осведомились:

— А мне/нам придана форма кроманьонцев?

— Совершенно верно. Они должны появиться примерно в эту эпоху. Давайте выйдем из корабля и выясним на практике, велика ли разница между двумя подвидами.

Мы так и сделали — я в ошметках своего лучшего костюма, они нагишом. Неандертальцы повернулись в нашу сторону, вооружившись камнями. Я выхватил из кармана огнемет и послал струю пламени поверх голов. Они бросились в бегство, подвывая, как псы.

— Эти еще не покорили огонь, — пояснил я и отступил на шаг-другой.

— А где же кроманьонцы? — спросили инопланетяне хором.

— Здесь!..

Пламенная струя ударила по кабелю, соединяющему два тела, и он мгновенно лопнул. Инопланетяне с воплем кинулись назад к кораблю. Я послал предупредительную струю. Они воскликнули в голос:

— Что вы натворили! Я/мы потеряли счастье взаимной связи!

— И потому в вас зародятся мечты. Потому вы будете держаться друг за друга. Потому изобретете искусство. И умственное развитие ваших потомков резко ускорится.

— Как я/мы будем жить без коллективного разума?

— Моя раса — прошу прощения, наша — обходилась без него на протяжении тысячелетий.

— Что же мне/нам теперь делать?

Их голоса звучали все заметнее вразнобой. Они и сами уловили несинхронность и перепугались.

— Будь я на вашем месте, я бы обзавелся одеждой. Вам понадобится как-то обращаться друг к другу. По чисто мифологическим мотивам, предлагаю взять имена Адама и Евы. В общем, что-нибудь придумаете. Учитесь жить, пристально наблюдая за повадками неандертальцев. Посоветуйте своим наследникам спариваться с ними, иначе столкнетесь с проблемой генетических мутаций. Желаю удачи!

Я пустил еще одну струю пламени с расчетом, чтоб до Адама и Евы докатилась волна жара. Инстинкт возобладал (я вложил в них инстинкты в соответствии со своей собственной схемой), и они бросились прочь. Подготовив кое-какие записи, я вернулся на корабль и слился с ним.

Сделав по дороге небольшой крюк, я возвратился в Бардо, штат Аризона, ровно через три дня после отбытия. Отсоединившись от корабля, я тут же вызвал Сиира. По сравнению с окружавшей меня зловонной инопланетностью чернокрылый золотистый конь казался родным, почти домашним.

— Ты был прав, — провозгласил Сиир. — Исчезновение, а затем новое появление корабля потрясло весь мир. Воцарился полнейший хаос. Никто не в силах предсказать, стабилизируется ли обстановка и каким образом. Властелины небес и ада в беспрерывных хлопотах. Теперь, когда тебе осталось провести на свободе двадцать четыре часа, скажи мне, какую радость я могу тебе доставить? Должен же я как-то отблагодарить тебя за все земные треволнения!

— Контракт расторгнут, Сиир. Ты его провалил.

— Что-о-о?

— Я просил тебя свести меня с самым чуждым разумом, какой ты только найдешь. А ты не нашел ничего лучшего, чем прислать ко мне прародителей рода человеческого! И вышло, что грехопадение людей, каким похваляется твой властитель Люцифер, я совершил собственными руками!

— Сплошная ложь!

— Нет, чистая правда, Сиир.

Я вытянул вперед руку. Золотое кольцо раскололось и упало на шестигранный пол.

— Но как ты ухитрился прознать все заранее? Как спланировал такую штуку?

— Спровадив Адама и Еву, я заскочил к себе на квартиру и набрал краткий отчет о случившемся на персональном компьютере. Я всегда завожу файлы на пришедшие мне в голову идеи репортажей. И когда мой более ранний двойник наткнулся на эту идею, он, то бишь я, понял, что ему делать.

— Но зачем? Тебе-то что за выгода?

— Как ты сам справедливо указал, мир впал в застой. Еще чуть-чуть, и прекратилось бы всякое движение мысли. Теперь — тут ты снова прав — никто не в силах сказать, когда обстановка стабилизируется и как, но думаю, что пресса создала мне достаточную рекламу, и я сумею помочь. В конце концов, ныне я могу подарить людям дорогу к звездам и путешествия во времени.

— У тебя ничего не выйдет. Я остановлю тебя!

— Ты гарантировал мне добавочные пятьсот лет без какого-либо вмешательства с твоей стороны. Ну и, кроме того, поскольку я записал истинную историю грехопадения на пленку и Люцифер вскоре пронюхает, по чьей вине люди узнали правду, ты, надо полагать, будешь очень-очень занят.

Сиир вытаращил глаза. И исчез, оставив по себе лишь запашок серы. А я отправился к репортерам, изнывающим от нетерпения услышать от меня Вещее Слово.

Перевел с английского
Олег БИТОВ

Публикуется с разрешения журнала «Asimov's Science Fiction» (Нью-Йорк).

Наталия Сафронова

ВЕРТИКАЛЬ ЭВОЛЮЦИИ

Похоже, туман, которого напустил в теорию эволюции старик Лаплас, и не думает рассеиваться. Гипотезы, одна смелее другой, посещают умы. Фантасты, разумеется, не могут оставаться в стороне, отыскивая недостающее Дарвиново звено то в недрах плейстоцена, то на далекой планете. Оригинальная версия Дона Уэбба занимает достойное место в этом ряду. Однако есть и вполне реальные научные изыскания. С ними читателя знакомит эта статья.

МЫСЛЬ ИДЕТ ИЗДАЛЕКА

Библейская версия сотворения Вселенной, Земли, всей жизни на ней и человека в том числе, все еще имеет в мире сторонников и адептов. Как подсчитал епископ Ушер, живший в XVII веке, свой план Создатель завершил 12 октября, в 9 утра, что в 4004 году приходилось на субботу. Возможно, правда, некоторое расхождение в датах, поскольку не совсем понятно, в каком лето- и времяисчислении были сделаны Ушером расчеты.

Теперь католическая церковь, которая недавно сняла давнее свое обвинение с Галилея, признает естественное происхождение человека. Римский папа Пий XII сделал еще в 1950 году довольно смелое для духовного иерарха его ранга заявление. Церковь не запрещает эволюционного учения. Происхождение человеческого тела из уже существующей живой материи возможно, если это докажут ученые. (К тому времени — расцвет биологии, открытия генетики — они уже доказали, открыв механизмы создания белка.) Однако папа напомнил: вера обязывает придерживаться взгляда, что души созданы богом. Большего церковь позволить себе не могла.

В могуществе творца, однако, за сто с лишним лет до признания Пия XII усомнился студент из Кембриджа Чарлз Дарвин, готовящийся стать священником и не ставший им. Путь к «ереси» начинался вполне невинно — с коллекционирования жуков. Рассматривая свои находки, Дарвин изумлялся разумности устройства насекомых. Все части этих живых существ были точно предназначены для определенных целей. Поиски ответов на многие вопросы, связанные с целесообразностью устройства живых организмов, их удивительным разнообразием, отвлекли студента от теологических штудий. Да, совершенство органов и частей тела живых существ наводит на мысль о создавшем их разумном начале. Но геологическая летопись говорит о том, что миллионы таких же существ уже исчезли с лица земли. Как это может быть соотнесено с деятельностью столь могущественного и исполненного знания творца Вселенной? «Предположение, что благожелательность бога не безгранична, отталкивает наше сознание, ибо какое преимущество могли бы представлять страдания миллионов низших животных на протяжении почти бесконечного времени?» — таким вопросом, содержащим и ответ, задается Дарвин. Интересно, что здесь нет осуждения бога, который не мог бы позволить наличия страданий, будь он разумной первопричиной всего в мире. Но по каким законам развивается этот мир?

Попытки найти некий порядок в разнообразии живых существ, как и представления об изменчивости органического мира, восходят еще к античности. Фрагменты текстов Гераклита, Эмпидокла, Демокрита, Лукреция, Аристотеля и других мыслителей древности говорят об этом. Идею эволюции высказывали некоторые философы и естествоиспытатели XVII — XIX веков еще до Дарвина, но развитие определенных представлений происходит по горизонтали, пока не явится... гений. Тогда сразу обозначается резкая вертикаль — теория познания делает скачок вверх, переходит на другую ступень. Выход основного труда Чарлза Дарвина «Происхождение видов путем естественного отбора», замеченного в 1859 году сравнительно небольшой группой ученых, знаменовал переворот не только в биологии, но и в наших представлениях о мире.

Если мир появился в результате специального акта творения, у него нет ни прошлого, ни будущего. Одно настоящее. Все сотворенные виды останутся неизменными в мире, не имеющем конца. Но они изменяются!

Как остроумно заметит наш современник, выдающийся генетик-эволюционист XX века Ричард Левонтин, известная библейская строка: «И сказал Бог: «Да будет свет». И стал свет» — это всего лишь язык хроники, а не истории. История требует причинной теории, как и почему одна форма стала другой. Теория эволюции Дарвина, провозгласившего вид единицей эволюционного процесса, в основе которого лежит принцип естественного отбора, и превратила хронику в историю.

НЕОБХОДИМЫ ВАРИАНТЫ

До Дарвина все теории органической эволюции исходили из принципа трансформации. Ж.Б. Ламарк, считающийся тоже создателем теории эволюции, считал, что виды организмов изменяются во времени. Эти изменения носят закономерный характер — от простых к более сложным формам, что Ламарк назвал градацией. Ее движущей силой является «стремление природы к прогрессу». Но что такое прогресс, по каким критериям можно определить, почему один вид прогрессивнее другого? Вот по сложности челюсти крокодила значительно превосходят человеческие. Значит, не всякая сложность — знак прогресса. Сам по себе он не может считаться законом жизни, прогрессивное развитие связано с приспособлением к условиям среды. От просто сложности — к сложной простоте. Такова генеральная линия эволюции.

Все додарвиновские системы пытались уложить в одну шеренгу многообразие форм живой природы, со-

здавая нечто вроде известной «лестницы Боннэ» (по имени французского натуралиста Шарля Боннэ, предлагавшего такую последовательность сущего: кораллы, растения, животные, ангелы, архангелы). Дарвин дал материалистическое объяснение органической целесообразности: виды прогрессивно эволюционируют лишь тогда, когда более высокая организация может обеспечить успех в жизненной борьбе. Эволюция вовсе не самоцель — жесточайшую отбраковку производит внешняя среда, оставляя наиболее приспособленную к ее условиям часть потомства. Отбор создал приспособленность через уничтожение неприспособленных. Внутри каждого вида есть огромное число вариаций. Оно возрастает или уменьшается вследствие различного выживания и воспроизводства уже существующих форм.

Слово «приспособленность» может иметь разные значения (физическая, психологическая, моральная и т.п. приспособленность), но эволюционисты употребляют его, имея в виду только выживание и воспроизведение. Самый сильный человек планеты, поднявший, например, груз весом в несколько автомобилей, за что будет занесен в Книгу рекордов Гиннесса, но не произведет детей, имеет нулевую приспособленность. Зато в полной мере обладает ею родившая десяток малышей молодая цыганка, кочующая со своим табором.

Эволюция путем естественного отбора имеет самоограничения. Процесс отбора не может вступить в действие без наследственной изменчивости. Потомки различных типов должны отличаться друг от друга, как отличались их родители. Возможное следствие отбора — обогащение популяции одним из наиболее приспособленных вариантов. А если наступит такой момент, когда популяция будет состоять только из таких вариантов? Эволюция прекратится? Да, популяция утратит генетическую изменчивость, и эволюция остановится. Так что эволюции необходимы варианты.

В БРАКЕ С ГЕНЕТИКОЙ

Современная теория эволюции, как назвал ее Гексли — «современный синтез», основана на концепциях классического дарвинизма. Тем не менее учение имеет своих противников, аргументация которых нередко совпадает с критикой современных Дарвину оппонентов. В «Происхождении видов» ученый обстоятельно и убедительно дал многим из них ответ, который вполне бы удовлетворил добросовестных оппонентов, однако зачастую критики серьезно не знакомы с учением и демонстрируют только свое искаженное представление о нем. Считается, что положения Дарвина могли быть опровергнуты генетикой, начало развития которой оказалось вне поля зрения Дарвина. Но случилось обратное: генетика помогла раскрыть механизмы эволюции, расшифровать ее пути для крупных групп растительного и животного мира. В развитие синтетической теории эволюции, сформировавшейся к 30-м годам XX века, серьезный вклад внесли отечественные генетики школы профессора С.С. Четверякова, школы мирового класса. Ими было доказано, что мутации широко распространены в природных популяциях — эволюция продолжается. Это были передовые концепции своего времени, поскольку исследователи других стран, в том числе США, изучали в тот период мутации на уровне пробирки. Можно назвать ряд блистательных имен: Н.И. Вавилов, Н.К. Беляков, Н.К. Кольцов, Н.В. Тимофеев-Ресовский, С.Г Левит, И.И. Агол, С.Н. Давиденков и другие — эти ученые своими трудами развили эволюционную теорию, подготовили новый виток «современного синтеза». К сожалению, подготовленный ими виток начинался в мировой науке уже почти без участия отечественных ученых: в стране шел «ледниковый» для биологии период «лысенковщины».

В современном учении об эволюции выделились два главных направления — изучение эволюции внутри видов (микроэволюция) и анализ общих закономерностей эволюционного процесса в крупных масштабах (макроэволюция). Представления о возможностях изменения видов шагнули далеко вперед благодаря развитию молекулярной биологии, химии, математики, физики, вычислительной техники, ультраструктурной цитологии. Моделируя природные процессы, человек выращивает себе подобного в пробирке. А процессы макроэволюции, которые длились миллионы лет, в считанные минуты или часы может воспроизвести компьютер. В Институте эволюционной физиологии и биохимии РАН была выполнена серия экспериментов по машинному моделированию эволюции членистоногих и хордовых. В память компьютера заложили описание прототипа хордовых животных, типа дожившего до наших дней ланцетника, которое содержало 24 признака этого вида. Исходный вид мог преобразовываться в другие, причем с неопределенной — по Дарвину — изменчивостью. Прогрессивные и регрессивные изменения были равновероятными; исключались крупные скачки, например, появление хорошо развитого головного мозга.

После каждого временного шага (по палеонтологической летописи он равнялся бы одному миллиону лет) машина «перебирала» варианты, оценивая их по степени приспособленности. «Неприспособленные» стирались из памяти компьютера, а их ячейки занимали новые, прошедшие отбор. Так моделировались борьба за существование и естественный отбор. Исходный «праланцетник» породил множество рыбообразных существ (через сто временных шагов — сто миллионов лет). Через 350 миллионов лет появилось странное существо — хищник с развитой нервной системой, передвигающийся на двух ногах, с освобожденными передними конечностями. То ли австралопитек, то ли питекантроп.

Каждый новый эксперимент при одинаковых исходных данных и той же программе давал результаты, отличающиеся в деталях. Следует вывод: макроэволюция неповторима и непредсказуема в частностях. Для ее протекания не нужно никаких потрясений (космических катастроф или оледенений), которые только могут ускорить или замедлить эволюцию. Основной же движущей силой эволюции являются отношения членов биосферы между собой. Для нее достаточно ненаправленных, случайно оказавшихся полезными в данных условиях изменений. Это полностью подтверждало теорию эволюции Дарвина.

В ПОИСКАХ ПРЕДКОВ

Расхожее представление: Дарвин доказал, что мы произошли от обезьян. Напрямую доказательств этому нет в трудах ученого. Есть попытка объяснения с точки зрения теории родственного происхождения многих сходств в живой природе. Сходное распределение костей в руке человека, например, и в крыле летучей мыши, плавнике дельфина, ноге лошади. Поразительное сходство зародышей млекопитающих, птиц, пресмыкающихся и рыб, взрослые формы которых так различны. Родство царств живой природы могло быть доказано только после расшифровки строения нуклеиновых кислот. И оказалось, что у бактерии и человека есть сравнимое, на уровне генов, строение белков, рибонуклеиновой кислоты, которая является носителем наследственности. Тем более вероятным представляется родство человека и обезьяны, хотя пока ученые сомневаются в том, какая порода этих животных предпочтительнее в качестве нашего предка.

Предполагалось, что неандертальский человек был ранней формой Homo sapiens, однако не исключена возможность того, что неандерталец — самостоятельный вид, обитавший в одно время с Homo sapiens. По мнению Ричарда Левонтина, никакие ископаемые виды гоминид не могут считаться нашими предками. Все попытки найти прямого прародителя человека отражают устаревшие уже во время Дарвина представления об эволюции как строго линейном процессе. Воссоздать эволюционное прошлое человека так же трудно, как предсказать его будущее. У Homo sapiens нет близких родственников среди ныне живущих видов. Шимпанзе и горилла таковыми не являются: общим предком с человеком они были связаны едва ли не семь миллионов лет назад. Однако наши ученые А.А. Яблоков и Б.М. Медников, авторы коммен-

тария к одному из недавних изданий труда Дарвина, рискнули дать родословную человека. «По последним данным», как выразились авторы.

Итак, около четырех миллионов лет назад один из представителей группы австралопитеков (лат.-греч. — «южные обезьяны»), обитавших в Центральной и Северной Африке, прямо или через промежуточную ступень дал начало новому роду Homo. Первый человек — Homo habilis (человек умелый) был способен изготовлять примитивные каменные орудия. Следующий Homo erectus (человек выпрямленный, питекантроп) уже широко расселился по Европе и Азии, положив вскоре начало человеку разумному (вымершие неандертальцы и современные люди). Как видим, есть противоречие с Левонтином в отношении неандертальцев; он сомневается в том, что они представляют раннюю форму Homo sapiens. Опасаясь своеволия при попытке воссоздания эволюции человека, Левонтин предлагает рассматривать главным образом влияние культурной организации, способов производства, образа жизни и других социальных факторов на биологическую эволюцию, и наоборот.

Здесь есть известный простор для создания версий отбора. Скажем, всегда он действовал в пользу устойчивости к инфекционным заболеваниям. Об этом говорит разнообразие антигенов во всех человеческих популяциях. Возможно, отбор оказывал воздействие на изменение телосложения как средства улучшения теплорегуляции. Можно, кроме физиологических черт, перечислить поведенческие характеристики, полезные для жизни человека, которые проходили через «сито» отбора. Например, готовность сотрудничать в собирании и распределении пищи, групповая солидарность. Есть гипотеза выдающегося отечественного генетика В.П. Эфроимсона, рассматривающего проблемы этики с позиций эволюционной генетики, о возникновении определенных генотипов людей с закрепленными альтруистическими наклонностями (как и склонных к агрессии, преступности).

А будущее человека как вида? Судя по тому, что на Земле из всех существовавших видов исчезло более 99 процентов, существование и этого вида конечно. Жизнь на Земле наполовину уже в прошлом: она началась около трех миллиардов лет назад, а примерно через четыре миллиарда лет Солнце поглотит своим огнем саму Землю. Эволюция человека связана с состоянием культуры. Вряд ли возможна катастрофа, которая могла бы раздробить вид на малые группы и изолировать их друг от друга.

Серьезные ученые не решаются угадывать биологическое будущее, оставляя это на откуп фантастам и некоторым людям науки, отличающимся богатым воображением. Отсюда гипотезы о превращении нас в пучки энергии, плазмоидов и т.п. существ. Но нельзя исключить изменений на уровне микроэволюции, поскольку некоторые структуры и органы человеческого организма не вполне совершенны. Изменения, однако, связаны с «запросами» внешней среды.

В этой связи любопытны рассуждения нобелевского лауреата Франсуа Жакоба, эссе которого «Игра возможного» недавно опубликовано в журнале «Химия и жизнь» с многозначительным подзаголовком — «Поделки эволюции». Автор считает, что эволюция не берет новшеств из ничего, а использует то, что «уже есть под рукой, то приспосабливая старую систему для новых функций, то нагромождая несколько систем, чтобы составить другую». Точно так же, действуя как «самодельщик», она создавала человека. В качестве иллюстрации Жакоб приводит процесс формирования мозга у млекопитающих. Тот древний мозг ведает эмоциями и работой внутренних органов, кора «управляет» мышлением и познавательной деятельностью. Структуры существуют достаточно автономно, та, что главенствовала у низших млекопитающих, оттеснена на задний план у высших. А в целом, считает автор, все это и есть «самоделка. Что-то вроде старого конного экипажа с реактивным мотором: стоит ли удивляться, если он будет ломаться на каждом шагу?»

Вспомним печальную судьбу многочисленных видов животных, которые исчезли (из 500 миллионов их осталось всего несколько миллионов, по подсчетам Симпсона) по причине недостаточного своего совершенства, что отвратило, если помним, великого Дарвина от пиетета перед Создателем.

Но люди уже имеют возможность взять в свои руки управление живой природой, заботиться о всех живых существах планеты. Развитие центральной нервной системы и связанная с ним эволюция руки, глаза, языка освободили человека от биологических ограничений, которые были свойственны его животным родственникам и предкам. Значит, человеку придется определять свою индивидуальную и коллективную природу.

К «ПОРОДАМ БЕЗ ПРАВИЛ»?

Существует точка зрения, что генофонд человеческого вида ухудшается и это может привести к преобладанию в нем «худших пород без правил». Подобные опасения, в частности, высказывались в нашей печати, поскольку считается, что страна потеряла в силу трагических событий новейшей истории большую часть «соли нации». Аналогичное беспокойство высказывают некоторые интеллектуалы англосаксонских стран. Основоположники современной статистики Гальтон, Пирсон, Фишер полагали, что в целом интеллект вида снижается, поскольку люди с более низким интеллектом (его показатель IQ) рожают больше детей. На этом основании вновь возродились некоторые евгенические теории (проект имплантации спермы нобелевских лауреатов и т.п.) и одновременно появились новые образовательные проекты (выявление потенциальных гениев, их специальная подготовка).

Статистические данные, подтверждающие будто бы высокий репродуктивный уровень людей с низким IQ, оказались математическим артефактом. Поскольку, при подсчете, бездетные люди вообще из анализа исключались. Когда были взяты полные данные, результаты были совсем другими. Левонтин на этом основании отвергает саму возможность предсказывать будущее действия отбора. Гипотезы этого ряда зависят «только от нашего воображения и нашей готовности делать бездоказательные заявления».

Продолжая мысль, ученый напоминает некоторые факты истории. За первые 200 лет после переселения Мохаммеда и его приверженцев из Мекки в Медину (622-й год) скотоводы из Аравии и Северной Африки прошли путь от отсталого кочевого существования до высот культуры и мировой власти. Они превзошли страны Средиземноморья в искусстве, науке, политике. Когда Париж был деревней на Сене, Кордова при Омейядах стала центром западной цивилизации.

Изящный выпад в сторону любителей всяческих тестов на интеллектуальность, коэффициентов развития и т.п. вещей. Вспомним сомнения в прогрессивности одного вида по сравнению с другим, одолевавшие Дарвина, и более «совершенную», чем человеческая, челюсть крокодила.

«Породы без правил» дают миру разнообразие культур, удивительные повороты в истории. Люди с высоким показателем IQ дали человечеству столько оружия, что его хватит и для уничтожения вида, культуры, и для конца истории.

А Тельца первичные так напоследок сошлись, что нежданно
Сделались многих великих вещей постоянной причиной:
Моря, земли, небосвода и всякого рода животных...

Лукреций Кар. «О природе вещей»,

РЕЗУЛЬТАТ

Майкл Муркок

Рыцарь Хаоса

До 1991 г. творчество Майкла Муркока было практически неизвестно российским читателям. Издательства, активно наверстывая упущенное, сумели и у нас в стране сформировать целую когорту поклонников этого действительно необычного мастера фэнтези, одного из самых ярких представителей «новой волны». Однако, поскольку публикация его произведений велась, по вполне понятным причинам, достаточно бессистемно, на литературной карте возникли зияющие провалы, в частности, не были переведены произведения, которые выделял сам автор, объясняющие логику движения повествования и характеры главных героев. Один из этих пробелов мы попытались восполнить публикацией «Рыцаря Хаоса» («The Sleeping Sorceress»). Повесть входит в цикл под названием «Сага об Элрике Мелнибонэйском» — наиболее удачный, по мнению критики, из сериалов М. Муркока. По внутренней хронологии цикла описываемые в романе события происходят в промежутке между теми, о которых рассказывается в повестях «Поющая Цитадель» и «Похититель Душ». В этом произведении объединяются сюжетные линии четырех сериалов писателя; помимо «Саги об Элрике», это «Хроники Корума», «Вечный Воитель» и «Хроники Рунного Посоха».

Посвящается Кену Балмеру

ЧАСТЬ I

СТРАДАНИЯ ПОСЛЕДНЕГО ПРАВИТЕЛЯ

Глава 1

Побережье в лунном свете

Тусклый свет луны, что холодно поблескивала сквозь разрывы в облаках, падал на угрюмое море и на корабль, стоявший на якоре у пустынного берега.

С корабля спустили шлюпку. Та раскачивалась на канатах из стороны в сторону, пока не ударилась о воду. Двое мужчин в длинных плащах, внимательно наблюдая за действиями матросов, успокаивали своих лошадей, которые испуганно фыркали и перебирали копытами.

Тот из мужчин, что был пониже ростом, проворчал:

— Куда нас несет? Мы что, не могли сойти на берег в Трепесазе? Или в любой другой гавани, где можно отыскать какую-никакую таверну...

— Дело в том, друг Хмурник, что я не хочу, чтобы о нашем прибытии в Лормир стало известно слишком рано. Если Телеб К'аарна узнает, что я настиг его, все пойдет прахом. Он снова ударится в бега. Тебе еще не надоело его преследовать?

Хмурник пожал плечами.

— Сдается мне, ты гоняешься за этим чародеем только для того, чтобы отвлечься от мрачных мыслей по поводу собственной судьбы.

— И что с того? — поинтересовался Элрик, глядя на приятеля своими налитыми кровью глазами. — В конце концов, тебя никто не заставляет. Если не хочешь сопровождать меня, ступай на все четыре стороны.

— Ну да. — Хмурник вновь пожал плечами. — Знаешь, вполне возможно, что я следую за тобой по той же самой причине, по какой ты гоняешься за колдуном из Пэн-Тэнга. — Он усмехнулся. — Твоя взяла, друг Элрик.

— Вот и ладно. — Элрик погладил своего коня.

Моряки в разноцветных таркешитских одеждах ловко закутали животным морды — на всякий случай, чтобы кони не заржали, — и аккуратно переправили в шлюпку. Элрик с Хмурником соскользнули один за другим по канату в раскачивающееся на волнах суденышко. Шлюпку оттолкнули от борта корабля, матросы разобрали весла и принялись грести к берегу.

Стояла поздняя осень, было довольно холодно. Хмурник поежился.

— Зима на носу, — проговорил он, глядя на скалистое побережье. — Лично я предпочел бы провести ее поближе к дому. Слушай, а может, когда ты покончишь со своим колдуном, мы двинем в Джадмар или в какой-нибудь другой крупный вилмиранский город? От тепла и на душе веселее...

Элрик промолчал. Он пристально вглядывался в темноту; казалось, принц всматривается в собственную душу — и не видит там ничего хорошего.

Хмурник вздохнул, плотнее запахнулся в плащ и потер руки, которые уже начали стынуть. Он давно привык к тому, что временами на Элрика, что называется, находит, однако всякий раз слегка обижался на молчание друга. С берега донесся хриплый крик ночной птицы. Луна, выглянув из-за облаков, осветила бледное лицо Элрика, на котором, точно уголья преисподней, сверкали алые глаза.

Киль шлюпки прошуршал по прибрежной гальке. Кони, почуяв сушу, заволновались, и хозяевам снова пришлось их успокаивать. Между тем двое матросов спрыгнули в ледяную воду и подтянули лодку ближе к берегу.

— Капитан сказал, что вы, милорд, заплатите, когда мы окажемся на побережье, — произнес третий, стараясь не смотреть Элрику в глаза.

Принц хмыкнул, сунул руку под плащ и достал самоцвет, блеск которого словно разогнал ночную тьму. Матрос восхищенно присвистнул.

— Клянусь Ксиомбарг, я никогда в жизни не видел такого камня!

Элрик свел на песок коня. Хмурник, бормоча что-то себе под нос и озадаченно качая головой, торопливо последовал его примеру. Безмерно довольные матросы забрались в шлюпку, и та вскоре растаяла во мраке.

— Да за этот камень мы могли купить сотню кораблей! — не выдержал Хмурник.

— Ну и что? — Элрик вставил ногу в стремя, вскочил в седло и направил коня к утесу, что выглядел чуть более пологим, чем остальные. — Кажется, я различаю тропинку.

— Позвольте заметить, принц Элрик, — язвительно произнес Хмурник, — что по вашей милости мы рискуем оказаться нищими. И если бы я не позаботился о том, чтобы надежно поместить средства, которые мы выручили, продав захваченную трирему...

— Вот и молодец, — беззаботно бросил Элрик и пришпорил коня.

Хмурник в сердцах сплюнул и поскакал следом.

К рассвету они забрались достаточно далеко в глубь суши. Рельеф местности был типичным для Северного Лормира: невысокие холмы, разделенные узкими долинами.

— Поскольку Телеб К'аарна предпочитает жить за чужой счет, — объяснил Элрик по дороге, — он наверняка направился в столицу Лормира, Иосаз, с тем чтобы наняться в услужение к кому-нибудь из аристократов — может быть, к самому королю Монтану.

— А далеко до столицы? — спросил Хмурник, поглядев на затянутое тучами небо.

— Несколько дней пути.

Хмурник тяжело вздохнул. Судя по всему, скоро должен был пойти снег, от которого приторочeнная к седлу шелковая палатка вряд ли послужит надежной защитой. Такие палатки хороши в теплых краях, а здесь...

Он мысленно поблагодарил богов за то, что те надоумили его надеть под кирасу плотную стеганую куртку и натянуть под брюки из красного шелка шерстяные рейтузы, после чего опустил уши меховой шапки, завязал узлом тесемки и расправил складки плаща из оленьей шкуры.

А Элрик, похоже, не замечал холода. Из-под развевавшегося на ветру плаща виднелись темно-синие брюки и высокий ворот черной шелковой рубашки. Наряд принца дополняли украшенные затейливой резьбой стальные кираса и шлем. К седлу Элрик приторочил переметную суму, лук и колчан со стрелами и рунический черный клинок Бурезов, а к поясу прицепил кинжал с длинным лезвием, подарок Йишаны, королевы Джаркора.

Хмурник был также вооружен луком со стрелами. Кроме того, как было принято у жителей Элуэра, он прихватил с собой в дорогу два меча — один короткий и прямой, другой длинный и изогнутый. Оба клинка покоились в кожаных, расшитых золотом илмиоранских ножнах.

Тем встречным, которые не знали, кто они такие, принц и его спутник, скорее всего, казались парочкой наемников, изрядно преуспевших на службе у какого-нибудь богатого правителя.

Крепкие кони шазарианской породы, что прославилась на все Молодые Королевства своей разумностью и выносливостью, без устали скакали вперед, будто наслаждаясь свободой после нескольких недель в трюме таркешитского корабля.

Все чаще стали попадаться деревушки, скопления каменных домов с соломенными крышами. Элрик и Хмурник, впрочем, старались их по возможности объезжать.

Лормир был одним из древнейших Молодых Королевств, здесь произошло немало событий, определивших ход мировой истории. Даже мелнибонэйцы слышали о великом герое, Обеке Маладорском, который, как утверждала молва, достиг Края Мира и создал из Хаоса, что существовал когда-то у пределов мироздания, новые земли. Впрочем, слава Лормира осталась в далеком прошлом, что, однако, не мешало нынешнему поколению его жителей кичиться подвигами предков, совершенно не помышляя о войнах и сражениях. Красивые домики, тучные нивы, виноградники, обнесенные замшелыми стенами сады, в которых росли деревья с золотистыми листьями, — все говорило о мире и покое; неурядицы и смуты пришлись на то время, когда Лормир, первым из Молодых Королевств, сбросил иго Мелнибонэ и объявил себя независимым государством. Эта картина разительно отличалась от тех, которые Элрику и Хмурнику довелось наблюдать на севере — в Джаркоре, Таркеше и Дхариджоре.

Пустив коня рысью, Хмурник огляделся по сторонам.

— Знаешь, Элрик, Телеб К'аарна способен причинить этому краю немало зла. Признаться, мне невольно вспоминаются равнины Элуэра. Там тоже все так красиво...

— Да, здесь хорошо и спокойно, — отозвался Элрик. — Вот тебе еще одна причина поскорее отыскать проклятого колдуна.

— Осторожнее, мой принц. — Хмурник улыбнулся. — Ты того и гляди снова поддашься чувствам, которые так презираешь.

— Не беспокойся. — Элрик выпрямился в седле. — Чем скорее мы попадем в город и отыщем таверну, в которой сможем отогреться, тем лучше. — Хмурник плотнее запахнулся в плащ.

— Тогда молись, мастер Хмурник, чтобы душа колдуна побыстрее отправилась в преисподнюю. Покончив с ним, я готов просидеть с тобой в таверне хоть до весны. — Элрик пришпорил коня и поскакал к холмам, над которыми сгущались вечерние сумерки.

Глава 2

Снегопад

Благополучие и силу принесли Лормиру его великие реки.

На четвертый день пути — с самого утра шел снег — Элрик и Хмурник увидели впереди реку Шлан, приток Зафра-Трепека, что впадал в море у Трепесаза.

Кораблей не было и в помине: в этих местах Шлан изобиловал порогами и водопадами. Однако ниже по течению находился древний город Стагасаз. Элрик намеревался послать туда Хмурника за лодкой, чтобы добраться до Иосаза. Там вроде бы находился Телеб К'аарна.

Холмы остались за спиной. Путники скакали берегом реки, рассчитывая достичь города к вечеру. Рыбацкие деревушки и усадьбы местных аристократов они объезжали стороной, не откликаясь на приветственные возгласы рыбаков, что ловили рыбу в попадавшихся на реке тихих заводях. Эти рыбаки удивительно походили друг на друга: румяные, обветренные лица, длинные усы, причудливо расшитые одежды, кожаные сапоги чуть ли не до пояса — сильные мужчины, всегда готовые отложить сети, взять в руки меч или алебарду и встать на защиту своей родины.

— А у них мы лодку одолжить не можем? — справился Хмурник.

Элрик покачал головой.

— Рыбаки Шлана славятся своей болтливостью. Если мы свяжемся с ними, Телеб К'аарна наверняка заблаговременно узнает о нашем прибытии.

— Слишком уж ты осторожен...

— Просто не хочу в очередной раз его упустить.

На реке вновь показались пороги. Вода билась об огромные черные камни, перекатывалась через них, рассыпая в воздухе пенные брызги. Тропинка, что бежала вдоль берега, стала узкой и извилистой, поэтому коней пришлось пустить шагом.

— Засветло нам до Стагасаза не добраться! — крикнул Хмурник, перекрывая рев воды.

— Заночуем где-нибудь по дороге, — ответил Элрик.

С неба по-прежнему сыпался снег, вдобавок, задувал резкими порывами ветер. Тропинка пошла в гору. Какое-то время спустя она стала шире, шум немного утих. Путники выбрались на равнину и принялись оглядываться по сторонам в поисках подходящего места для лагеря.

Внезапно Хмурник повернулся к принцу и дрожащей рукой указал на север.

— Гляди! Что ты об этом думаешь?

Элрик вгляделся в вечернюю мглу. Поначалу его лицо выражало недоумение, затем глаза сузились, брови сошлись к переносице.

С севера приближались черные тени. Крылатые тени.

Определить на таком расстоянии, большие это существа или не очень, не представлялось возможным, но летели они как-то необычно, вовсе не так,

как летают птицы. Элрику вспомнились те крылатые твари, которых он видел, когда бежал вместе с Морскими Правителями с Мелнибонэ, спасаясь от гнева островитян.

Они тогда разграбили и сожгли Призрачный Город, и мелнибонэйцы решили отомстить обидчикам. На море корабли Морских Правителей поджидали золоченые боевые барки, а в небе кружили громадные драконы.

Существа, что приближались к реке, напоминали именно драконов.

Неужели мелнибонэйцам удалось пробудить драконов? Неужели они отправили этих тварей в погоню за Элриком, предавшим собственный народ ради мести своему кузену Йиркуну, обманом завладевшему Рубиновым Престолом Имррира?

Элрик мрачно усмехнулся и положил левую руку на рукоять черного рунического клинка, стараясь не показать Хмурнику, что изрядно напуган.

Крылатые тени между тем неумолимо приближались. Теперь они походили уже не на драконов, а на исполинских разноцветных лебедей, чьи перья сверкали в пробивавшихся сквозь снежную крупу лучах заходящего солнца.

— До чего же они большие! — воскликнул Хмурник.

— Обнажи меч, приятель, и молись своим элуэрским богам. Эти твари — привет от Телеба К'аарны. Должен признать, я его недооценивал.

— Что они такое, Элрик?

— Порождения Хаоса. На Мелнибонэ их называют унаями. Они могут по желанию менять облик и подчиняются лишь тем, кто преуспел в колдовстве и обладает могучей силой воли. Таковы были некоторые из моих предков, но я никак не ожидал, что унаи покорятся какому-то чародею из Пэн-Тэнга...

— А ты не знаешь никакого заклинания?..

— Может, и знал, да забыл. И потом, с ними под силу справиться только Князю Хаоса, например, моему покровителю Эриоху.

— Так зови своего Эриоха!

Элрик насмешливо поглядел на Хмурника.

— Отважный воин дрожит от страха? Скажи мне, мастер Хмурник, ты и впрямь хочешь увидеть Владыку Хаоса?

Хмурник обнажил свой длинный клинок.

— Может быть, они пролетят стороной. Но на всякий случай приготовиться не мешает.

— Верно сказано, — заметил с улыбкой Элрик.

Хмурник извлек из ножен второй меч и намотал на руку поводья.

С неба донесся хриплый крик. Кони забили копытами. Крик повторился. Диковинные существа, судя по всему, переговаривались друг с другом; из разинутых клювов с многочисленными острыми клыками высовывались змеиные языки. Надежды Хмурника не оправдались: существа явно направлялись к путникам.

Элрик откинул голову, выхватил из ножен Буревестника и погрозил небесам. Меч негромко застонал, вокруг разлилось странное черное сияние, на бледное лицо принца легли причудливые тени.

Кони заржали, встали на дыбы.

— Эриох! — воскликнул Элрик. — Эриох! Помоги мне, Правитель Семи Чернот, Владыка Хаоса! Помоги мне, Эриох!

Лицо Хмурника, который с немалым трудом удерживал на месте своего коня, стало бледным, как полотно.

— Эриох!

Унаи были уже совсем близко.

— Эриох! Обещаю тебе кровь и души, только помоги!

Чуть поодаль внезапно возникло черное облако, внутри которого проступали зыбкие, неуловимо менявшиеся очертания.

— Эриох!

Очертания сделались более четкими.

Конь так и норовил вырваться, однако Элрик сумел его укротить. В верхней части облака возникло странное, нечеловеческое лицо, исполненное неземной красоты, лицо с неизгладимой печатью Зла. Хмурник поспешно отвернулся.

Облако изменило цвет, превратилось в алый кружевной воротник с изумрудно-зеленой каймой. Раздался негромкий, ласкающий слух голос:

— Привет тебе, Элрик. Привет тебе, мой возлюбленный сын.

— Помоги мне, Эриох!

— Увы, — отозвался демон, в тоне которого прозвучало искреннее сожаление. — Это не в моих силах.

— Ты должен мне помочь!

Унаи замерли в воздухе, опасаясь, видимо, приближаться к облаку.

— Не могу, драгоценнейший из моих рабов. В Королевстве Хаоса происходят другие, куда более важные события, которые требуют моего участия. Благословляю тебя и надеюсь, что ты уцелеешь и еще послужишь Хаосу.

— Эриох! Прошу тебя!

— Помни о клятве, которую ты принес, и сохраняй верность Хаосу. Прощай, Элрик.

Черное облако исчезло. Унаи вновь стали снижаться.

Элрик судорожно сглотнул, а рунический клинок в его руке испустил слабый стон; черное сияние померкло.

— Ничего не скажешь, могучий у тебя покровитель, принц Элрик. — Хмурник сплюнул. В следующий миг ему пришлось проявить чудеса ловкости, чтобы увернуться от когтей гигантской летучей твари. Конь снова встал на дыбы и ударил передними копытами.

Крылатое существо щелкнуло клювом. На землю хлынула кровь. Обезглавленное тело коня вздрогнуло и рухнуло наземь. Унай взмыл в небо, унося с собой откушенную голову.

Хмурник выпрямился. Судя по всему, в душе он примирился с неизбежной гибелью.

Элрик хлопнул своего коня по крупу, и тот поскакал к реке. Вдогонку за ним устремилась другая тварь. Догнала, выпустила когти, схватила коня, который, как ни пытался, не сумел высвободиться, и полетела с добычей прочь.

Снег стал гуще, но Элрик и Хмурник, ожидавшие нового нападения, этого не замечали.

— Ты так и не вспомнил какое-нибудь заклинание, друг Элрик? — спросил Хмурник.

— Нет. — Принц покачал головой. — Унаи никогда раньше не нападали на мелнибонэйцев, поэтому мы не пользовались заклинаниями против них...

С неба вновь донесся хриплый крик. К воинам приближалось третье чудовище.

— Они нападают по отдельности, — заметил Элрик таким тоном, будто обсуждал некую философскую теорию. — Интересно, почему?

Тварь опустилась на землю и в очередной раз преобразилась, приняв вид громадного слона с крокодильей головой.

— Неудачное сочетание, — промолвил принц.

Земля под ногами задрожала: чудовище ринулось вперед.

Элрик и Хмурник стояли плечом к плечу до

последнего, а затем отскочили в разные стороны. Чудовище пронеслось мимо, и Элрик успел вонзить ему в бок свой меч.

Клинок торжествующе запел. Чудовище вновь преобразилось — на сей раз в дракона, с клыков которого капал яд. Из пасти вырвалось пламя.

Рана оказалась глубокой. Унай пронзительно кричал. Он менял обличья одно за другим, словно подбирая такое, кому рана доставит меньше страданий. Между тем на землю потоком лилась черная кровь.

Наконец унай рухнул наземь. Блестящая чешуя потускнела, перья утратили свой отлив, кожа стала серой. Чудовище замерло в неподвижности — громадное, похожее на свинью. Более омерзительного создания ни Элрику, ни Хмурнику видеть не доводилось.

— Если это его истинное обличье, неудивительно... — Хмурник не докончил фразы.

С неба спускалась новая тварь, напоминавшая крылатого кита — с длинными, изогнутыми клыками и хвостом, похожим на гигантский штопор. Едва приземлившись, она тут же изменила облик.

Перед воинами стоял человек, стройный и высокий, вдвое выше Элрика, и совершенно обнаженный. Пустые глаза, по подбородку, будто у слабоумного, течет слюна... Существо широко раскинуло руки, явно намереваясь схватить разом обоих противников.

Элрик и Хмурник молча ждали. В тот самый миг, когда унай устремился к ним, они дружно взмахнули клинками. Меч Хмурника рассек существу руку, а Бурезов отрубил ему два пальца. Унай опять преобразился — стал сначала осьминогом, затем громадным тигром, потом тем и другим одновременно, а в конечном итоге превратился в камень с трещиной посредине. Эта трещина была усеяна острыми белыми зубами, а чуть ниже виднелась другая, из которой сочилась кровь.

Элрик неожиданно метнулся к камню и одним ударом разрубил его пополам.

Поразив камень, черный клинок издал нечто вроде булькающего смешка. Погибший унай приобрел свое истинное, свиноподобное обличье.

Воины перевели было дух, однако сражение еще не кончилось. К ним приближалось следующее чудовище — крылатая змея, оранжевое тело которой свернулось в тысячу колец. Элрик взмахнул мечом, но змея легко ускользнула.

По всей видимости, гибель сородичей кое-чему научила унаев. Неуловимое движение — и Элрик оказался в одном из змеиных колец. Уносясь в небо, не в силах шевельнуться, он беспомощно наблюдал за безуспешной борьбой Хмурника, который бился в объятиях другого чудовища.

Элрик приготовился к смерти. Он надеялся умереть быстро и здесь, а не от руки Телеба К'аарны, уже давным-давно обещавшего ему медленную и мучительную смерть. Но унай, похоже, ничего подобного не замышлял. Мерно взмахивая крыльями, он летел на север — туда, где принца и Хмурника, несомненно, поджидал коварный чародей из Пэн-Тэнга.

Глава 3

Схватка в небе

Пала ночь, однако унаи, похоже, и не думали приземляться.

Как Элрик ни старался, ему не удалось ослабить змеиную хватку. Стискивая рукоять своего рунического клинка, он прикидывал, что же предпринять. Вспомнить бы заклинание...

Если унаев и впрямь послал Телеб К'аарна, то... Нет, об этом лучше не думать.

Заклинание, заклинание... Поможет ли ему власть над элементалами — духами земли, воды, воздуха и огня? В конце концов Элрик решил обратиться за помощью к Филит, Владычице птиц, что обитала в одном из параллельных измерений, но снова не смог вспомнить заклинание.

Впрочем, даже хорошо. Сначала нужно настроиться — упорядочить мысли, подобрать ритм, а когда вспомнятся слова, воспроизвести их в точности, поскольку иначе Филит не вызвать — ей, как и Эриоху, упрямства и заносчивости не занимать.

До принца донесся приглушенный окрик Хмурника.

— Что стряслось? — крикнул Элрик в ответ.

— Я просто хотел узнать, жив ты или нет.

— Пока жив. Правда, замерз как собака.

Кираса и шлем Элрика покрылись слоем льда. Принц постарался забыть о холоде и не думать ни о чем, чтобы отыскать наконец в каком-нибудь укромном уголке сознания унаследованные от предков заклинания.

Потихоньку начало светать. Вскоре на землю упали первые лучи солнца, обагрившие снежное покрывало. Под крыльями унаев расстилалась бескрайняя равнина, над которой, на льдисто-голубом небе, сверкало алое солнце.

Неужели вспомнил? Элрик на всякий случай вознес молитву своим не заслуживающим ни доверия, ни тем более благодарности богам.

Он провел языком по застывшим от холода губам, вдохнул студеный воздух, закашлялся, вскинул голову и начал произносить диковинные слова Древнего Наречия Мелнибонэ — слова, которые ныне вряд ли сумел бы произнести кто-то другой.

— Филит, — позвал Элрик и принялся читать заклинание. Рукоять Черного Клинка неожиданно потеплела, принц внезапно ощутил прилив сил. Могущество заклинания состояло не только в словах. Требовалось вдохновение, нужно было вызывать зрительные образы, чувствовать, пробуждать воспоминания. А иначе не стоило и пытаться.

Столетия назад правители Мелнибонэ, наделенные даром колдовства, заключили с Владычицей птиц союз. Любая птица, залетевшая на остров, могла чувствовать себя в безопасности. Клятву никто не нарушал, поэтому со временем Призрачный Город, Имррир, превратился в пристанище для великого множества пернатых.

Призывая Филит, Элрик уповал на то, что она вспомнит о древней клятве. Правда, Имррир ныне лежит в руинах, и птицы туда больше не залетают...

Ему не раз приходилось обращаться за помощью к элементалам и прочим духам. Не так давно он вызывал Хаашаастаака, Властелина ящериц, а перед тем искал поддержки сильфов, шарнахов и х'хааршанов.

— Филит! — воскликнул Элрик, чувствуя, что силы на исходе. — Филит!

Воздух вдруг задрожал, сделалось темно.

— Спасибо, Филит! — выдавил принц и криво усмехнулся.

Небо заполонили птицы. Орлы, малиновки, грачи, скворцы, коршуны, вороны, ястребы, павлины, фламинго, голуби, попугаи, совы... Перья отливали металлическим блеском, громкие крики отдавались эхом в ушах.

Унай, который нес Элрика, злобно зашипел и взмахнул своим змеиным хвостом. Другой мгновенно превратился в гигантского кондора, устремился

вверх и исчез среди птиц. Раздался хриплый вопль, и мимо Элрика пролетело нечто черное, смахивавшее на свинью. Третий унай преобразился в дракона, чуть ли не как две капли воды похожего на тех, что носили когда-то на себе правителей Мелнибонэ. Из пасти дракона вырвалось пламя, в ноздри принцу ударил отвратительный запах горелой плоти. Но и дракон не сумел справиться с бесчисленным множеством птиц, которые защипали, заклевали, забили его до смерти. Хриплый вопль повторился, и к земле вновь полетело окровавленное, растерзанное тело.

Птицы разделились на два отряда. В небе словно возникли две исполинские стрелы с дюжиной золотистых орлов в качестве наконечников.

Чтобы отразить атаку, двум уцелевшим унаям — тем самым, что несли пленников, — пришлось изменить обличье. Змеиные кольца разжались, и Элрик полетел вниз. Крепко сжимая рукоять Бурезова, он проклинал судьбу. Спастись от порождений Хаоса только для того, чтобы разбиться насмерть, упав с большой высоты!

Внезапно кто-то схватил его за плащ. Принц вскинул голову и увидел над собой нескольких орлов. Падение замедлилось. Приземлился он удачно, отделавшись легким испугом.

Орлы тут же взмыли в небо.

В двух шагах от себя Элрик увидел Хмурника, очутившегося на земле точно таким же образом. Хмурник подобрал клинок, который выронил во время приземления, и потер правое бедро.

— Больше никогда в жизни не стану есть птиц, — весело заявил он. — Выходит, ты вспомнил заклинание?

— Да.

Неподалеку рухнули на снег два свиноподобных трупа.

Птицы исполнили в небе нечто вроде танца, то ли празднуя победу, то ли приветствуя воинов, после чего, разбившись на породы, быстро скрылись из виду. Элрик вложил в ножны меч, сделал глубокий вдох и произнес:

— Благодарю тебя, Филит.

— Послушай, Элрик, как тебе удалось? — полюбопытствовал Хмурник.

Принц снял шлем, вытер мокрый от пота лоб.

— Мои предки заключили с ней союз, поэтому она должна была помочь.

— Я искренне рад, что ты в конце концов вспомнил заклинание!

Принц кивнул, вновь надел шлем и огляделся по сторонам. Хмурник задумчиво потер подбородок.

— Насколько я понимаю, друг Элрик, ты не знаешь, куда нас занесло?

— Вот именно, друг Хмурник. Впрочем, я уверен, что мы находимся далеко к северу от Иосаза. Гораздо дальше от столицы, чем были до...

— Но тогда получается, что Телеб К'аарна тоже не в Иосазе! Если эти твари несли нас к нему...

— Пожалуй, ты прав.

— Значит, идем на север?

— Нет.

— Почему?

— По двум причинам. Во-первых, вполне возможно, что Телеб К'аарна нарочно велел унаям отнести нас куда подальше, дабы мы не смогли расстроить его планы. Вероятно, он решил, что это разумнее, нежели сражаться с нами в открытую.

— Ясно. А во-вторых?

— Во-вторых, нам лучше направиться в Иосаз. Там мы запасемся продовольствием и постараемся разузнать местонахождение чародея. Не имея лошадей, продолжать путь просто глупо. А в Иосазе мы купим и коней, и, если понадобится, сани.

— Понятно. А не кажется ли тебе, что сейчас нам все равно куда идти — по такому-то снегу?

— Будем надеяться, что рано или поздно выйдем к незамерзшей реке, отыщем лодку и доберемся до Иосаза.

— Слабая надежда, друг Элрик.

— Ты можешь предложить что-нибудь другое? — Последние слова Элрик произнес чуть ли не шепотом. Призывание Филит отняло много сил. Ему чудилось, он умирает. Ну и ладно, это будет достойная смерть — гораздо лучше той, которая ожидала его от руки чародея из Пэн-Тэнга.

Превозмогая усталость, путники двинулись на юг — две крошечные фигурки на фоне заснеженной равнины, два черных пятнышка на фоне ослепительной белизны.

Глава 4

Древний замок

Прошел день, минула ночь.

К вечеру второго дня путники уже не шли, а ползли, окончательно утратив ориентировку.

В конце концов они, сами того не сознавая, замерли в неподвижности, не в силах шевельнуть ни рукой, ни ногой. Такие понятия, как жизнь и смерть, бытие и небытие, утратили для них всякий смысл.

Когда встало солнце, они задвигались, приподняли головы, словно для того, чтобы бросить последний взгляд на мир, с которым им предстояло расстаться.

И увидели замок. Древний замок, что возвышался посреди заснеженной степи. Ни Элрику, ни Хмурнику никогда не доводилось слышать о том, что в Лормире есть такая крепость с поросшими мхом и лишайником стенами. Ни тот, ни другой не могли вообразить, что они обнаружат нечто подобное в местах, именовавшихся когда-то Краем Света.

Первым встал Хмурник. Он подковылял к Элрику, попробовал приподнять своего спутника. Тот застонал, кое-как поднялся и хотел было что-то сказать, но не сумел разомкнуть губ.

Опираясь друг на друга, время от времени падая навзничь, они двинулись к крепости.

Ворота были распахнуты настежь, как и входная дверь в центральную башню, откуда веяло теплом. Путники вошли в просторную залу. Там было пусто и безлюдно, однако в сложенном из гранита и кварца очаге пылал огонь.

— Здесь кто-то есть, — хрипло проговорил Хмурник, шагая по выложенному мозаикой полу. Он окинул взглядом базальтовые стены и воскликнул настолько громко, насколько получилось: — Хмурник из Элуэра и Элрик Мелнибонэйский приветствуют хозяина этого замка! Мы сбились с пути, замерзли и устали до смерти.

Колени Элрика подломились, и он рухнул на пол.

Хмурник подтащил принца к очагу и выпрямился, прислушиваясь к гулявшему по зале эху.

— Грейся, друг Элрик. А я пойду поищу хозяев.

Он пересек залу и поднялся по каменной лестнице на верхний этаж. Там обнаружилось много комнат, таких же пустых и безлюдных. Хмурнику стало не

по себе, он ощутил присутствие чего-то сверхъестественного. Неужели это замок Телеба К'аарны?

Кто бы здесь ни жил, он наверняка заметил путников, потому что распахнул ворота и позаботился развести огонь. Если он покинул замок, то каким-то необычным способом — ведь на снегу не было никаких следов.

Хмурник помедлил, затем повернулся и спустился вниз. Элрик уже не лежал, а сидел, прижавшись спиной к стене.

— Нашел что-нибудь? — спросил принц.

— Ничего, — ответил Хмурник, пожимая плечами. — И никого. Ни слуг, ни хозяев. Если они отправились на охоту, то, видно, на каких-то крылатых тварях, поскольку на снегу не осталось следов. Признаться, я слегка перенервничал. — Он криво усмехнулся. — А вдобавок, проголодался. Знаешь, если нас поджидают очередные неприятности, лучше встретить их с полным желудком.

В стене, рядом с очагом, они увидели дверь. Хмурник откинул защелку. За дверью тянулся узкий коридор. Прошел его до конца и оказался в кухне, а затем в кладовой, где обнаружил оленину, мехи и кувшины с вином, хлеб, пироги и пряности.

Первым делом Хмурник на цыпочках подкрался к полке с кувшинами, снял один, сорвал крышку и единым духом опорожнил его наполовину. Ничего более вкусного ему в своей жизни пробовать не доводилось. Вино мгновенно сняло усталость и притупило боль.

Он отхватил мечом кусок оленины, который сунул себе под мышку, набрал пряностей, взял хлеб и поспешил вернуться к Элрику, не забыв, разумеется, прихватить с собой вина.

Принц благодарно улыбнулся.

— Ты настоящий друг, Хмурник.

Пробормотав что-то неразборчивое, Хмурник отвернулся и принялся поджаривать мясо.

Тем временем Элрик, пригубив вино, которое тоже оказало на него весьма благотворное действие, кое-как встал, оглядел себя и покачал головой.

Поев, они подбросили в огонь дров и легли спать, а поутру проснулись отдохнувшими и ощутили, что почти полностью пришли в себя.

После завтрака Хмурник нагрел воды, чтобы умыться и побриться, а Элрик, порывшись в висевшей у него на поясе сумке, нашел целебную мазь, которой они смазали обмороженные места.

— Я побывал на конюшне, — сообщил Хмурник, — но лошадей не нашел. Впрочем, судя по следам, каких-то животных в ней недавно держали.

— В замке, скорее всего, должны быть лыжи, — отозвался Элрик. — В здешних краях без них не обойтись. Надо поискать. Кстати, может, нам попадется карта. На лыжах мы без труда доберемся до Иосаза.

— Хорошо, — согласился Хмурник. — Я поищу наверху.

— Пойдем вместе, — предложил Элрик.

Они методично обшарили все комнаты, но ничего не обнаружили.

— Странно, нигде нет даже мебели. Но кто-то же здесь живет! Ведь огонь не загорится сам по себе, верно?

— Сдается мне, лыжи придется мастерить вручную. Я видел в конюшне подходящие доски...

Неожиданно они заметили узкую, ведущую наверх лестницу.

— Ладно, попытаем счастья в последний раз, — решил Элрик.

Поднявшись по лесенке, они обнаружили полуоткрытую дверь. Элрик заглянул внутрь.

— Что там? — поинтересовался Хмурник.

— Мебель, — ответил принц.

Заинтригованный Хмурник преодолел две ступеньки, отделявшие его от двери, и просунул голову в комнату.

— Ба! — воскликнул он.

Сквозь хрустальные окна в комнату проникал дневной свет, падавший на разноцветные шелковые портьеры, на роскошные ковры и шпалеры, настолько яркие, словно их выткали всего несколько дней назад. Посреди комнаты, под шелковым балдахином, стояла большая кровать. А на кровати лежала молодая женщина.

Иссиня-черные волосы, кожа оттенка слоновой кости, прекрасные черты лица, огненно-красное платье...

Женщина спала.

Элрик шагнул было к ложу, но вдруг застыл как вкопанный, вздрогнул и отвернулся. На глазах у него выступили слезы.

— Что случилось, друг Элрик? — встревожился Хмурник.

Принц глухо застонал.

— Элрик... — Хмурник положил на плечо друга ладонь. Принц сбросил руку Хмурника, затем медленно, будто заставляя себя, повернулся к ложу, глубоко вздохнул, выпрямился и стиснул рукоять своего клинка.

Хмурник посмотрел на спящую женщину, затем перевел взгляд на принца. Неужели Элрик ее знает?

— Хмурник, она спит колдовским сном...

— С чего ты взял?

— Точно в такой же сон Йиркун погрузил мою Киморил.

— Боги! Ты думаешь, это...

— Я ничего не думаю!

— Но это же не...

— Да, это не Киморил. Она одновременно и похожа, и непохожа. Я просто не ожидал, что... Ладно, пошли отсюда.

— Что значит «пошли»? Ты не хочешь ее разбудить?

— Мы не сумеем этого сделать. Я же сказал, она спит колдовским сном. Вспомни, я не смог разбудить Киморил, даже призвав на помощь все свои познания в магии. Тут необходимы заклинания, которые мне не известны. Пойдем, Хмурник.

В тоне Элрика было нечто такое, что заставило Хмурника вздрогнуть.

— Но...

— Я ухожу, а ты как хочешь!

Элрик едва ли не выбежал из комнаты. Его шаги затихли в отдалении.

Хмурник приблизился к ложу, взглянул на спящую женщину, дотронулся до ее руки. Пожал плечами и собрался было последовать за принцем, как вдруг заметил на стене за кроватью боевые доспехи и оружие. Весьма необычное украшение для спальни молодой женщины, подумалось ему. У стены стоял резной столик, на котором лежала какая-то бумага. Хмурник подошел поближе и увидел, что это карта, где обозначены замок и река Зафра-Трепек.

Поверх карты лежал оправленный в серебро магнит.

Хмурник схватил карту и магнит и выбежал из комнаты.

— Элрик! Элрик!

В просторной зале внизу никого не оказалось. Входная дверь была распахнута настежь.

— Элрик!

Принц, стоявший у замковых ворот, медленно повернулся. Его взгляд выражал боль и муку.

Хмурник показал ему свои находки.

— Мы спасены, Элрик, спасены!

— Ты прав, — равнодушно согласился принц.

Глава 5

Сон

Два дня спустя они достигли верховий Зафра-Трепека, где стоял торговый город Алорасаз, знаменитый своими деревянными постройками. На улицах Алорасаза можно было встретить кого угодно — охотников, рудокопов, купцов из Иосаза и даже из Трепесаза.

Элрик и Хмурник, миновав людные улицы, очутились в трактире, который, как быстро выяснил элуэрец, считался лучшим в городе. За широкими столами сидели облаченные в меховые одежды охотники и купцы — одни продавали, другие покупали, причем все отчаянно торговались, настаивая каждый на своей цене.

Хмурник приблизился к хозяину трактира, толстяку с багровой физиономией. Оставшийся стоять у дверей Элрик увидел, как хозяин кивнул в ответ на слова Хмурника; тот махнул рукой принцу.

Элрик направился к нему — и чуть было не упал: какой-то купец настолько оживленно жестикулировал, что задел принца рукой и едва не свалил с ног. Он тут же извинился и пригласил Элрика присесть за стол.

— Спасибо, не стоит, — проговорил Элрик.

— Ну что вы! — воскликнул купец вставая. — Я виноват перед вами... — Должно быть, закончить фразу ему помешало выражение лица Элрика. Горожанин пробормотал что-то неразборчивое, снова сел и с кислой миной повернулся к одному из своих товарищей.

Следом за хозяином Элрик с Хмурником поднялись по хлипкой деревянной лестнице на второй этаж и очутились в единственной, по словам хозяина, свободной комнате во всем трактире.

— Надеюсь, господа, вы понимаете, что мы вынуждены поднимать цену...

Элрик молча вручил хозяину рубин, стоивший целое состояние. Хмурник только моргнул.

— Господин оказал мне великую честь, — проговорил хозяин. — Заплатил за много лет вперед. Знаете, это, наверно, хорошая примета и теперь у меня всегда будет много постояльцев. Большое спасибо, господин. Я распоряжусь, чтобы вам немедля принесли еду и вино.

— Самое лучшее, — уточнил Хмурник.

— Разумеется, господин. Самое лучшее из всего, что у меня есть.

Элрик сел на кровать, снял плащ и расстегнул пояс.

— Может, ты доверишь распоряжаться нашими драгоценностями мне? — поинтересовался Хмурник. — Иначе мы совсем скоро останемся без гроша.

Элрик ничего не ответил.

После ужина, узнав от хозяина, что послезавтра отплывает корабль в Иосаз, они легли спать.

Элрику снились плохие сны. Темные коридоры его сознания буквально кишели призраками. Он видел Киморил, слышал, как она закричала, когда Черный Клинок вонзился в ее тело и поглотил душу. Видел пылающий Имррир и падающие башни; видел, как взбирается на Рубиновый Престол довольный Йиркун.

Пока Элрик странствовал по свету, пытаясь найти себе пристанище среди людей, Йиркун, злобный и жестокий, как и подобает истинному мелнибонэйцу, захватил власть, попытался соблазнить Киморил, а когда у него ничего не вышло — погрузил девушку в глубокий, колдовской сон, из которого ее мог вывести только он сам.

Элрику снилось, что он отыскал Нанорион, мифический самоцвет, обладавший способностью воскрешать мертвых. Ему снилось, что Киморил не умерла, что она просто спит. Во сне принц положил Нанорион на лоб девушки, и та проснулась и поцеловала Элрика и покинула вместе с ним Имррир. Вдвоем они взмыли в небо на громадном драконе, который понес их к замку в заснеженной степи.

Посреди ночи Элрик проснулся. В трактире было тихо, не раздавалось ни звука. На соседней кровати крепко спал Хмурник. Неожиданно принцу показалось, что в комнате есть кто-то еще. Он стиснул рукоять Бурезова, готовый в любой момент вскочить с постели. Наверное, в комнату забрались воры, прослышавшие о том, сколь щедро он заплатил хозяину...

Послышался шорох. Внезапно Элрик увидел перед собой женщину. Черные волосы рассыпались по плечам, узкое алое платье облегало тело, на губах играла легкая усмешка. Женщина из замка. Это что, продолжение сна?

— Прошу прощения, что нарушила твой сон, принц Элрик, но дело не терпит отлагательств. К тому же у меня мало времени.

Элрик сел, посмотрел на Хмурника, который даже не пошевелился. Бурезов тихонько застонал.

— Госпожа, тебе известно мое имя, но я...

— Меня зовут Майшелла.

— Владычица Рассвета?

— Можно и так, — улыбнулась женщина. — Но чаще меня называют Колдуньей из Канелуна.

— Майшелла, возлюбленная Обека... Что ж, госпожа, вы прекрасно выглядите.

— Моей заслуги в том нет. Вполне возможно, я бессмертна, хотя утверждать не возьмусь. Твердо я знаю только одно — время постоянно норовит обмануть.

— Зачем ты пришла?

— Мне нужна твоя помощь.

— Какая именно?

— Мне кажется, у нас с тобой общий враг.

— Телеб К'аарна?

— Совершенно верно.

— Это он тебя заколдовал?

— Да.

— А на меня наслал унаев, из-за чего...

— Унаев послала я, — перебила Майшелла. — Тебе не следовало их опасаться. Иного способа привести тебя в замок не было — чары К'аарны уже начали действовать. Я сопротивлялась им, как могла, и сопротивляюсь до сих пор, но долго не выдержу. Телеб К'аарна заключил союз с принцем Умбдой, правителем келменов. Они хотят завоевать Лормир, а впоследствии покорить и все остальные королевства Юга.

— Кто такой этот Умбда? Я никогда не слышал ни о нем, ни о келменах. Наверно, какой-нибудь аристократ из Иосаза...

— Принц Умбда служит Хаосу. Он появился откуда-то из-за Края Света; келмены, его подданные, вовсе не люди, хотя внешне и похожи.

— Значит, Телеб К'аарна находится на юге...
— Да.
— Итак, ты хочешь, чтобы я тебе помог?
— Мы оба хотим уничтожить Телеба К'аарну. Между прочим, это его чары позволили принцу Умбде пересечь Край Света. Теперь благодаря Умбде, за которым стоит могущество Хаоса, чародей стал гораздо сильнее. Я защищаю Лормир во имя Порядка. Мне известно, что ты служишь Хаосу, но я надеюсь, что твоя ненависть к Телебу К'аарне пересилит.
— В последнее время Хаос отказывал мне в помощи, так что сейчас я не связан никакими обязательствами. Что касается Телеба К'аарны, я должен ему отомстить.
— Вот и хорошо. — Внезапно глаза Майшеллы на мгновение остекленели. — Мною снова овладевают чары, — проговорила она с трудом. — Слушай внимательно. У северных городских ворот ждет скакун, который отнесет тебя на остров в Кипящем Море. На том острове стоит дворец под названием Ашанелун. Я жила в этом дворце, пока не ощутила угрозу благополучию Лормира... — Майшелла прижала ладонь ко лбу. — Телеб К'аарна, предполагая, что рано или поздно я туда вернусь, поставил сторожить дворец своего прислужника, которого необходимо уничтожить. Убив его, иди в восточную башню. В нижней зале башни отыщи сундук, в котором находится расшитая золотом сумка. Возьми ее и доставь в Канелун, к которому приближаются орды келменов. Без сумки я не сумею отвести беду, и Телеб К'аарна с Умбдой разрушат Канелун. Тогда уже никто не сможет защитить Южные королевства, и даже ты окажешься бессилен против чародея.
— Как насчет Хмурника? — осведомился принц, поглядев на крепко спящего приятеля. — Он может сопровождать меня?
— Лучше не надо. Вдобавок, у нас нет времени снимать с него заклятие... — Майшелла покачнулась. — Времени нет...
Элрик вскочил с кровати, быстро оделся, накинул плащ, пристегнул к поясу меч.
— Иди... — прошептала Майшелла. — Скорее... — И растаяла в воздухе.
Принц спустился по лестнице, вышел из трактира и побежал к северным воротам Алорасаза. Те были распахнуты настежь. Элрик миновал ворота и двинулся дальше по снегу, настороженно оглядываясь по сторонам. Вдруг он остановился, не веря собственным глазам.
— Что это? Очередной унай?
Принц медленно приблизился к «скакуну» Майшеллы.

Глава 6

Металлическая птица

Это была птица из золота, серебра и бронзы. Когда Элрик подошел, громадные крылья громко лязгнули, когтистая лапа царапнула землю, большая голова повернулась и на принца уставились изумрудные глаза. На спине птицы имелось седло, вырезанное из цельного оникса и отделанное золотом и медью.
— Ладно, — произнес Элрик, обращаясь к самому себе. — Раз ввязался, отступать поздно.
Он вскарабкался на птицу и уселся в седло.
Три могучих взмаха — и птица поднялась в ночное небо над Алорасазом. Неожиданно она повернула голову к Элрику и разинула свой стальной, усеянный драгоценными камнями клюв.
— Господин, мне приказано отнести тебя в Ашанелун.
— Так неси, — махнул рукой Элрик. — Я весь в твоей власти.
Крылья задвигались чаще, птица полетела быстрее, в ушах Элрика засвистел ветер. Внизу тянулись снежные равнины, мелькали реки и горные цепи; наконец показалось морское побережье, и принц увидел Кипящее Море. Внезапно птица резко нырнула вниз. Элрику стало жарко, он услышал характерное бульканье. По слухам, на дне Кипящего Моря находились вулканы, которые и нагревали воду.
Постепенно жара сделалась почти невыносимой, пар застилал зрение, однако Элрик все же сумел различить очертания скалистого островка, на котором возвышалось одно-единственное здание с многочисленными башнями, башенками и куполами.
— Ашанелун, — сообщила птица. — Извини, господин, но идти тебе туда придется одному, потому что я боюсь той твари, что сторожит дворец. Если ты уцелеешь, я вернусь за тобой и отнесу в Канелун. А если погибнешь — поведаю своей хозяйке о твоей смерти.
Элрик примерился, дождался подходящего момента и спрыгнул на плоскую крышу. Птица тут же поднялась в небо, и Элрик остался в одиночестве.
Если не считать рокота прибоя, все было тихо. Принц отыскал взглядом восточную башню и направился к ней. Вполне возможно, подумалось ему, что сражаться ни с кем не придется. Внезапно за спиной раздался оглушительный рев. Элрик обернулся и увидел стража, который глядел на него налитыми кровью глазами.
— Ты раб Телеба К'аарны, — проговорил принц, вытаскивая из ножен Бурезов (меч словно сам прыгнул ему в руку). — Ну так что, мне тебя убить или уберешься подобру-поздорову?
Ответом был яростный рев, однако страж не шевельнулся.
— Я Элрик Мелнибонэйский, последний в роду великих королей и колдунов. Послушай, демон, мой клинок не просто прикончит тебя, он выпьет твою душу. Может, тебе знакомо такое имя — Похититель Душ? Так вот, это я.
Страж взмахнул хвостом, наклонил рогатую голову, оскалил клыки. Затем выпустил острые когти и двинулся к Элрику.
Принц стиснул меч обеими руками, широко расставил ноги и приготовился отразить атаку. В ноздри ударила омерзительная вонь. Чудовище было совсем близко... Бурезов пронзительно взвыл. Элрика окутало исходящее от клинка черное сияние. На лезвии жадно засверкали руны. Страж полоснул принца когтями, разорвал на груди рубашку... Меч вонзился в тело демона.
Чудовище попятилось, взревело — и снова нанесло удар. Элрик не успел уклониться, и когти распороли ему руку от локтя до запястья. Бурезов рассек морду чудовища, которое взвизгнуло и в слепой ярости вновь кинулось на Элрика. Тот покачнулся и чуть было не упал, однако сумел отвести мечом когтистую лапу...
Схватка затягивалась. Элрик чувствовал, что слабеет. Он ощутил нечто вроде отчаяния, затем вдруг словно преобразился — глаза зажглись, с губ сорвался не то крик, не то рык.
— Я Элрик! — воскликнул он. — Элрик! Слышишь, образина?

Демон продолжал напирать.

— Я Элрик Мелнибонэйский! Больше демон, чем человек! Убирайся, гнусное отродье!

Чудовище вновь взмахнуло лапой, но на сей раз Элрик, чье лицо исказила жуткая гримаса, и не подумал отступить. Перехватив меч поудобнее, он вонзил его прямо в горло стражу, а потом навалился на рукоять, стремясь, чтобы лезвие вошло как можно глубже.

Бурезов завел победную песнь. Мгновение спустя Элрик ощутил прилив сил — в него вливалась демоническая энергия, похищенная клинком у стража. Принц вытащил меч из тела демона и принялся рубить сплеча. Какое-то время спустя демон застонал и повалился на крышу.

Элрик встал над трупом адской твари. Алые глаза ярко сверкали, из горла рвался крик. Он вскинул руки к небу и расхохотался, а Бурезов, пылавший черным пламенем, запел, славя Владык Хаоса.

Затем все стихло. Элрик опустил голову. По его щекам бежали слезы.

Он проник в восточную башню, внутри которой царил непроглядный мрак, и на ощупь добрался до двери в нижнюю залу. Дверь оказалась заперта, однако удар мечом разнес ее в щепки, и последний правитель Мелнибонэ очутился в освещенном помещении, посреди которого стоял кованый сундук.

Элрик перерубил железные обручи, откинул крышку сундука и увидел множество диковинных предметов, из которых, впрочем, взял только расшитую золотом сумку. После чего поспешно вернулся на крышу, где его уже дожидалась металлическая птица.

— Что ж, господин, летим в Канелун, — сказала она, смерив принца насмешливым (как тому показалось) взглядом.

— Летим.

Элрик посмотрел на труп стража. К горлу подкатила тошнота. Он забрал у чудовища всю его демоническую силу. Значит, к нему перешла и та злоба, которой наделил своего раба Телеб К'аарна?

Принц уже собирался взобраться в седло, когда заметил в ране, которую нанес демону, что-то блестящее. То было сердце чудовища — причудливой формы камень, темно-синий, с вкраплениями зеленого и фиолетового. Сердце по-прежнему продолжало биться. Элрик наклонился и подобрал камень. Тот оказался настолько горячим, что обжег руку. Принц сунул камень в сумку на поясе и уселся в седло.

Птица взмыла в воздух и полетела над Кипящим Морем. На бледном лице Элрика отражались разнообразные чувства, светлые волосы развевались на ветру, из ран на руке и на груди сочилась кровь.

Принц размышлял, вспоминал прошлое, пытался заглянуть в будущее. Раз или два он горько смеялся, по щекам бежали слезы. В какой-то миг, очевидно, не выдержав, он воскликнул:

— До чего же мучительно жить!

Глава 7

Смех колдуна

Канелуна они достигли на рассвете. Элрик увидел на заснеженной равнине огромную армию. Должно быть, то были орды келменов, ведомые Телебом К'аарной и принцем Умбдой на штурм крепости.

Металлическая птица приземлилась у крепостных ворот. Элрик спрыгнул на снег. Птица взмыла в небо и вскоре скрылась из виду.

Ворота были заперты. Принц плотнее запахнулся в свой рваный плащ, стукнул кулаком по воротам и крикнул:

— Майшелла! Майшелла!

Тишина.

— Майшелла! Я вернулся с тем, что тебе нужно!

Неужели она снова заснула? Элрик посмотрел в ту сторону, откуда приближались враги.

— Майшелла!

Ворота со скрипом приоткрылись, и Элрик увидел Хмурника, в глазах которого застыло странное выражение — словно элуэрец знал что-то такое, о чем не осмеливался говорить вслух.

— Хмурник! Как ты сюда попал?

— Не знаю, Элрик. — Хмурник посторонился, пропуская принца внутрь, потом закрыл ворота и задвинул засов. — Прошлой ночью я увидел во сне женщину, ту самую, которую мы видели в замке. Ну, спящую, помнишь? Она сказала, что я должен идти за ней. И я пошел — но вот как, не понимаю, Элрик, честное слово.

— И где же эта женщина?

— Спит, и я никак не могу ее разбудить.

Элрик тяжело вздохнул, а затем вкратце рассказал Хмурнику о Майшелле и о войске, что приближалось к Канелуну.

— А что в той сумке? — полюбопытствовал Хмурник.

Элрик пожал плечами, раскрыл сумку и заглянул внутрь.

— Какая-то розовая пыль. Майшелла почему-то уверена, что с помощью этой сумки сумеет победить келменов.

— Раз секрет сумки известен только Майшелле, значит, воспользоваться ею может только она, — мрачно произнес Хмурник.

— Верно.

— Однако ее заколдовал Телеб К'аарна.

— Верно, — повторил Элрик.

— Вдобавок, все равно уже поздно, потому что Умбда — или как его там — от крепости в двух шагах.

— Верно. — Дрожащей рукой Элрик извлек камень, который достал из тела охранявшего Ашанелун демона. — Впрочем, если этот камень — то, что я думаю, у нас есть шанс.

— Ты о чем?

— Существует легенда, которая утверждает, что каменные сердца демонов обладают особыми свойствами. — Элрик поднес камень к глазам. — Скорее всего, у меня в руках то, что я искал, надеясь вырвать Киморил из колдовского сна, в который ее погрузил мой кузен. Нанорион, волшебный камень, способный воскрешать мертвых и пробуждать спящих.

— Значит, он разбудит Майшеллу?

— Будем надеяться. Я забрал его из тела демона, который был рабом Телеба К'аарны, что должно усилить магические свойства камня. Пошли. — Элрик пересек залу, поднялся по лестнице в спальню Майшеллы. Женщина лежала на кровати под балдахином, а на стене комнаты по-прежнему висели щиты и оружие.

— Теперь я понимаю, зачем ей понадобились эти игрушки, — проговорил Хмурник. — Если верить молве, Майшелла вешает на стены оружие своих возлюбленных.

— Ты прав, — кивнул Элрик и негромко прибавил: — Владычица Рассвета испокон веку враждо-

вала с Мелнибонэ... — Затем положил пульсирующий камень на лоб Майшеллы.

— Ничего, — заметил Хмурник секунду спустя. — Она даже не шевельнулась.

— Есть одна руна, которую я подзабыл... — Элрик обхватил голову ладонями. — Нет, не помню.

— Можно спросить у Телеба К'аарны, — предложил Хмурник, подойдя к окну. — Колдун скоро будет здесь. — Внезапно он заметил на глазах у Элрика слезы. Принц отвернулся. Хмурник смущенно откашлялся и сказал: — Надо кое-что посмотреть внизу. Если я тебе понадоблюсь, позови.

Он вышел из комнаты и прикрыл за собой дверь, оставив Элрика наедине с женщиной, которая казалась принцу жутким призраком из кошмарного сна. Усилием воли Элрик обуздал свои чувства и напряг память, пытаясь вспомнить руническое заклятие.

— Боги! — прошипел он. — Помогите мне, боги!

Впрочем, Элрик догадывался, что сейчас помощи от Владык Хаоса ждать не приходится; скорее, наоборот — они всячески будут мешать. Ведь Майшелла поддерживала в мире Порядок, то есть принадлежала к числу врагов Хаоса...

Элрик опустился на колени рядом с кроватью, стиснул кулаки, его лицо исказилось от напряжения. И вдруг — он вспомнил! Не поднимая головы, принц вытянул правую руку, взял камень, положил его на живот Майшеллы и принялся читать древнее заклинание на Высоком Языке Мелнибонэ.

— Элрик! — воскликнул Хмурник, вбегая в комнату. — Элрик, мы пропали! Враги ворвались в крепость!

— Что?

— В крепость ворвался передовой отряд. Они завладели замком и теперь пытаются выломать дверь в башню. По-моему, их послали убить Майшеллу. Они изрядно удивились, когда увидели меня.

Элрик поднялся с колен и посмотрел на Майшеллу. Что ж, заклинание он прочел до конца и даже почти успел повторить — слегка помешал Хмурник. Однако женщина по-прежнему не шевелилась.

— Телеб К'аарна наверняка продолжает колдовать, чтобы Майшелла не освободилась от его чар, — заметил Хмурник. — Однако о нашем присутствии он и не подозревает.

Воины сбежали по лестнице и остановились у двери, трещавшей под напором снаружи.

— Отойди, Хмурник. — Принц обнажил меч, поднял высоко над головой и с размаха обрушил на дверь. Та рухнула, похоронив под собой двоих из нападающих. Остальные в ужасе отпрянули: Элрик, словно кровожадный демон, ринулся на них, размахивая черным клинком, который похищал души и пел свою странную песню.

В нижней зале келмены сбились в кучу, собираясь, по всей видимости, стоять насмерть. Элрик расхохотался, да так, что противников бросило в дрожь и они чуть было не выронили оружие.

— Вот вы какие, отважные келмены, — презрительно усмехнулся принц. — Неудивительно, что вам необходима помощь колдуна. Признавайтесь, слыхали вы в своей глуши об Элрике Убийце Родичей?

Судя по всему, келмены не поняли ни слова из сказанного, что было, в общем-то, странно, поскольку Элрик говорил на Общем Языке, известном всем и каждому. Впрочем, они и внешне достаточно сильно отличались от обычных людей: золотистая кожа, квадратные глазницы, лица, словно вырубленные топором; щиты у них тоже были особенные — не круглые, а треугольные.

Элрик изобразил на лице улыбку. Келмены прижались друг к другу. Из глотки Элрика вырвался полусмех-полурык, и Хмурник отвернулся, чтобы не видеть происходящего.

Песня Бурезова стала громче. Валились на пол отсеченные конечности и отрубленные головы, хлестала кровь, переселялись в клинок души. Судя по выражению, застывшему на лицах мертвых келменов, перед смертью они успели узнать, какая судьба их ожидает.

Бурезов рубил, не ведая устали, стремясь утолить свою жажду. Элрик же чувствовал, что его буквально переполняет похищенная клинком у келменов энергия.

Громогласно расхохотавшись, принц переступил через очередной труп, вышел наружу и приблизился к воротам, у которых стояла вражеская армия.

— Телеб К'аарна! Телеб К'аарна!

Хмурник, который выбежал из башни следом за Элриком, тщетно умолял друга остановиться. Принц направился навстречу врагу, его меч оставлял в снегу алую борозду.

Между тем келменская армия постепенно приближалась. Впереди ехали смуглокожий чародей из Пэн-Тэнга в свободных, развевающихся на ветру одеждах и принц Умбда, облаченный в доспехи, — над шлемом колыхался разноцветный плюмаж, на лице принца играла довольная усмешка. Следом двигалось войско, причем келмены явно готовились к осаде Канелуна: они везли боевые машины, на вид несколько неуклюжие, но, по-видимому, смертельно опасные для любого города или крепости.

Заметив у ворот замка одинокую фигуру, Телеб К'аарна поднял руку, давая сигнал остановиться, затем сам натянул поводья и рассмеялся.

— Клянусь богами Хаоса, это же мелнибонэйский пес! Наконец-то он понял, что тягаться со мной бессмысленно! — Подождав, пока Элрик приблизится, чародей продолжил: — Давай, Элрик, становись передо мной на колени.

Принц не подал вида, что слышал К'аарну.

Спутник чародея встревоженно поглядел на Элрика и что-то сказал К'аарне. Тот фыркнул. Между тем Элрик подходил все ближе.

— Остановись, Элрик! Именем Чардроса! — крикнул Телеб К'аарна, лошадь которого начала проявлять признаки беспокойства. — Если пришел торговаться, ничего у тебя не выйдет. Канелуну суждено пасть, а следом за ним падет и Лормир.

Элрик остановился и с улыбкой взглянул прямо в глаза чародею.

Телеб К'аарна не выдержал и отвернулся, а потом проговорил с дрожью в голосе:

— Ты не сможешь победить в одиночку армию келменов.

— Я и не собираюсь. Мне нужна только твоя жизнь.

— Ну уж ее ты не получишь! Вперед, воины! Вперед!

Чародей повернул коня и помчался назад, отдавая на скаку приказы келменам.

Рядом с Элриком неожиданно выросла другая фигура.

— Мы умрем вместе, — произнес Хмурник.

— Уходи! — Хмурник изумленно уставился на приятеля. — Если ты мне друг, уходи!

Элуэрец пожал плечами и поплелся к замку.

Тем временем Элрика окружили келменские всад-

ники. Судя по всему, они рассчитывали, что принц испугается и поспешит сдаться.

Элрик улыбнулся. Бурезов снова запел. Элрик стиснул меч обеими руками, выставил его перед собой и начал кружиться, будто таркешитский танцор. Меч со свистом рассекал воздух, отрубая конечности и головы; казалось, не человек направляет оружие, а клинок повелевает действиями человека.

Келмены попятились, однако принц Умбда, переговорив с чародеем, снова послал их вперед.

Элрик вновь взмахнул клинком, но на сей раз Бурезов пожал уже не столь обильную жатву. Происходило что-то непонятное — и весьма неприятное для Элрика. Внезапно он понял: меч насытился. Запас энергии перестал пополняться и даже начал понемногу сходить на нет.

— Бурезов! Отдай мне свою силу! — воскликнул Элрик, отбивая удар за ударом. — Проклятие!

Он по-прежнему был сильнее любого смертного, однако ярость, владевшая им, мало-помалу отступала. Элрик начал пробуждаться от кровавого сна. А келмены напирали. Принц тряхнул головой, сделал глубокий вдох.

— Отдай мне свою силу, Черный Меч!

Повсюду, куда ни посмотри, громоздились трупы. Снег вокруг растаял, земля была мокрой от крови, и Элрик уже несколько раз поскальзывался и чуть было не падал.

— Что с тобой, Бурезов? Ты отказываешься помогать мне? Не хочешь сражаться с теми, кто, как и ты, исчадия Хаоса?

Нет, подумалось Элрику, не может быть. Просто-напросто клинок утолил свою жажду, а потому и вел себя не как обычно.

Принц сражался до последнего. Наконец какой-то всадник, скорее всего, с перепугу, ударил Элрика по голове. Шлем выдержал, однако Элрик не устоял на ногах и рухнул на трупы тех, кого сразил в бою. Попытавшись встать, он получил еще один удар и потерял сознание.

Глава 8

Победа

— О такой удаче я не смел и мечтать, — удовлетворенно произнес Телеб К'аарна. — Надо же, мы захватили его живьем!

Элрик открыл глаза и бросил на чародея, который поглаживал черную, разделенную надвое бороду, исполненный ненависти взгляд. Он весьма смутно помнил, каким образом очутился в руках К'аарны. В памяти остались лишь кровь, безумный смех и трупы, однако все казалось неправдоподобно далеким, будто пригрезившимся во сне.

— Между нами, принц Элрик, твоя глупость просто поразительна. Я-то думал, ты приведешь с собой целую армию. Однако ты, видно, настолько перепугался, что окончательно лишился ума. Впрочем, я не буду искушать свою судьбу, не стану доискиваться причин ее благоволения... Что ж, теперь я могу заключать сделки с обитателями иных измерений, предлагая им твою душу. А тело сохраню для себя — покажу королеве Йишане, как поступил с ее любовником, прежде чем предать его смерти.

Элрик хмыкнул и огляделся по сторонам. Войско по-прежнему стояло у стен Канелуна, за которые потихоньку опускалось солнце. Келмены ожидали приказов. Их лица выражали ненависть и страх. Принц усмехнулся.

— Я не люблю Йишану, — кинул он чародею, не повернув головы. — Можешь не ревновать. И запомни, чародей, раз и навсегда — Элриком Мелнибонэйским движет не любовь, а ненависть.

— Я тебе не верю, — процедил Телеб К'аарна. — Когда мы покорим весь Юг, я предложу Йишане свои руку и сердце, а еще — титул королевы Запада и Юга. Вместе мы подчиним себе весь мир!

— Жители Пэн-Тэнга славятся своим коварством. Они вечно чем-то недовольны, вечно строят козни и стремятся рассорить Молодые Королевства.

— Однажды Пэн-Тэнг создаст империю, по сравнению с которой Светлая Империя Мелнибонэ покажется лишь тлеющим угольком в костре истории, — заявил чародей. — Но я стремлюсь к этому не ради Пэн-Тэнга...

— А ради Йишаны? — перебил Элрик. — Клянусь богами, колдун, я искренне рад, что мною движет не любовь, а ненависть, потому что не причинил людям и половины того зла, которое им нанесли вы, так называемые влюбленные!

— Я положу Юг к ногам Йишаны. Это будет мой свадебный подарок.

— Знаешь, мне надоело. Скажи лучше, что ты намерен сделать со мной?

— Во-первых, я буду тебя пытать, долго-долго, чтобы сломить твою гордость. А потом продам тому из Правителей, кто предложит большую цену.

— А что станет с Канелуном?

— С ним разберутся келмены. Всего-то и дел, что перерезать горло Майшелле, пока она спит...

— Не получится. Ее защищают.

Телеб К'аарна нахмурился, но быстро совладал с собой и рассмеялся.

— Ты имеешь в виду своего рыжего приятеля? Он погибнет вместе с Майшеллой. — Чародей пригладил волосы. — По просьбе принца Умбды я дал келменам отдохнуть перед штурмом. Но отдых не затянется, и к полуночи от Канелуна останутся одни головешки.

Элрик посмотрел на замок. Да, похоже, его рунические заклятия оказались бессильны против чар К'аарны.

— Я... — Элрик не докончил фразы, потому что заметил, как над крепостной стеной что-то блеснуло, и ему в голову пришла шальная мысль.

— Что? — рявкнул чародей.

— Ничего. Где, кстати, мой меч?

— Понятия не имею. — К'аарна пожал плечами. — Во всяком случае, вне твоей досягаемости. Наверное, валяется там, где ты его выронил. Нам он ни к чему, как, впрочем, и тебе...

Интересно, подумалось Элрику, а что произойдет, если он позовет меч? Самому до клинка не добраться, поскольку все тело опутано веревками; значит, надо попробовать позвать его к себе.

— Что, Белый Волк, ищешь способ удрать? — осведомился Телеб К'аарна.

— Вовсе нет, — с улыбкой отозвался Элрик и сначала встал на четвереньки, а затем медленно выпрямился во весь рост. — Просто хочу посмотреть на Канелун.

Чародей вынул кривой нож.

Элрик пошатнулся, однако устоял на ногах, прикрыл глаза и прошептал:

— Бурезов!

К'аарна прыжком преодолел разделявшее их рас-

стояние, схватил Элрика за шею и приставил острие ножа к его груди.

— Замолчи, пес!

Элрик и не подумал подчиниться, уповая на то, что желание отомстить не позволит чародею прикончить его на месте. К'аарна выругался и попытался просунуть нож принцу в рот.

— Перво-наперво я вырежу твой паршивый язык!

Элрик укусил чародея за руку и сплюнул, ощутив на языке привкус крови.

— Клянусь Чардросом! — воскликнул К'аарна. — Если бы я не решил давным-давно, что ты умрешь медленной, мучительной смертью, сейчас тебе...

Внезапно войско келменов испустило дружный стон. Чародей обернулся и раздраженно прицокнул языком.

В вечернем сумраке возникла черная тень. То был Бурезов, откликнувшийся на призыв Элрика. Принц воскликнул:

— Бурезов! Ко мне, Бурезов!

Телеб К'аарна толкнул Элрика и поспешил укрыться за спинами келменов.

— Бурезов!

Послышались удивленные возгласы. Келмены заметили другую тень, что мелькнула над стенами замка Канелун.

— Принц Умбда! — завопил чародей. — Я чувствую угрозу! Готовься к битве! — Поскольку Умбда его не понял, К'аарне пришлось перевести свои слова.— И держите пленника! — прибавил он.

Несколько воинов метнулись к Элрику, рассчитывая, по-видимому, перехватить меч до того как оружие окажется в руке принца. Бурезов на лету нанес удар, один из келменов бездыханным рухнул на землю, а остальные в страхе отпрянули.

— Элрик! — крикнул Телеб К'аарна. — Даже если ты убежишь, тебе от меня не уйти!

— Запомни, гнусный колдун! — рявкнул в ответ принц. — Я найду тебя, куда бы ты ни спрятался!

Тень, что совсем недавно кружила над Канелуном, понемногу приближалась к вражеской армии. Элрик догадывался, что она такое. Именно поэтому он решил позвать меч, предполагая, что металлической птицей правит Хмурник, который наверняка попытается его спасти.

— Держите пленника! — повторил чародей. Но келмены не послушались, ибо принц Умбда почти одновременно приказал им что-то на своем языке. Судя по всему, они не разделяли опасений К'аарны, да и металлическая птица их ничуть не пугала.

— Бурезов! — прошептал Элрик. Меч перерезал веревку, которой был связан принц, и скользнул в ладонь хозяина. В тот же миг принц Умбда громко крикнул, и к Элрику устремилось десятка два келменов. Он взмахнул клинком, готовясь отразить атаку. Почему же медлит Хмурник?

Как ни странно, птица, похоже, и не думала приземляться. Она летала над келменским войском, словно определяя его численность, и постепенно удалялась от Элрика.

Выходит, он дал маху?

Элрик изловчился и одним ударом отрубил кому-то из келменов голову — и ощутил, как у него сразу прибавилось сил. Развернулся, занес клинок, ударил — и на снег повалился мешком второй противник. Однако на смену мертвым тут же появлялись живые.

Между тем металлическая птица изменила курс. Судя по всему, она возвращалась в Канелун. Зачем? Может, Хмурник просто-напросто не сумел подчинить ее своей воле?

Элрик начал отступать. Надежда понемногу уступала место отчаянию.

Да, он явно ошибся в своих расчетах и тем самым приблизил собственную смерть, а также, по всей вероятности, смерть Хмурника и Майшеллы.

Канелун обречен. Обречена и Майшелла. А вместе с ними обречены Лормир и, быть может, все прочие Молодые Королевства.

Равно как и Элрик Мелнибонэйский.

Неожиданно келмены закричали и попятились. На Элрика упала тень, послышался металлический лязг. Принц вскинул голову: над ним парила птица. Он ожидал увидеть в седле Хмурника, а потому слегка удивился, услышав голос Майшеллы:

— Скорее, принц Элрик! Скорее, пока они не опомнились!

Элрик вложил меч в ножны, подпрыгнул, вскарабкался на птицу и уселся в седло позади Майшеллы. В воздухе засвистели стрелы, в бок птицы врезалось копье.

— Сделаем еще один круг над келменами и вернемся в замок, — проговорила Майшелла, длинные волосы которой развевались на ветру. — Твое заклинание, усиленное Нанорионом, победило чары Телеба К'аарны, однако я боюсь, что уже слишком поздно. Видишь, воины принца Умбды готовы штурмовать Канелун. И неизвестно, устоит ли против них твой друг Хмурник.

— Зачем делать круг?

— Сейчас поймешь. Надеюсь, у меня получится...

Майшелла запела песню на странном наречии, отдаленно похожем на Высокий Язык Мелнибонэ. Элрик улавливал общий смысл, но большинство слов было ему незнакомо.

Тем временем келмены выстроились для атаки. Должно быть, их военачальники решили, что воины достаточно отдохнули.

Пролетев над вражеским лагерем, металлическая птица устремилась к замку. Как только они оказались на стене, к ним подбежал Хмурник, и все трое обернулись в ту сторону, откуда наступал враг.

— Что ты... — начал было Элрик.

— Пока не знаю, — отозвалась Майшелла. — Вполне возможно, мое колдовство не сработает.

— Какое колдовство?

— Я рассыпала над лагерем содержимое той сумки, которую мне принес ты. Нужно немного подождать...

— Если порошок не подействует... Что такое? — проговорил Хмурник, пристально вглядываясь во мрак.

— Это Ловушка для плоти, — ответила Майшелла, усмешка которой напоминала улыбку сытого вурдалака.

Из снега неожиданно возникла розовая, колышущаяся масса, которая быстро захватила келменов в кольцо. Лошади тревожно заржали, принялись вставать на дыбы, всадники испуганно закричали. А масса продолжала увеличиваться в размерах. Войско очутилось в окружении высоких розовых стен. Судя по доносившимся звукам, келмены пустили в ход боевые машины, рассчитывая с их помощью пробиться на свободу. Но все упования оказались тщетными. Из кольца не вырвался никто из келменов.

Затем масса начала сжиматься. Раздался звук, которого Элрик не слышал никогда в жизни.

То был голос. Голос сотни тысяч воинов, терзаемых одним и тем же страхом, гибнущих одной и той же смертью. То был стон, в котором слились отчаяние, безнадежность и ужас. Стон настолько

громкий, что от него задрожали стены замка Канелун.

— Умереть такой смертью... — пробормотал Хмурник, отворачивая лицо.

— У нас не было иного выхода, — откликнулась Майшелла. — Между прочим, я владела этим порошком много лет, но использовала сегодня впервые.

— Подобной участи заслуживал только Телеб К'аарна, — заметил Элрик.

Ловушка для плоти продолжала сжиматься. Она раздавила принца Умбду, который не говорил ни на одном языке Молодых Королевств, но который явился из-за Края Света, чтобы завоевать эти королевства. Она раздавила Телеба К'аарну, который хотел ради любви к похотливой правительнице привести в мир силы Хаоса. Она раздавила келменов, уничтожила всех до единого, и они исчезли, словно их никогда и не было.

А затем, поглотив свои жертвы, снова превратилась в безобидную на вид розовую пыль. И в этой пыли валялись оружие и доспехи, пряжки от ремней, монеты, конская упряжь и тому подобные вещи.

— Благодарю тебя, принц Элрик, — проговорила Майшелла. — Ты вовремя выполнил мою просьбу. Спасибо и за то, что разбудил меня и помог спасти Лормир.

— Не за что, — отозвался Элрик, которого вдруг начала бить дрожь.

Вновь пошел снег.

— Не за что, — повторил принц. — Я помог тебе лишь потому, что увидел возможность отомстить, утолить свою ненависть. Я уничтожил Телеба К'аарну, а все остальное — по крайней мере, для меня — произошло по чистой случайности. Честно говоря, мне плевать на Лормир и на все Молодые Королевства вместе взятые.

Майшелла недоверчиво усмехнулась.

Элрик спустился со стены и направился к центральной башне.

— Подожди, — окликнула его Майшелла. — Замок заколдован. Если я захочу, он покажет тебе твое заветное желание.

— Свое заветное желание я уже осуществил, — ответил Элрик. — Телеб К'аарна мертв. Увы, госпожа, прибереги свое колдовство для других.

— Ты уверен, что у тебя не осталось желаний?

— Я понимаю, что ты хочешь сказать. — Элрик пожал плечами. — Но...

— Ты задаешь слишком много вопросов. — Майшелла повела рукой. — Смотри. Сейчас ты увидишь то, чего сильнее всего желаешь.

Элрик огляделся по сторонам. Глаза принца изумленно расширились, он упал на колени и с мольбой протянул к Майшелле руки.

— Нет! Не может быть! Я этого не хочу!

Майшелла поспешно сняла чары. Хмурник помог другу подняться.

— Что стряслось? Что ты увидел?

Элрик выпрямился, положил ладонь на рукоять клинка и проговорил, обращаясь к Майшелле:

— Госпожа, я бы убил тебя, если бы не знал, что ты хотела доставить мне удовольствие. — Он опустил голову, помолчал, затем продолжил: — Запомни, Элрику не суждено обладать тем, чего он желает сильнее всего на свете. Ему доступны лишь ненависть, печаль, злоба и чувство вины. Иного он не заслуживает и к иному не стремится.

Майшелла закрыла лицо руками, отвернулась и направилась к себе в спальню. Элрик пошел следом. Хмурник двинулся было за ними, но передумал.

Они вошли в спальню и закрыли за собой дверь.

Хмурник вновь поднялся на стену и вгляделся во мрак. Он различил в лунном свете блеск металлических крыльев. Искорка становилась все меньше и вскоре исчезла из виду.

Хмурник поежился. Спустился вниз, вошел в башню, уселся у стены и закрыл глаза.

Какое-то время спустя он услышал смех.

Этот смех заставил его вскочить, выбежать из башни, пересечь двор и укрыться в конюшне.

Заснуть ему так и не удалось, ибо чудовищный смех звучал в ушах всю ночь и стих лишь поутру.

ЧАСТЬ II

ЗАПАДНЯ

Глава 1

Двор нищих

Надсокор, город нищих, пользовался во всех Молодых Королевствах дурной славой. Он располагался поблизости от бурной реки Варкалк, не слишком далеко от границ королевства Орг, в котором находился зловещий лес Тру; от города исходила вонь, ощущавшаяся на расстоянии в добрые десять миль. Чужаки в Надсокоре появлялись крайне редко.

Обитатели Надсокора странствовали по свету, просили подаяния и воровали, а возвращаясь, отдавали половину добычи королю.

Этот король правил в Надсокоре много лет. Его звали Уриш Семь Пальцев: на правой руке у него было четыре пальца, а на левой — всего три. Багровое лицо, на котором время и пороки оставили свой след — бесчисленное множество морщин, — обрамляли грязные, спутанные волосы. При первом же взгляде на короля внимание привлекали глаза — светлые и ясные, как у юноши.

Знаком власти Уриша являлся мясницкий нож, с которым король никогда не расставался. Восседал Уриш на грубом троне из древесины дуба, украшенном позолотой и полудрагоценными камнями. Под троном стоял сундук, где хранились королевские сокровища.

Большую часть дня Уриш проводил в мрачной тронной зале, председательствуя на заседаниях совета — сборища отъявленных негодяев, настоящих подонков общества. Освещали залу и давали тепло огромные жаровни, над которыми курился черный дым; в них жгли мусор, поэтому они испускали смрад, перебивавший все прочие запахи.

Король Уриш давал аудиенцию.

Чужак, стоявший у помоста, на котором возвышался трон, время от времени подносил к лицу сильно надушенный платок. Он был немного бледен и бросал на нищих слегка испуганные взгляды. Большой крючковатый нос, иссиня-черные волосы, раздвоенная черная борода, свободная одежда, обычная для жителей Пэн-Тэнга... В очередной раз прижав платок к лицу, чужак поклонился Уришу.

На лице короля как обычно отражались одновременно жадность, злоба и страх. Уришу было знакомо имя чужака; вдобавок, он полагал, что знает, чего хочет колдун из Пэн-Тэнга.

— Я слышал, ты погиб в Лормире, поблизости от

Края Света, — король усмехнулся, показав черные десны с остатками зубов.

— Меня не так-то просто убить, — отозвался Телеб К'аарна, отнимая платок от лица. Первые слова он произнес с запинкой, но к концу фразы его голос обрел силу. — Я спрятался под землю и тем самым сумел спастись.

— Что, залез в какую-нибудь нору? — ехидно поинтересовался Уриш.

— Я не собираюсь обсуждать секреты своего ремесла со всякими... — Чародей овладел собой, вздохнул и оглядел членов королевского совета. Больные, увечные, прекрасно знакомые с могуществом бедности и болезней, которое так ужасает тех, кто непривычен к подобным вещам. Само убожество защищает это отребье от чужаков...

Король Уриш то ли закашлялся, то ли засмеялся.

— К нам ты попал тоже благодаря своему ремеслу? — спросил он, не сводя с К'аарны налитых кровью глаз.

— Я добирался обычным путем — переплыл несколько морей и пересек Вилмир, — ответил чародей. — Мне рассказывали, что есть человек, которого вы ненавидите сильнее всех остальных...

— Ты прав, мы ненавидим всех, кто богаче нас. — Король хихикнул и снова закашлялся.

— А Элрика Мелнибонэйского особенно, верно?

— Верно, колдун. Еще до того как он разорил Имррир и к нему приклеилась кличка Убийца Родичей, этот пес побывал в Надсокоре под видом прокаженного из восточных земель за Карлааком. Он обманул меня и ограбил. Посягнул на святость моих сокровищ, на которые всем, кроме меня, запрещается даже смотреть!

— Кажется, он украл свиток с заклинаниями, — проговорил Телеб К'аарна. — На том свитке было заклинание, которым когда-то воспользовался принц Йиркун. Желая избавиться от Элрика, Йиркун убедил его в том, что это заклинание разбудит принцессу Киморил...

— Все так и было. Йиркун отдал свиток одному из моих подданных, а сам отправился в Имррир, чтобы сообщить обо всем Элрику. Элрик же переоделся, явился сюда и с помощью колдовства похитил свиток из моей сокровищницы...

— Некоторые, — заметил чародей, искоса поглядев на короля нищих, — утверждают, что винить во всем следует Йиркуна, который, мол, обманул и Элрика, и тебя. Насколько я помню, заклинание не разбудило Киморил, правильно?

— Ну и что? В Надсокоре свои законы... — Уриш показал К'аарне бурое от засохшей крови лезвие своего мясницкого ножа. — По этим законам всякого, кто осмелится хотя бы взглянуть на королевские сокровища, ожидает страшная смерть — от руки Пламенного Бога!

— Минуло столько лет, а ты так и не сподобился отомстить?

— Чтобы мщение свершилось, наш враг должен снова появиться в Надсокоре.

— Я ненавижу Элрика...

— Еще бы! — перебил со смешком Уриш. — Он изрядно погонял тебя по Молодым Королевствам, с легкостью разрушая все твои чары.

— Да, мне не везло, — признался К'аарна, — однако я до сих пор остаюсь одним из величайших колдунов Пэн-Тэнга.

— Ты повсюду хвалишься своим умением и постоянно требуешь помощи от Владык Хаоса. В один прекрасный день им это надоест, и они подыщут себе нового раба.

Члены королевского совета зашевелились, стали понемногу приближаться к трону. Зала наполнилась звуками — стук костылей, шарканье ног, приглушенные голоса... К'аарне почудилось вдруг, что даже черный дым, который поднимался к закопченному потолку, таит в себе угрозу. Король Уриш подпер рукой подбородок, а другую положил на рукоять ножа. За спиной чародея ядовито хихикнула какая-то женщина.

К'аарна поднес к лицу платок и замер, ожидая нападения.

— Ты и впрямь неплохой колдун, — произнес король. — Иначе бы ты сюда не добрался.

— Моя сила возрастает...

— Да ну?

— Моя сила...

— Я так понимаю, ты хочешь погубить Элрика и придумал, как поймать его в ловушку, — продолжал Уриш саркастическим тоном. — И рассчитываешь на нашу помощь, поскольку тебе известно, что мы ненавидим этого мелнибонэйского выродка.

— Ты согласен выслушать меня? — обеспокоенно справился К'аарна.

— Почему бы нет? — пожал плечами Уриш. — Давай выкладывай.

Чародей огляделся по сторонам. Хорошо бы, подумалось ему, вспомнить какое-нибудь заклинание, которое уничтожило бы вонь. Он тяжело вздохнул и начал говорить.

Глава 2

Кольцо

Молодой щеголь, сидевший у дальней стены, заказал еще вина и поглядел на притулившегося в углу Элрика. Потом повернулся к своим собутыльникам — судя по виду, аристократам из разных королевств и купцам — и что-то сказал.

С нетерпением ожидавший возвращения Хмурника принц знал, что говорят они о нем. Обычно он не обращал на такие вещи внимания, но сейчас чуть было не поддался искушению проучить наглецов.

В глубине души он жалел, что согласился заглянуть в Старый Хролмар.

Этот богатый город притягивал всех, кто был наделен хотя бы толикой воображения. Сюда стекались авантюристы, искатели приключений, наемники, ремесленники, купцы, художники и поэты. Правил Хролмаром герцог Эван Эстран — человек, немало повидавший, побродивший по свету и вернувшийся домой с состоянием в кармане и новыми знаниями в голове.

Но Хролмар славился не только своим богатством, но и своими сплетниками. Ведь если кто на свете и сплетничает больше купцов и моряков, то это художники и поэты. Разумеется, такую фигуру, как Элрик, молва обойти вниманием не могла; не слишком обремененные талантом поэты даже сложили про принца несколько баллад.

Элрик позволил Хмурнику привести себя в Хролмар по одной простой причине: Хмурник утверждал, что там они обязательно раздобудут денег. (Уже не впервые безоглядная щедрость Элрика привела к тому, что друзья остались ни с чем, а за коней и провизию надо было платить...)

Элрик предлагал оставить Хролмар в стороне и отправиться в Танелорн, однако Хмурник заметил, что для такого пути необходимы свежие лошади, да и запас еды пополнить не мешает — ведь впереди

долгая дорога по равнинам Вилмира и Илмиоры до границ Шепчущей Пустыни, в которой и находится загадочный Танелорн. В конце концов Элрик согласился с доводами приятеля, хотя события последних дней — встреча с Майшеллой и схватка с келменами — пробудили в его душе стремление как можно скорее оказаться в Танелорне — городе, сулящем покой.

В таверне, где они с Хмурником договорились встретиться, было, на взгляд Элрика, слишком уж светло и многолюдно. Он предпочел бы какую-нибудь дешевую забегаловку, где не задают вопросов и не особенно перемывают друг другу косточки. Но Хмурник заявил, что не желает останавливаться в третьеразрядном трактире.

Куда он, кстати, запропастился? Хмурник отправился добывать деньги — естественно, либо воровством, либо обманом. На это Элрику было плевать, его беспокоило только то, что Хмурник задерживается.

Принц вздохнул и поднес к губам стакан с вином. Потыкал вилкой мясо на тарелке, притворился, что не замечает молодого щеголя, накинул на плечи свой черный плащ — это подчеркнуло белизну его кожи и длинных волос. Оглядевшись по сторонам, он снова горько пожалел о том, что сидит в таверне, вместо того чтобы двигаться к Танелорну, жители которого сдержанны и немногословны.

— убил мать и отца — а еще любовника матери...

— говорят, он извращенец и предпочитает мертвецов...

— ... поэтому Владыки Вышних Миров наложили на него проклятие...

— если не ошибаюсь, кровосмешение? Мне рассказывал человек, который плавал с ним...

— его мать спозналась с самим Эриохом, отчего у нее и родился...

— ... как раз перед тем как он предал своих родичей и перекинулся к Смиоргану...

— вид у него и впрямь невеселый. С таким не пошутишь...

— Ха-ха-ха!

Элрик откинулся на спинку стула и вновь пригубил вино.

— говорят, что это самозванец. Настоящий Элрик погиб в Имррире...

— настоящий принц Мелнибонэ никогда не оделся бы в такие лохмотья...

— Ха-ха-ха!

Элрик поднялся, распахнул плащ, чтобы все увидели висевший у него на бедре Бурезов — жители Старого Хролмара в большинстве своем были наслышаны о черном клинке, — и приблизился к столу, за которым сидел молодой щеголь.

— Прошу прощения, господа. Не желаете ли позабавиться? Я могу подтвердить кое-что из того, о чем вы говорили. Например, склонность человека, которого вы обсуждали, к вампиризму. Или вам о том неизвестно?

Молодой щеголь откашлялся и дернул плечиком.

— Итак? — Элрик улыбнулся. — Могу я чем-нибудь помочь?

Люди за соседними столами пытались сделать вид, что целиком и полностью поглощены содержимым своих тарелок и стаканов.

— Что бы вы хотели услышать, господа? — осведомился Элрик с улыбкой, от которой молодого щеголя бросило в дрожь. — Не стесняйтесь, говорите, а потом я докажу, что перед вами именно тот, кого прозвали Убийцей Родичей.

Собутыльники молодчика один за другим встали из-за стола. Юноша мотнул головой в сторону двери.

Элрик загородил им дорогу и положил ладонь на рукоять меча.

— Составьте мне компанию, господа, прошу вас. Грешно упускать такую возможность. Потом будете рассказывать друзьям...

— Хам! — воскликнул молодой щеголь и тут же стушевался.

— Мы не имели в виду ничего плохого, — произнес один из его собутыльников.

— И вообще говорили про другого, — подхватил второй и несмело улыбнулся Элрику.

— Мы восхищались вами, — пробормотал третий, лицо которого не уступало бледностью лицу Элрика.

Толстый купец в таркешитском наряде облизнул губы и произнес, постаравшись придать голосу твердость:

— В Старом Хролмаре уважают законы. Благородные люди не затевают ссор...

— Верно, — согласился Элрик. — Они просто сплетничают между собой, точно простолюдинки.

— Да, — сказал юнец с щеточкой усов над верхней губой. — То есть нет...

Молодой щеголь запахнулся в плащ и с вызовом поглядел на Элрика.

Принц посторонился. Толстый купец осторожно переступил порог, а затем припустил во всю прыть. Остальные кинулись следом. Элрик расхохотался. Компания в мгновение ока добежала до угла и скрылась за поворотом.

Элрик вскинул голову и взглянул на усеявшие небо звезды. Послышались шаги. Принц обернулся и увидел три черные тени.

Первая тень оказалась Хмурником, который вернулся в таверну в сопровождении двух легко одетых и сильно накрашенных молодых женщин — вилмиранских шлюх, подобранных где-то по дороге. Обнимая девиц за талии, Хмурник распевал во все горло какую-то балладу, по всей видимости, малоприличного содержания и то и дело прерывал сам себя, чтобы в очередной раз приложиться к бутылке с вином. Шлюхи старались от него не отставать.

Приблизившись к таверне, Хмурник заметил Элрика и подмигнул приятелю.

— Видишь, Элрик, я про тебя не забыл! Одна твоя.

— Прими мою благодарность. — Элрик отвесил шутовской поклон. — Однако если мне не изменяет память, ты должен был раздобыть золото. Или я ошибаюсь?

— Ничуть! — Хмурник расцеловал сначала одну девицу, потом другую. Шлюхи засмеялись. — Ты прав, мой друг. Я разжился кое-чем, что не хуже золота. Спас этих дам от их жестокого хозяина и пообещал, что подыщу им нового.

— Иными словами, украл?

— Можно сказать и так. Лично мне кажется, что мой поступок заслуживает похвалы. Я проявил человечность, избавил их от оскорблений и унижений. Теперь они могут...

— А ты не подумал, что будет с нами, когда их хозяин обнаружит пропажу? Где ты подцепил этих девиц?

— Это они меня подцепили. Я нанялся в услужение к купцу, который только-только прибыл в город, и предложил за условленную плату — о

размере которой он, кстати, и не догадывался — провести его по веселым кварталам. Пока он развлекался в публичном доме, я выпил пару кружек и тут ко мне подвалили эти дамочки и поведали о своем горе. Ну, я решил им помочь...

— Герой! — саркастически заметил принц.

— Перестань, Элрик...

— Я помогу тебе отвести их обратно.

— Элрик...

— Но сначала, — принц схватил Хмурника за шиворот, подтащил к краю набережной и несколько раз макнул в воду.

— Ты что, забыл, что я легко простужаюсь? — спросил Хмурник, с укором поглядев на приятеля.

— Зато когда простужаешься, не так сильно пьешь. Пойми, нас тут едва терпят. Если хозяин девиц пожалуется стражникам, они с радостью ухватятся за этот предлог, чтобы разделаться с нами, и придется уносить ноги. Это в лучшем случае...

Друзья направились к таверне, у двери которой их дожидались шлюхи. Внезапно одна из девушек кинулась к Элрику, схватила за руку и опустилась перед ним на колени.

— Господин, я должна тебе передать...

Элрик нагнулся, желая ее поднять.

Девушка взвизгнула, ее подведенные глаза округлились от ужаса. Принц недоуменно воззрился на нее, потом обернулся и увидел на углу улицы и набережной несколько подозрительных личностей, которые подкрадывались к ним с Хмурником. Еще, как показалось Элрику, он заметил того самого молодого щеголя, которого недавно выгнал из таверны. Выходит, щеголь решил отомстить. Подозрительные личности скрывали лица под черными масками, в руках у них блестели кинжалы. Наемников было человек десять. Судя по всему, молодой щеголь не испытывал недостатка в средствах: подобные услуги в Старом Хролмаре задешево не оказывались.

Хмурник обнажил оба своих меча и уже схватился с вожаком. Элрик пихнул перепуганную девушку себе за спину и стиснул рукоять Бурезова. Рунический клинок буквально выпрыгнул из ножен. Заструилось черное сияние, послышалась диковинная песня без слов.

— Элрик! — воскликнул кто-то из наемников. Похоже, щеголь не уточнил, кого именно должны прикончить бандиты. Элрик усмехнулся и одним ударом отрубил ближайшему из нападавших сжимавшую меч руку. Человек с воем исчез во мраке.

Бурезов запел громче. То было нечто среднее между причитанием и боевым кличем. Алые глаза Элрика полыхали огнем.

Крики, проклятия, вопли женщин, стоны раненых, лязг металла, шарканье ног, булькающие звуки, с какими клинки погружались в плоть... Элрик сражался, стиснув Бурезов обеими руками. Хмурника он почти сразу потерял из виду; оставалось только молиться, чтобы элуэрец уцелел в стычке. Шлюхи, как ни странно, и не думали убегать — стояли, прижавшись к стене таверны.

Бандиты потеряли троих или четверых, остальные начали потихоньку отступать. Они знали, что за меч в руках у Элрика и что он делает с теми, кого поражает; видели лица своих товарищей, в одно мгновение лишившихся души. А сила Элрика все возрастала и черное сияние вокруг клинка становилось все ярче. Принц засмеялся.

Его смех разнесся над Старым Хролмаром, и те, кто не спал, заткнули уши, чтобы не слышать этого демонического хохота.

— Ну, что же вы? Мой меч еще не насытился!

Один из бандитов выставил свой кинжал, рассчитывая отразить удар. Элрик с размаха опустил клинок. Бурезов рассек кинжал надвое, расколол череп, прошел через грудину — короче, разрубил бандита пополам и, жадно урча, высосал из него остаток жизненной силы. Уцелевшие бросились бежать.

Элрик отвернулся, вложил меч в ножны и начал оглядываться в поисках Хмурника.

Неожиданно ему в шею вонзилось что-то острое. К горлу подкатила тошнота. Кто-то схватил его за руку и потянул за собой. Хмурник? Нет, кажется, какая-то женщина. Что ей нужно?

Колени Элрика подломились, и он рухнул на мостовую. Попытался позвать на помощь, но язык не слушался. Женщина по-прежнему тянула за руку, словно хотела увести в безопасное место. Но принц не мог даже пошевелиться. Все поплыло у него перед глазами...

Небо над хролмарскими шпилями стало розовым, и Элрик сообразил, что с тех пор как он сражался с бандитами, прошло несколько часов.

Над ним склонился Хмурник. Лицо приятеля выражало тревогу.

— Хмурник?

— Слава элуэрским богам! Я думал, ты умер от яда!

Элрик сел. В голове быстро прояснялось.

— На меня напали со спины. Кто...

— Знаешь, — Хмурник смущенно потупился, — мне кажется, что те две девчонки были вовсе не шлюхами.

Элрику вспомнилось, как его тянули за руку. Он пошевелил пальцами.

— Хмурник, у меня украли Акториос! Пропало Кольцо Королей!

Принц имел в виду перстень, доставшийся ему по наследству от многих поколений предков — символ могущества Мелнибонэ, источник колдовской силы.

— Воровки, — пробормотал Хмурник. — Они с самого начала замыслили нас ограбить.

— Пораскинь мозгами. Они украли только перстень. А кошелек, в котором было немного золота, не тронули.

Элрик встал, и тут Хмурник ткнул пальцем в сторону таверны, у стены которой лежала одна из девушек.

— Я припоминаю, что она подвернулась под горячую руку кому-то из бандитов. Похоже, пролежала здесь всю ночь. Ба, да она бормочет твое имя! Боюсь, ты прав, их подослали. Какой же я дурак!

Элрик подошел к девушке, опустился на колени и осторожно погладил ее по щеке. Она открыла глаза, уставилась на него затуманенным взором и прошептала:

— Элрик...

— Кто вас послал? — спросил принц. — Кто приказал ограбить меня?

— Уриш... — Голос девушки напоминал шелест листвы. — Он велел украсть кольцо... и доставить в Надсокор...

Хмурник, присевший на корточки рядом с Элриком, поднес к губам умирающей фляжку с вином. Она попыталась пригубить, но у нее ничего не вышло. Вино тоненькой струйкой сбежало по подбородку на грудь, в которой зияла рана...

— Ты из надсокорских нищих? — поинтересовался Хмурник.

Девушка едва заметно кивнула.

— Уриш — мой давний враг, — проговорил Элрик. — Однажды я похитил принадлежавший ему свиток с заклинаниями, и он затаил на меня злобу. Может быть, он приказал украсть кольцо, чтобы расквитаться со мной. — Принц вновь повернулся к девушке. — Твоя подружка вернулась в Надсокор?

Та снова кивнула, потом ее глаза подернулись поволокой, и она перестала дышать.

Элрик выпрямился и, хмуря брови, потер палец, на котором носил перстень.

— Теперь вы в расчете, — заметил Хмурник. — Оставишь кольцо ему?

Элрик покачал головой.

— Из Джадмара через неделю отправляется караван, — сообщил Хмурник, прочистив горло. — Ведет его Ракхир из Танелорна. Предлагаю сегодня же сесть на корабль, идущий в Джадмар, присоединиться к Ракхиру и в приятной компании отправиться в Танелорн. Нам повезло, что именно Ракхир...

— Забудь, — перебил Элрик. — В настоящее время меня интересует не Танелорн, а Кольцо Королей. Этот перстень достался мне от предков. Кроме того, он не раз выручал нас. Мы поскачем в Надсокор. Если не удастся перехватить воровку по пути, придется проникнуть в город.

— Не говори глупостей, Элрик! Уриш не упустит такой возможности...

— Его трудности. Я скачу в Надсокор.

Хмурник нагнулся и принялся снимать с мертвой девушки ее украшения.

— У нас на счету каждая монета, — объяснил он, — а ведь нам надо купить коней и припасы.

Глава 3

Гули

Издалека Надсокор казался на фоне заката вовсе не городом, а кладбищем, на котором, вдобавок, царил жуткий беспорядок. Полуразрушенные башни, покосившиеся дома, зияющие дырами стены...

Поднявшись на вершину холма, Элрик и Хмурник осадили быстрых шазарианских коней (на покупку которых ушли последние деньги). Витавшая над городом вонь ощущалась уже и на таком расстоянии. Путники поспешили зажать носы.

— Дождемся ночи, — сказал принц. — Мне не очень-то хочется появляться в Надсокоре при свете дня.

— Элрик, я не уверен, что доживу до ночи. Эта вонь меня прикончит.

Принц улыбнулся, пошарил в висевшей на поясе сумке, достал две таблетки и протянул одну приятелю. Хмурник с подозрением уставился на Элрика.

— Это что такое?

— Снадобье, которым я пользовался, когда судьба впервые привела меня в Надсокор. Оно полностью лишает человека обоняния — правда, и вкуса тоже...

— Знаешь, в мои планы не входило отведать яства Города Нищих, — с усмешкой заметил Хмурник, — поэтому ничего страшного. — Он проглотил таблетку, и Элрик последовал его примеру.

Вонь почти сразу стала слабее. А некоторое время спустя, разгрызая черствый хлеб, которым они питались на протяжении последних дней, Хмурник сообщил:

— Я ничего не чувствую. Твое снадобье действует.

Элрик кивнул и, нахмурившись, поглядел на город. Хмурник обнажил мечи и принялся точить лезвия оселком, который постоянно носил с собой, одновременно наблюдая за Элриком и стараясь, по-видимому, прочесть мысли приятеля.

— Лошадей придется оставить здесь, — сказал принц. — Нищие верхом не ездят.

— Ну и зря, — пробормотал Хмурник.

— Кроме того, надо будет переодеться.

— А оружие?

— Мы накинем сверху плащи, которые скроют наши мечи.

Хмурник нехотя поднялся, подошел к своему коню и достал из переметной сумы одежду для себя и Элрика.

Они облачились в грязные обноски и направились к Надсокору, как две капли воды похожие на тех нищих, что обитали в городе. Элрик сутулился и старательно прихрамывал, а Хмурник выставлял напоказ пустой рукав балахона — дескать, пожалейте несчастного калеку.

Воины проникли в город через одну из многочисленных дыр в стене. Когда-то в Надсокоре жили нормальные люди, но несколько столетий назад вспыхнула эпидемия, унесшая жизни большинства горожан. Те, кто уцелел, бежали прочь, а городом вскоре завладели нищие, которые, разумеется, ничуть не заботились о сохранности зданий и сооружений.

Перебравшись через кучу мусора, друзья очутились на темной улице и двинулись в сторону здания, в котором заседал когда-то городской совет и которое ныне занял под свой дворец король Уриш. Сновавшие по улицам огромные крысы провожали их голодными взглядами; тощие псы, рывшиеся в отбросах, испуганно шарахались в темноту. Какое-то время спустя Элрику с Хмурником пришлось остановиться и пропустить цепочку слепых, которые шагали, держась друг за друга правыми руками, а левыми сжимая палки. Из домов, мимо которых проходили воины, доносились смешки, вопли и ругательства — увечные бражничали с недоумками, извращенцы развлекались в теплых компаниях. Неожиданно раздался громкий крик, и на улицу выбежала молоденькая девушка, следом за которой выскочил толстяк, удивительно шустро передвигавшийся на костылях. Хмурник шагнул было вперед, но Элрик удержал его на месте. Толстяк отбросил костыли, догнал девушку и повалил ее на мостовую.

— Не вмешивайся, — прошептал принц. — В Надсокоре не принято быть благородным.

— Какой же ты циник, — проговорил Хмурник, со слезами на глазах глядя на приятеля.

— Уж какой есть... Не забывай, мы пробрались сюда для того, чтобы вернуть мое кольцо. Все остальное нас не касается.

— По-твоему, мы...

Элрик двинулся дальше. Помедлив, Хмурник последовал за принцем.

Они миновали городскую арену и очутились на дворцовой площади. Королевский дворец был единственным зданием, за которым, судя по всему, худо-бедно присматривали. Над сводчатым парадным входом виднелись грубые изображения — аллегории Нищеты и Воровства. На деревянной двери были вырезаны все без исключения монеты, имевшие хождение в Молодых Королевствах, а над дверью висели скрещенные костыли — символ того,

что главным оружием нищего является способность ужасать и вызывать отвращение у тех, кому выпала иная, лучшая доля.

Элрик нахмурился.

— Что-то я не вижу стражников.

— А с какой стати они тут должны быть? — удивился Хмурник. — Что им охранять?

— В прошлый раз дворец охраняли. Уриш денно и нощно печется о своих сокровищах, причем опасается не столько чужаков, сколько своих собственных подданных.

— Наверное, он решил, что бояться нечего.

— Король Уриш боится всего на свете, — усмехнулся Элрик. — Пожалуй, нам следует быть вдвойне осторожными, чтобы не угодить в ловушку. Держи свои мечи под рукой, друг Хмурник.

— Думаешь, Уриш догадался, что нам известно о его происках?

— Может быть. Во всяком случае, осторожность не помешает.

— Неужели его не пугает Черный Клинок?

— Не знаю.

Друзья пересекли площадь и остановились у двери под скрещенными костылями. Издалека донесся крик, затем раздался смех, сопровождаемый каким-то неприятным звуком.

Элрик положил ладонь на рукоять Бурезова и толкнул плечом дверь. Та со скрипом приоткрылась. Воины огляделись, проверяя, не появился ли кто на площади. Принц снова навалился на дверь. Заскрипев, та отворилась чуть шире.

Друзья протиснулись в щель и очутились в тускло освещенной тронной зале. К закопченному потолку поднимался от жаровен густой черный дым. В дальнем конце залы виднелся помост, на котором возвышался трон Уриша. Вроде бы в зале никого не было, однако пальцы Элрика сами собой стиснули рукоять меча.

Послышался шорох. Принц замер, но это оказалась всего лишь крыса.

Элрик направился к трону. Хмурник следовал за ним по пятам.

Может быть, подумалось принцу, все и впрямь обойдется? Еще немного — и он поднимет крышку королевского сундука, заберет свое кольцо, покинет до рассвета город нищих и присоединится к Алому Лучнику Ракхиру, что ведет караван в Танелорн.

Хмурник внезапно остановился и наклонил голову.

— Что-нибудь услышал? — спросил Элрик.

— Да вроде нет. Наверное, снова крыса. Я...

Из-за трона вырвалось ослепительно-белое сияние, и Элрик инстинктивно заслонил ладонью глаза, одновременно пытаясь вытащить из ножен меч. Хмурник вскрикнул и кинулся к двери. Принц повернулся спиной к трону и услышал, как стонет от ярости в ножнах Бурезов. Сил, чтобы извлечь клинок, не было... Послышался знакомый смешок, затем хихикнул кто-то еще...

Различив, кто его держит, принц вздрогнул от омерзения. Гули, вызванные колдовством исчадия преисподней! Твари ухмылялись, но взгляды их ничего не выражали. Элрик почувствовал, что окончательно ослабел; казалось, гули выпили из него всю силу.

Стиснув зубы, он заставил себя поднять голову и посмотреть на трон. Из-за спинки высокого кресла вынырнула дородная фигура Телеба К'аарны, зловредного чародея, погибшего, как считал принц, несколько месяцев назад под Канелуном!

Колдун взглянул на Элрика и злорадно усмехнулся. Рядом с ним появился король Уриш, сжимавший в руке свой мясницкий нож.

Элрик попытался было вырваться из холодных, как лед, пальцев гулей, но, убедившись, что ничего не выходит, успокоился и горько усмехнулся. Что ж, предположения насчет ловушки оправдались, однако догадываться о ней и все же соваться во дворец было сущим безумием...

А где Хмурник? Убежал?

Уриш плюхнулся на трон, положил нож на колени, скрестил на груди руки и уставился на Элрика. В глазах Телеба К'аарны, который остался стоять на месте, сверкало пламя, напомнившее принцу пожар в Имррире.

— Добро пожаловать в Надсокор! — произнес Уриш, почесывая промежность. — Я так полагаю, ты вернулся, чтобы извиниться?

Элрик поежился. Исходивший от гулей холод пробирал до костей. Похоже, он умирает...

— Я пришел забрать то, что принадлежит мне. Мое кольцо.

— А! Кольцо Королей, верно? Помню, помню, мне что-то о нем говорили.

— Ты приказал украсть его у меня.

— Не стану отрицать. — Уриш осклабился. — Однако я, признаться, не ожидал, что Белый Волк из Имррира так легко попадется в ловушку.

— Он ни за что бы в нее не попался, если бы тебе не помогал этот колдун-самоучка!

— Выходит, тебе не нравятся мои гули? — поинтересовался Телеб К'аарна, которого явно задели последние слова принца.

Элрик судорожно сглотнул. Тело покинули остатки тепла, и он безвольно повис на руках отвратительных созданий. Должно быть, чародей готовил западню не день и не два, ибо так просто гулей в человеческий мир не вызовешь...

— Я умираю, — пробормотал Элрик. — Ну и ладно, наплевать...

— Не радуйся раньше времени, Элрик Мелнибонэйский, — торжественно произнес Уриш. — Я еще не вынес приговор! Слушай! Ты обвиняешься в том, что нарушил законы Надсокора и посягнул на священную королевскую сокровищницу.

Элрик смутно различил шарканье ног. Похоже, в залу начали стекаться нищие. Где Хмурник? Удалось ли ему сбежать?

— Поднимите голову этого пса! — велел своим жутким прислужникам Телеб К'аарна. — Сейчас Уриш, король всех нищих, объявит свое решение!

Ледяные пальцы схватили Элрика за подбородок и дернули вверх. Уриш поднялся, стиснул в четырехпалой руке мясницкий нож и уставил его в потолок.

— Элрик Мелнибонэйский, ты совершил множество преступлений против Подлейшего из подлых — против меня, короля Уриша, правителя Надсокора. Ты оскорбил друга короля Уриша, отъявленного злодея Телеба К'аарну, — чародей поджал губы, но промолчал, — и, кроме того, вернулся в наш город с недобрыми намерениями. Именем этого ножа, символа моего достоинства и власти, я приговариваю тебя к смерти от руки Пламенного Бога!

Набившиеся в залу нищие зааплодировали. Элрик вспомнил надсокорскую легенду: когда в городе началась эпидемия, жители Надсокора обратились за помощью к Хаосу. Они умоляли избавить их от напасти — если понадобится, огнем. И Хаос сыграл с ними злую шутку — послал в Надсокор Пламенного Бога, который спалил город дотла.

Тогда горожане воззвали к Порядку. Лорд Донблас победил Пламенного Бога и заточил его в Надсокоре, а уцелевшие жители, решив, что хватит с них Владык Вышних Миров, поспешно бежали куда глядят глаза.

— Отведите его в лабиринт, — распорядился Уриш.

Телеб К'аарна что-то сказал королю — что именно, Элрик не расслышал, он различил только ответ Уриша:

— Меч? Ты думаешь, он устоит против Владыки Хаоса? И потом, кто знает, что может случиться, если мы попробуем вынуть из ножен Черный Клинок.

Телеб К'аарна мрачно кивнул, показывая, что согласен с Уришем, и громко произнес:

— Исчадия преисподней, отпустите пленника! Вы получили свою награду, а теперь убирайтесь!

Элрик рухнул на пол, но в следующую секунду его подхватили нищие.

Принц почувствовал, что его куда-то волокут, а перед тем как потерять сознание, услышал смех колдуна из Пэн-Тэнга и короля нищих.

Глава 4

Пламенный Бог

— До чего ж холодный, паразит! — воскликнул один из нищих.

Это было первое, что услышал Элрик, придя в себя. Терзавший тело лютый холод отступил — тащившие принца попрошайки, сами того не желая, поделились с ним своим теплом.

— Сюда.

Элрик заставил себя открыть глаза и обнаружил, что висит на руках нищих вниз головой. Впереди виднелся зев пещеры, на фоне которого мерцало нечто вроде шкуры диковинного животного из иного измерения.

Нищие раскачали Элрика и швырнули в сторону пещеры. Он врезался в мерцающую шкуру, которая мгновенно прильнула к его телу, словно собираясь проглотить. Принц попытался высвободиться, но ему не хватило сил.

Неожиданно он рухнул на пол пещеры и понял, что очутился в том самом лабиринте, о котором говорил Уриш.

— Боги, — пробормотал принц, — даже в снегах Лормира было теплее.

Дрожа с головы до ног, Элрик медленно поднялся и, опираясь на меч, подковылял к стене пещеры и прижался к ней спиной. Странно, от стены будто исходило тепло... Наверное, он просто-напросто слишком сильно замерз, поэтому даже камни сейчас кажутся ему теплыми...

Какая разница? Главное — можно согреться. Элрик прижался к стене всем телом.

Некоторое время спустя он ощутил, что к нему начали возвращаться силы, и облегченно вздохнул. Сделал еще один вдох, закашлялся и сообразил, что действие принятого перед тем как войти в Надсокор снадобья заканчивается. Вытер тыльной стороной ладони рот, сплюнул...

Элрик вернулся ко входу в пещеру, где попрежнему мерцала таинственная завеса. Приложил руку, затем надавил плечом. Завеса оказалась на удивление упругой — этакая переливчатая мембрана. Должно быть, вход в пещеру запечатали Владыки Порядка после того как заключили в ней своего врага, Принца Хаоса.

— Клянусь Эриохом, я еще покажу этому стервецу Уришу! — пробормотал Элрик, срывая с себя лохмотья, и положил ладонь на рукоять Бурезова. Клинок замурлыкал, точно кошка. Элрик обнажил меч, и тот завел свою песню, передавая хозяину силу. Принц зашипел, как от боли, поднял Бурезов над головой и широко размахнулся. — Я прорублю завесу и напущу Пламенного Бога на Надсокор! Давай, Бурезов! Да пожрет пламя этот гнусный город!

Клинок вонзился в мембрану, яростно взвыл — и застрял. Элрику пришлось приложить все силы, чтобы его извлечь.

— Если на пещеру наложено заклятие Порядка, — тяжело дыша, произнес принц, начиная размышлять вслух, — то мой клинок тут бессилен. Что ж, коли вернуться не получается, пойдем вперед. — Сжимая в руке меч, он повернулся и двинулся вдоль по коридору. Поворот, другой, третий; светящаяся мембрана исчезла из виду. Элрик протянул было руку к поясной сумке, в которой хранил трут и кресало, но обнаружил, что сумки нет — по всей вероятности, ее срезали нищие. Тогда он решил возвратиться ко входу, но понял, что не найдет в темноте дороги.

— Интересно, здесь только один выход? Может, если поискать, найдется и другой?

С этими словами принц направился дальше. Некоторое время спустя он заметил, что в пещере становится все жарче. Захотелось пить.

Коридор в очередной раз повернул — и Элрик увидел впереди свет.

— Что ж, Бурезов, похоже, нам повезло.

Он побежал. Вскоре выяснилось, что это вовсе не дневной свет и не переливчатая мембрана, а блики алого пламени, что падали на непривычно чистые, после надсокорской грязи, стены пещеры. На лбу Элрика выступил пот. Совсем недавно он умирал от холода, а теперь изнывал от жары.

— А-аа! — разнеслось вдруг под сводами пещеры. Элрик увидел прямо перед собой, ярдах в тридцати, громадный костер. — А-аа! Наконец-то!

Голос доносился из огня.

Элрик понял, что нашел Пламенного Бога.

— Я не ссорился с тобой, Владыка! — крикнул он. — Я, как и ты, служу Хаосу!

— Мне нужна жертва, — отозвался голос. — Чекалах должен получить жертву.

— Мною ты все равно голод не утолишь.— Элрик стиснул обеими руками меч и попятился.

— Что поделаешь, я привык к скудной пище. Сколько лет меня кормят одними попрошайками.

— Я не попрошайка!

— Ну и что? Ты жертва Чекалаха! — Пламя начало обретать форму, из него возникло человекоподобное существо, которое протянуло к Элрику огненные руки.

Элрик развернулся и бросился бежать. Пламенный Бог Чекалах последовал за ним.

Плечо обожгла боль, запахло паленым. Элрик побежал быстрее.

— Остановись, смертный! Тебе не уйти от Чекалаха!

— Разве я похож на жаркое для бога?! — крикнул Элрик на бегу, споткнулся и чуть не упал.

— Не кощунствуй, смертный! — взревел Чекалах. — Быть принесенным в жертву богу — великая честь.

Элрик начал уставать. Внезапно он остановился.

— Между нами, выглядишь ты не слишком внушительно для Владыки Хаоса.

— Я давно ничего не ел, — признался Чекалах. — Зато теперь я смогу утолить голод.

Элрик взмахнул клинком. Бурезов со стоном рассек Пламенному Богу правую скулу. Из раны вырвался огненный язык, менее яркий, чем пламя, из которого состояло тело Чекалаха; этот язык перепрыгнул на лезвие меча, и Элрик содрогнулся, ощутив в себе частичку силы Пламенного Бога.

Чекалах нахмурился и пристально поглядел на Элрика.

— Ты не обычный смертный.

— Перед тобой Элрик Мелнибонэйский, хозяин Черного Клинка! Я служу Хаосу и мой покровитель — принц Эриох, могуществу которого тебе остается лишь завидовать!

— Что поделаешь, Элрик, — едва ли не с грустью откликнулся Чекалах, — на свете много тех, кто могущественнее меня.

— Так почему бы нам не объединиться? — спросил принц, вытирая пот со лба. — Вдвоем мы наверняка сумеем выбраться из пещеры.

— Выход откроется только с моей смертью, — ответил Чекалах, покачав головой. — Таково заклятие, наложенное на меня лордом Донбласом. Даже если мы сумеем прорваться наружу, я сразу же погибну. Посему, сильнейший из смертных, мне придется покончить с тобой.

Элрик вновь побежал, не разбирая дороги, надеясь отыскать выход из пещеры. Он прекрасно понимал, что лишь отыскав его и одолев Пламенного Бога, выберется на волю.

Внезапно принц очутился в том самом коридоре, в который попал, пролетев через мембрану.

— Тебе не уйти! — рявкнул Чекалах.

— Знаю, — отозвался Элрик и поднял меч.

Принц начал испытывать к Пламенному Богу нечто вроде сочувствия. Бедняга, явился в ответ на призывы людей — и оказался в тюрьме, из которой нет выхода...

Одежда Элрика потихоньку тлела во многих местах, усталость мало-помалу брала свое, даже несмотря на то, что Бурезов подпитывал принца силой Чекалаха. Кожа пересохла и потрескалась, на ладонях вспухли волдыри. Еще чуть-чуть — и он выронит меч...

— Эриох! — прошептал Элрик. — Помоги мне одолеть твоего сородича!

Однако Эриох и не подумал откликнуться. Принц не особенно и рассчитывал: он давно усвоил, что Эриох постоянно занят какими-то важными делами, и ему не до людских забот.

Бурезов рассек Чекалаху руку, вонзился в плечо, и Элрик неожиданно ощутил резкий прилив сил. Но боль в обожженных руках стала просто нестерпимой, к тому же оказалось, что раскалился и сам клинок. Элрик попятился, уткнулся спиной в мерцающую мембрану, чувствуя, что у него дымятся волосы...

С Чекалахом, впрочем, творилось что-то непонятное. Пламя жгло слабее, на лице бога появилось странное выражение.

Боль заполонила все тело, стала единственным источником силы. Элрик медленно поднял меч и с размаха опустил его, целясь Чекалаху в голову.

Удар еще не достиг цели, когда пламя начало гаснуть. Вот Бурезов ударил — и Элрика захлестнул поток энергии, настолько мощный, что принц с трудом устоял на ногах. Он выронил меч, застонал, покатился по полу пещеры, потрясая над головой кулаками, словно взывая к некоему существу, способному облегчить его страдания. Ему чудилось, что вот-вот закипит кровь...

— Эриох! Спаси меня, Эриох! Помоги мне! — В Элрика хлынула жизненная сила бога, вместить которую обыкновенное человеческое тело просто не могло. — А-ааа! Эриох!..

Внезапно принц осознал, что видит над собой лицо с прекрасными чертами, а затем разглядел высокого — гораздо выше, чем он сам, — мужчину и сразу понял, что это — один из Владык Вышних Миров.

— Все кончено, — произнес звонкий, мелодичный голос.

Мужчина не пошевелился, однако Элрик вдруг ощутил чье-то прикосновение, и боль начала проходить.

— Столетия назад я, лорд Донблас, Творец Справедливости, пришел в Надсокор, чтобы освободить город из-под власти Хаоса, — продолжал голос. — Однако я опоздал. Зло как всегда породило новое зло; к тому же я не мог вмешиваться в дела смертных, ибо мы, Владыки Порядка, поклялись, что не станем определять судьбы людей. В итоге Космическое Равновесие оказалось нарушенным, оно сейчас напоминает маятник часов со сломанной пружиной, и в людском мире свирепствуют грозные силы. Ты, Элрик, служишь Хаосу, однако не раз и не два помогал Порядку. Говорят, судьба человечества в твоих руках; может быть, так оно и есть. Я помогу тебе — нарушив клятву...

Элрик закрыл глаза и впервые за долгое время ощутил несказанный покой.

Боль исчезла, однако в теле по-прежнему бушевала божественная сила. Открыв глаза, Элрик не увидел ни прекрасного лика, ни переливчатой мембраны. Рядом лежал Бурезов. Принц вскочил, схватил меч, вложил в ножны и только тут заметил, что на ладонях не осталось и следа от ожогов, а одежда в целости и сохранности.

Неужели ему все приснилось?

Элрик тряхнул головой. Какая разница? Главное — он свободен! Что ж, дело за малым — отомстить Уришу и Телебу К'аарне... Услышав шарканье ног, принц отступил в тень. Вскоре у входа в пещеру появилась знакомая фигура.

— Хмурник!

— Я пришел помочь тебе, — элуэрец облегченно усмехнулся и опустил меч, — но ты, как погляжу, справился сам.

— Не совсем. Ладно, обо мне поговорим потом, скажи лучше, куда ты подевался?

— Сообразив, что мы угодили в западню, я побежал к двери. Понимаешь, я рассудил так: нужен им в первую очередь ты, а кому-то из нас необходимо остаться на свободе. А дверь вдруг распахнулась... — Хмурник поморщился и стряхнул пыль со своих лохмотьев, в которых до сих пор щеголял. — Короче, я зарылся в одну из куч мусора в зале и стал ждать. Когда все соизволили удалиться, я вылез и пошел искать тебя.

— А где сейчас Уриш и колдун?

— По-моему, отправились на дело. Кстати говоря, Уриш тебя побаивается...

— И правильно делает!

— Ну так вот, они каким-то образом узнали про караван, что направляется в Танелорн. Уриш наслышан про Танелорн и, судя по всему, отчаянно его ненавидит — наверное, за то, что он представляет собой полную противоположность Надсокору.

— Они собираются напасть на караван Ракхира?

— Да, причем К'аарна хочет вызвать каких-то демонов, чтобы обеспечить Уришу победу. Ракхир,

насколько я понимаю, в колдовстве не силен?

— Он когда-то служил Хаосу, но теперь... Жители Танелорна не имеют сверхъестественных покровителей.

— Я так и понял.

— Когда они думают напасть?

— Должно быть, скоро, поскольку уехали сразу же после того как кинули тебя в пещеру. Уришу явно не терпелось.

— Вряд ли нищие посмеют напасть на караван в открытую...

— Не забывай, у них в союзниках колдун.

— Верно. — Элрик нахмурился. — Что касается меня, без Кольца Королей я как маг ни на что не гожусь. Оно передавалось в нашем роду по наследству и именно благодаря ему мы заключили столько союзов с элементалами. Сначала добудем кольцо, а затем поспешим на помощь Ракхиру.

— Кажется, Уриш оставил кого-то сторожить свою сокровищницу, — заметил Хмурник.

— Во-первых, мы готовы к схватке, а во-вторых, — Элрик улыбнулся, — во мне сила Пламенного Бога, так что против нас не устоит и целая армия.

— Тогда пошли! — воскликнул повеселевший Хмурник. — Этот коридор выведет нас к двери возле трона.

У двери, о которой упоминал Хмурник, принц обнажил меч, затем пинком распахнул дверь. Преодолев приблизительно половину расстояния от стены до трона, он остановился. В зале было пусто — никаких стражников с мечами, однако на троне Уриша восседала чешуйчатая черно-желто-зеленая тварь. Пустив из пасти слюну, тварь приветственно помахала лапой.

— Берегитесь! — прошипела она. — Я сторожу сокровища Уриша.

— Исчадие преисподней, — сказал Элрик. — Демон, вызванный Телебом К'аарной. Что ж, этот колдун, похоже, многому научился. — Принц нахмурился и сжал рукоять Бурезова. Как ни странно, клинок молчал.

— Берегитесь! — повторил демон. — Мечом меня не убить, даже этим.

— О чем он толкует? — поинтересовался Хмурник.

— Он из той разновидности демонов, которая подчиняется колдунам. Демон-страж, который никогда не нападает первым, практически неуязвимый для человеческого оружия. Вдобавок, судя по его словам, ему не может причинить вреда ни один меч — ни обыкновенный, ни волшебный. Если мы нападем на него, на нас обрушатся все силы преисподней.

— Ты же только что убил бога! Разве бог не сильнее демона?

— Смотря какой бог, — отозвался Элрик. — Тот был слаб, а этот демон силен, ибо олицетворяет собой всех своих сородичей, которые, в случае чего, немедленно явятся ему на помощь.

— Значит, нам его не одолеть?

— Если мы хотим помочь Ракхиру, не стоит и пытаться. Нужно найти лошадей. С ним мы разберемся потом, когда спасем караван. — Элрик отвесил демону шутовской поклон. — Прощай, образина. Сидеть тебе в этой грязи до конца света!

— Мой хозяин, Телеб К'аарна, один из величайших колдунов среди людей! — прошипел демон. — Он скоро вернется.

— Ничего подобного, — покачал головой Элрик. — Я убью его, а затем подумаю, как поступить с тобой.

Демон не снизошел до ответа — скрестил на груди многочисленные лапы и закрыл глаза.

Элрик и Хмурник направились к выходу из залы.

Очутившись на дворцовой площади, они вдруг почувствовали, что их вот-вот вывернет наизнанку, — снадобье, которое отбивало обоняние, прекратило действовать окончательно. Хмурник сплюнул на мостовую, огляделся — и вдруг выхватил свои мечи.

— Элрик!

К ним, размахивая дубинками, топорами и ножами, приближались человек десять или двенадцать нищих.

— Утоли голод, Бурезов! — рассмеялся Элрик, извлекая из ножен рунический клинок. Тот застонал. Двое нищих бросились бежать, однако остальные и не подумали отступить.

Элрик взмахнул мечом. Бурезов снес голову первому из нападавших, а затем, прежде чем из обезглавленного тела успела хлынуть кровь, вонзился в плечо второму.

Хмурник схватился сразу с двумя нищими. Элрик тем временем прикончил третьего противника, лицо которого перед смертью исказила гримаса страдания.

Бурезов запел громче прежнего. Трое нищих побросали оружие и кинулись прочь, Хмурник поразил одновременно обоих нападавших, Элрик же в считанные секунды расправился с теми, кто, вместо того чтобы убежать, решил взмолиться о пощаде.

Принц вложил меч в ножны, вытер губы, как человек, который только что плотно закусил — Хмурник невольно вздрогнул, — и хлопнул приятеля по плечу.

— Вперед, на помощь Ракхиру!

Хмурнику подумалось, что к Элрику перешла не только жизненная сила Пламенного Бога, но и жестокость, свойственная Владыкам Хаоса.

Сейчас Элрик вел себя как истинный уроженец Мелнибонэ.

Глава 5

Эленоя

Нищие настолько обрадовались, пленив Элрика и бросив его в пещеру Пламенного Бога, что и не подумали найти и забрать коней, на которых принц и Хмурник добрались до Надсокора.

Друзья отыскали животных на том же холме, на котором оставили их накануне вечером. Шазарианцы спокойно щипали траву, словно хозяева отсутствовали всего несколько минут.

Вскочив в седло, Элрик пустил коня вскачь на северо-восток. Хмурник поскакал следом за приятелем.

Вскоре после полудня они нагнали караван. Запряженные лошадьми фургоны сбились в небольшом распадке между холмами, а со всех сторон распадок окружили оборванцы короля Уриша.

Поднявшись на вершину одного из холмов, Элрик и Хмурник спешились и принялись осматриваться.

Уриша и Телеба К'аарну, находившихся на вершине холма напротив, принц заметил не сразу. Судя по тому, что колдун вовсю размахивал руками, он, как и обещал королю, призывал демонов.

В распадке мелькнуло что-то красное — должно быть, алый наряд Ракхира. Приглядевшись, Элрик

узнал кое-кого из спутников Алого Лучника — светловолосого гиганта Брута, уроженца Пэн-Тэнга Каркана, облаченного в клетчатый плащ вроде тех, какие носят варвары Южной Илмиоры. Сам Ракхир был земляком Хмурника и являлся когда-то воином-жрецом, однако, подобно своим товарищам, отринул богов ради Танелорна, в который, по слухам, нет доступа даже Владыкам Вышних Миров, — Вечного Танелорна, что существует с незапамятных времен и переживет человечество.

Ракхир, естественно, не догадывался о планах Телеба К'аарны, а потому ничуть, похоже, не тревожился за исход стычки с нищими — вооруженными, кстати, ничуть не лучше, чем та шайка, которую Элрик с Хмурником разогнали на дворцовой площади Надсокора.

— Как нам добраться до Ракхира? — проговорил Хмурник.

Элрик не ответил. Он не спускал глаз с Телеба К'аарны, надеясь угадать по жестам колдуна, какого рода заклинание тот произносит.

А мгновение спустя принц пришпорил коня и пустил его галопом вниз. Хмурник, которого, как и нищих, действия Элрика застали врасплох, быстро оправился от неожиданности и поскакал следом, яростно размахивая мечом.

Бурезов, от которого вновь исходило черное сияние, проложил кровавую тропу, по которой и поехал Хмурник. Его лошадь, забрызганная кровью чуть ли не по грудь, было заупрямилась, не желая идти дальше, но элуэрец, опасаясь, что нищие вот-вот опомнятся, укротил животное и послал вперед.

Навстречу воинам поспешил сам Ракхир Алый Лучник. Красный костюм, красный лук, красный колчан с красными стрелами, на голове шапочка с красным пером. Когда-то, еще до падения Имррира, Ракхир сражался плечом к плечу с Элриком; вместе они отыскали Танелорн, в котором Алый Лучник решил остаться, а принц вернулся на Мелнибонэ, чтобы отомстить своему кузену Йиркуну... Не видевший Ракхира с тех самых пор, Элрик позавидовал безмятежности во взгляде старого приятеля. Некогда Ракхир служил Хаосу, однако ныне всеми его помыслами владел только Танелорн.

— Элрик! — Чувствовалось, что Ракхир искренне рад встрече. — Ты прискакал, чтобы помочь нам проучить Уриша? И Хмурник с тобой! Сколько воды утекло...

— Да уж, — с ухмылкой согласился Хмурник.

— Сейчас не время предаваться воспоминаниям. — Элрик спрыгнул на землю. — Ракхир, тебе угрожает серьезная опасность.

— Опасность? Ты имеешь в виду этих голодранцев из Надсокора? Да мы разделаемся с ними в два счета.

— Их сопровождает колдун, Телеб К'аарна. Вон он, на том холме.

— Колдун... — Ракхир нахмурился. — Такого я, признаться, не ожидал. Ты не знаешь, насколько он сведущ в магии?

— Это один из наиболее могущественных колдунов Пэн-Тэнга.

— А если вспомнить, что колдуны Пэн-Тэнга мало чем уступают мелнибонэйцам... Понятно.

— Что касается меня, сейчас мне вряд ли по силам с ним тягаться, ибо мое кольцо с Акториосом в руках Уриша.

Ракхир пристально поглядел на Элрика и, судя по всему, прочел в глазах принца нечто такое, что заставило его призадуматься.

— Ладно, — произнес он наконец, — постараемся отбиться.

— Прикажи выпрячь лошадей. Тогда мы все успеем ускакать до того как Телеб К'аарна вызовет своих демонов.

Ракхир покачал головой.

— Не пойдет. Мы везем то, что необходимо Танелорну.

— Смотрите, — проговорил Хмурник.

Над холмом, на вершине которого стоял Телеб К'аарна, повисло алое облако, похожее на кровавое пятно на снегу.

— Вот гад! — пробормотал Ракхир и повернулся к только что подскакавшему Бруту. — По коням! Это единственное наше преимущество, которым обязательно надо воспользоваться.

Погонщики принялись выпрягать лошадей и проверять оружие.

Между тем в алом облаке над холмом стали проступать некие смутные очертания. Элрик напряг зрение, но различить их на таком расстоянии не сумел. Он вскочил в седло. Люди Ракхира разбились на несколько отрядов, во главе одного из которых оказались принц и Хмурник.

С холма донесся голос Уриша:

— Вперед, нищие! Вперед!

Королевская армия двинулась вниз по склонам распадка. Ракхир поднял меч. То был сигнал, по которому навстречу нищим устремился первый отряд. Что касается самого Ракхира, он вложил меч в ножны, взял лук и принялся посылать в нищих стрелу за стрелой.

Противники сошлись. Боевые кличи, истошные вопли, стоны раненых... Элрик разглядел в гуще схватки клетчатый плащ Каркана, потом заметил Брута, что возвышался надо всеми подобно утесу, о который разбиваются волны.

— Им не устоять против воинов Танелорна, — сказал Хмурник, имея в виду армию нищих.

— К Уришу спешит подмога. — Элрик показал на холм.

— Женщины! — изумленно воскликнул Хмурник.

— Нет, не женщины и вообще не люди, — отозвался принц, обнажая Бурезов. — Это эленои, обитатели Восьмой Плоскости.

— Ты их знаешь?

— С ними когда-то сражались мои предки.

С вершины холма, на котором находился Телеб К'аарна, донесся диковинный звук. Исходил он, впрочем, не от чародея, а от тех существ, которых Хмурник принял за женщин. Правда, обознался наверняка не только элуэрец, ибо эленои выглядели точь-в-точь как настоящие женщины: рыжие волосы ниспадали чуть ли не до колен, прикрывая наготу. Эленои медленно спускались по склону, размахивая весьма внушительными на вид мечами.

— Да, в уме колдуну не откажешь, — пробормотал Элрик. — Воины наверняка растеряются, увидев женщин, а эленои не преминут воспользоваться их замешательством.

— Не верьте своим глазам, ребята! — крикнул Ракхир, который тоже заметил эленои. — Это демоны! — Затем развернул коня, подскакал к принцу и спросил:

— Что мы можем сделать?

— Ничего, — вздохнул Элрик. — Против эленои смертные бессильны.

— А как насчет магии?

— Будь у меня Кольцо Королей, я мог бы призвать гралуков, заклятых врагов эленои, благо

Телеб К'аарна открыл ворота из Восьмой Плоскости в наш мир...

— А без кольца никак?

— Чтобы придать заклинанию силу, понадобится мой меч, однако мне кажется, что сегодня ему найдется иное применение.

Ракхир мрачно кивнул и поехал отдавать приказы своим воинам — точнее, сообщить им, что они обречены.

Воины Танелорна выстроились у фургонов. На лицах читались страх и отчаяние, а лицо Элрика, который тоже занял место в строю, выражало угрюмую решимость. Сидя в седле, принц наблюдал за демонами, которые неумолимо приближались. Огромные, налитые кровью глаза, длинные и острые, отливающие металлическим блеском клыки...

Эленои пели песню, от которой звенело в ушах, а желудок грозило вывернуть наизнанку. Каркан не выдержал — выкрикнул что-то нечленораздельное и направил коня на врагов.

— Прочь, демоны! Прочь, исчадия преисподней!

— А-ааа! — выдохнули эленои. — И-иии! — раскатился над распадком пронзительный визг.

В мгновение ока они прикончили Каркана вместе с конем — изрубили на мелкие кусочки, которые затем принялись со смехом поглощать. Воины Танелорна застонали от ужаса и вдруг, движимые отчаянием и ненавистью, кинулись на эленои, которые продолжали смеяться и размахивать мечами.

Бурезов заворчал, словно услышав шум сражения, однако Элрик не пошевелился. Он знал, что судьба Каркана ожидает всех до единого воинов Танелорна.

— Сделай хоть что-нибудь, друг Элрик! — умоляюще воскликнул Хмурник.

— Я бы с радостью! Но призвать гралуков у меня не получится...

— А ты попробуй ради Танелорна!

Принц покачал головой, стиснул зубы... В следующий миг он устремился на эленои, потрясая Бурезовом и выкрикивая имя своего покровителя:

— Эриох! Эриох! Пожинай свою жатву, Эриох!

Отразив удар первого из демонов, Элрик атаковал сам. Демон парировал, тогда Элрик с размаху рубанул по рыжим волосам, а когда эленои попятился, хотел было поразить в грудь, но не достал. Потом снова пришлось отбиваться. Элрик был вынужден спешиться. Стиснув Бурезов обеими руками, он примерился и вонзил клинок в живот противнику. Из раны хлынула ядовито-зеленая жидкость, демон издал яростный вопль и рухнул наземь. Принц отрубил ему голову, которую затем подхватил и побежал к нищим, наблюдавшим за сражением со склона холма. Оборванцы кинулись врассыпную, но одного Элрик все-таки настиг. Нищий упал, попытался уползти, но не успел. Принц вскинул тело на плечо и побежал обратно к фургонам. Тем временем воины Ракхира продолжали сопротивляться эленои; многие из них уже погибли, однако — верилось в это с трудом — прихватили с собой на тот свет нескольких демонов.

Хмурник орудовал сразу двумя мечами, Ракхир, по-прежнему сидя в седле, отдавал приказы, Брут сражался в передних рядах. Защитники каравана отчаянно нуждались в помощи, но у Элрика были другие заботы. Он свалил свою ношу рядом с одним из фургонов, разрубил надвое труп нищего и смочил его кровью волосы эленои. После чего выпрямился, повернулся на запад, сжимая в одной руке окровавленную голову, а в другой Бурезов, и начал произносить заклинание на древнем языке Мелнибонэ.

Ему вспомнилась фраза из отцовской книги: «Чтобы вызвать гралуков, заклятых врагов эленои, надо встать лицом на запад и взять в руки голову эленои, чьи волосы смочены в крови врага...»

Элрик чувствовал, как покидает его тело жизненная сила Пламенного Бога. Возможно, он расходовал ее попусту — ведь Кольца Королей нет, поэтому заклинание может и не подействовать.

Это заклинание было проще многих других, которые ему доводилось творить, однако отняло у Элрика почти все силы.

— Гралуки! Призываю вас, гралуки! Отомстите своим врагам!

Молва утверждала, что в незапамятные времена эленои изгнали гралуков из Восьмой Плоскости, и с тех пор гралуки пользуются любой возможностью отомстить.

Воздух вокруг задрожал и потемнел, затем сделался зеленым и наконец черным.

— Гралуки! Уничтожьте эленои! — Элрик ощущал, что слабеет буквально с каждой секундой. — Ворота открыты!

Земля под ногами содрогнулась, резкий порыв ветра растрепал волосы на голове эленои, воздух стал фиолетовым. Элрик упал на колени.

— Гралуки...

Шорох... Фырканье... Запах, который невозможно описать словами...

Гралуки откликнулись на призыв. Вырвавшись из лилового тумана, они вопросительно уставились на Элрика. Принц показал туда, где сражались с демонами уцелевшие воины Танелорна.

Обезьяноподобные существа, вооруженные сетями, веревками и щитами, двинулись на эленои, своих былых сородичей (предания утверждали, что гралуки и эленои принадлежат к одному виду демонов).

Завидев гралуков, эленои попятились.

Элрик заставил себя встать.

— Ракхир! — прошептал он. — Отзови воинов. Гралуки справятся сами.

— Назад! — рявкнул Ракхир, в одежде которого зияли многочисленные прорехи, а на теле виднелось сразу несколько ран. — Спасибо, Элрик, ты нас спас.

Подставляя под мечи эленои свои щиты, гралуки опутывали противников веревками, накидывали на них сети... Враги стоили друг друга, они словно состязались в жестокости.

Покончив с последним эленои, гралуки поступили совершенно неожиданно — бросились каждый грудью на свой меч.

— Почему они убивают себя? — спросил Ракхир.

— Гралуки добились своего, уничтожили эленои, и жить им стало незачем, — объяснил Элрик. Принц покачнулся и чуть было не упал, но Ракхир и Хмурник вовремя его подхватили.

— Смотри! Нищие убегают!

— Телеб К'аарна! — выдавил Элрик. — Поймайте Телеба К'аарну...

— Он уже наверняка в Надсокоре вместе с Уришем, — сказал Хмурник.

— Я должен вернуть Колвцо Королей...

— Зачем оно тебе? Ты ведь способен колдовать и без него, — проговорил Ракхир.

— Неужели? — Элрик пристально поглядел на Ракхира. Тот кивнул и поспешил отвести взгляд.

— Мы поможем тебе добыть кольцо. Поскачем все вместе в Надсокор.

— Я с радостью принимаю твое предложение. — Элрик с немалым трудом взобрался в седло, натянул поводья и повернул коня в сторону города нищих. — Быть может, твои стрелы прикончат того, кто неуязвим для моего меча...

— Не понимаю, — признался Ракхир.

— Объясним по дороге, — пообещал Хмурник.

Глава 6

Шутки демона

Воины Танелорна въехали в Надсокор.

Возглавляли отряд Элрик, Хмурник и Ракхир. Они ехали, не оглядываясь по сторонам, будто знали наверняка, что засады можно не опасаться. Впрочем, так оно и было: те немногие нищие, что попадались навстречу, поспешно прятались в развалинах.

Элрик сидел прямо — Ракхир напоил его снадобьем, которое отчасти вернуло принцу силы. Отряд пересек площадь и очутился перед дворцом короля Уриша. Элрик и не подумал остановить коня и направил животное прямиком в тронную залу.

— Телеб К'аарна! — Голос Элрика эхом отразился от стен.

Чародей не откликнулся.

— Телеб К'аарна!

Тишина.

Порыв ветра из распахнутой настежь двери раздул пламя в жаровнях, и стала видна распростертая у подножия трона фигура.

Элрик подъехал поближе.

На троне по-прежнему восседал жирный демон. Скрестив на груди лапы и прикрыв глаза, он делал вид, что не обращает внимания на мольбы припавшего к его стопам человека.

В зале появились Ракхир с Хмурником и другие воины.

Коленопреклоненный человек повернул голову. Им оказался король Уриш. Увидев Элрика, он судорожно сглотнул и потянулся за мясницким ножом, что лежал рядом на полу.

— Не бойся, Уриш. — Элрик вздохнул. — Я устал от крови и твоя жизнь мне ни к чему.

Демон открыл глаза.

— С возвращением, принц Элрик, — сказал он.

— Благодарю, — откликнулся Элрик, подумав, что в прошлый раз демон выражался несколько иначе. — Где твой хозяин?

— Боюсь, он навсегда покинул Надсокор.

— А тебя оставил здесь?

Демон утвердительно кивнул.

Король Уриш схватил Элрика за ногу.

— Помоги мне, принц Элрик! Я должен получить свои сокровища. Убей демона, и я верну тебе Кольцо Королей.

— Твоя щедрость не знает границ, — усмехнулся Элрик.

— Пожалуйста! — По щекам Уриша заструились слезы. — Молю тебя...

— Демона я собирался прикончить и сам, однако...

— Что? — спросил Уриш, тревожно оглядываясь на людей Ракхира.

— Однако тебе придется ответить перед воинами Танелорна, на караван которых ты напал и друзей которых предал мучительной смерти.

— Это не я! Это все Телеб К'аарна!

— А где сейчас Телеб К'аарна?

— Когда ты напустил на эленои своих демонов, он бежал. По-моему, к реке Валкарк, в направлении Троуса.

— Ракхир! — позвал Элрик через плечо. — Твой черед.

Тренькнула тетива, стрела вонзилась демону точно в грудь. Демон с интересом поглядел на нее, сделал глубокий вдох — и стрела медленно погрузилась в его тело.

— А-аа! — завопил Уриш. — Ничего не выходит!

Ракхир выстрелил снова, но и вторую, и третью стрелу постигла участь первой.

Уриш схватил-таки свой нож.

— Мечи против него бессильны, — предупредил Элрик.

— А это меч или не меч? — полюбопытствовал демон.

Уриш пробормотал что-то неразборчивое. По подбородку короля текла слюна, глаза налились кровью.

— Изыди! Сокровища мои! Изыди, гнусное создание!

Демон усмехнулся.

Уриш бросился на чешуйчатую тварь и нанес ей удар ножом по голове. Раздался звук наподобие того, который слышится, когда металл ударяется о металл, и нож разлетелся на мелкие кусочки. Уриш оторопело воззрился на демона. Тот вытянул сразу четыре лапы, схватил короля, широко разинул пасть; брюхо чудовища мгновенно увеличилось в объеме чуть ли не вдвое, а в следующий миг Уриш исчез в пасти демона, дрыгнув напоследок ногами.

— Выходит, для ножей ты тоже неуязвим, — заметил Элрик, пожимая плечами.

— Верно, милый Элрик, — улыбнулся демон.

До чего же знакомый тон! Элрик, прищурясь, поглядел на гнусное существо.

— Ты не обычный демон...

— Разумеется, о лучший из смертных.

На глазах у людей демон начал менять обличье. Конь под Элриком встал на дыбы. Над троном заклубился черный дым, а затем из него возникла другая фигура — человеческая, неописуемо прекрасная, с лицом, исполненным неземной красоты.

— Эриох! — воскликнул принц, склоняя голову перед Владыкой Хаоса.

— Приветствую тебя, Элрик. Когда ты покинул эту залу, я принял обличье демона...

— Но ведь ты отказался помогать мне!

— Я тебе сказал, происходят весьма важные события. Скоро Порядок и Хаос сойдутся в битве и личности вроде Донбласа навсегда отправятся в преисподнюю.

— Ты знаешь, что Донблас явился мне в лабиринте Пламенного Бога?

— Конечно, знаю. Именно поэтому я выкроил время, чтобы навестить ваше измерение. Не могу допустить, чтобы твоими покровителями стали Творец Справедливости и его вечно кислые соратники. Я обиделся, Элрик, и решил показать тебе, что Хаос гораздо могущественнее Порядка. — Эриох взглянул на Ракхира с Хмурником и прочих воинов. — Быть может, эти упрямцы из Танелорна наконец-то осознают, как выгодно служить Хаосу.

— Лично я, — угрюмо заявил Ракхир, — не служу ни Порядку, ни Хаосу.

— Однажды ты узнаешь, что нейтралитет гораздо опаснее пристрастий. — В насмешливом тоне демона явственно прозвучала угроза.

— Ты бессилен причинить мне вред, — сказал Ракхир. — И даже Элрик, если вернется вместе с нами в Танелорн, наверняка избавится от твоего ярма.

— Элрик родом с Мелнибонэ, где Хаосу служат все без исключения и ничуть о том не жалеют. Подумай, разве смогли бы вы без моей помощи разделаться с демоном Телеба К'аарны?

— В Танелорне, — проговорил Ракхир, — Элрику не понадобится никакое Кольцо Королей.

Послышалось нечто вроде плеска воды, затем прогремел раскат грома, демон начал увеличиваться в размерах — и вдруг исчез, словно его и не было.

Элрик спешился, подбежал к трону, вытащил сундук с королевскими сокровищами, подцепил мечом крышку. Бурезов недовольно заворчал. По полу покатились драгоценности, золотые монеты и украшения.

Отыскав свое кольцо, Элрик тут же надел его на палец и довольно улыбнулся. Тем временем Хмурник подобрал с пола несколько особенно крупных самоцветов и подмигнул Ракхиру, который улыбнулся в ответ.

— А теперь, — заявил Элрик, — я отправлюсь в Троус на поиски Телеба К'аарны. Я должен ему отомстить.

— Да пропади он пропадом! — воскликнул Хмурник.

— Телеб К'аарна отыщет тебя сам, — сказал Ракхир, кладя руку на плечо принца. — Стоит ли попусту тратить время?

— Ты всегда умел найти убедительный довод, — улыбнулся Элрик. — Признаться, я изрядно устал. Что значит сражаться то с богами, то с демонами...

— Отдохни в Танелорне, куда не могут войти без разрешения даже Владыки Вышних Миров.

— Я поклялся убить Телеба К'аарну... — Элрик посмотрел на свое кольцо.

— Он никуда не денется.

— Ладно. — Принц провел рукой по волосам. Друзьям показалось, что ему на глаза вдруг навернулись слезы. — Уговорили.

Они покинули Надсокор, жители которого, погрязшие в мерзости и пороке, должно быть, жалели, что осмелились напасть на Элрика Мелнибонэйского.

Их путь лежал в Танелорн, Вечный Танелорн, где обретали приют и находили покой все мятущиеся души. Все, кроме одной...

Изнемогая под бременем вины, печали и отчаяния, Элрик Мелнибонэйский молил богов, чтобы на сей раз Танелорн смог исцелить и его.

ЧАСТЬ III

ТРОЕ В ОДНОМ

Глава 1

Вечный Танелорн

За столетия своего существования Танелорн выглядел по-разному, однако неизменно оставался прекрасен.

Солнечные лучи падали на серебристые башни, на зубчатые стены, купола и крыши домов. Над шпилями реяли знамена — обыкновенные, не боевые, ибо те воины, что приходили в Танелорн, искали не битв, а покоя.

Никто не знал, когда Танелорн построен; впрочем, кое-кому было известно, что город существовал на заре мироздания и будет существовать и после конца света — вот почему его называют Вечным Танелорном.

С Танелорном были связаны судьбы многих героев и богов, а Владыки Хаоса ненавидели город за то, что он существует вне времени, и неоднократно пытались разрушить его. К северу находились равнины Илмиоры, королевства, в котором восторжествовала справедливость; к югу лежала Шепчущая Пустыня, бескрайние пространства песка, над которыми беспрерывно задувает ветер. Илмиора представляла Порядок, а Шепчущая Пустыня, естественно, являлась образом Хаоса. Те, кто в ней обитал, не служили ни Порядку, ни Хаосу, то есть не участвовали в Космическом Противостоянии, которое постоянно провоцировали Владыки Вышних Миров. В Танелорне не было ни предводителей, ни бессловесных овец, горожане, многие из которых были в прошлом знаменитыми воинами, уважали друг друга. Что касается Ракхира, он пользовался едва ли не наибольшим уважением, и с ним часто советовались.

У низкой западной стены города притулился двухэтажный домик, на лужайке перед которым росло множество цветов. Сложенный из розового и желтого мрамора, этот дом отличался от большинства тем, что имел островерхую крышу. Принадлежал он Ракхиру. Хозяин, сидя на деревянной скамье, наблюдал за расхаживавшим по лужайке гостем, своим старинным приятелем Элриком Мелнибонэйским.

Наряд принца составляли простая белая рубашка и черные шелковые брюки; молочно-белые волосы перехватывала над лбом черная лента. Меряя шагами лужайку, Элрик не поднимал на Ракхира глаз.

Алому Лучнику не хотелось донимать Элрика вопросами, однако еще сильнее ему не нравилось нынешнее состояние принца. Он надеялся, что Танелорн подарит Элрику покой, прогонит одолевавших друга призраков прошлого, однако этого не произошло: Элрик не сумел найти покоя даже в Танелорне.

— Друг мой, ты провел в Танелорне целый месяц и все никак не успокоишься, — проговорил Ракхир, нарушив молчание.

— Увы, — согласился Элрик с печальной улыбкой. — Прости, Ракхир, гость из меня не слишком учтивый.

— Что тебя тревожит?

— Да так, ничего особенного. Просто мне, похоже, не суждено обрести покой. Мою печаль разгоняет только хорошая драка. Понимаешь, Ракхир, Танелорн не для меня.

— По-моему, любая хорошая драка лишь усиливает печаль. Или я не прав?

— Прав, конечно. Тем не менее... Эта раздвоенность преследует меня не первый год, с тех самых пор как я спалил Имррир — или даже раньше.

— Мне кажется, подобные мысли возникают у всех.

— Ну да, каждый человек задумывается о том, имеется ли у жизни смысл и можно ли его найти...

— Откровенно говоря, в Танелорне мне такие мысли в голову не приходили, — сказал Ракхир. — И надеялся, что с тобой произойдет то же самое, но, к сожалению, ничего не вышло. Ты останешься у нас?

— Наверное. Я по-прежнему хочу отомстить Телебу К'аарне, но не имею ни малейшего понятия, где его искать. И потом, как верно подметил то ли

ты, то ли Хмурник, рано или поздно Телеб К'аарна отыщет меня сам. Помню, в прошлый раз ты предлагал мне привезти сюда Киморил и забыть об Йиркуне. Жаль, что я тогда тебя не послушал. Знаешь, из ночи в ночь видеть во сне мертвую возлюбленную...

— Помнится, ты упоминал про колдунью, которая похожа на Киморил...

— Майшелла? Та, что именует себя Владычицей Рассвета? Впервые я увидел ее во сне, причем непонятно было, кто же из нас спал. Мы помогали друг другу ради общей цели, но теперь между нами все кончено.

— А ты не думаешь...

— Между нами все кончено, Ракхир.

— Как скажешь.

Друзья снова замолчали. Тишину нарушали разве что птичьи трели да плеск воды в фонтанах.

Некоторое время спустя Элрик вдруг круто повернулся и направился в дом. Ракхир проводил его озабоченным взглядом.

Вскоре принц снова вышел наружу — подпоясанный ремнем, на котором висел его рунический клинок Бурезов. Вдобавок, он натянул походные сапоги и накинул на плечи белый шелковый плащ.

— Пожалуй, возьму коня и поскачу в пустыню, — сказал он. — Быть может, хоть так развеюсь.

— Будь осторожен, Элрик. Пустыня коварна, в ней много ловушек.

— Хорошо.

— Возьми каурую. Ей к Пустыне не привыкать.

— Спасибо. Думаю, вернусь к утру.

Элрик широким шагом направился к конюшням. Белый плащ, развевавшийся у него за плечами, наводил на мысль о внезапно поднявшемся над морем тумане.

Зацокали копыта. Ракхир привстал с лавки и увидел, что Элрик, пустив каурую с места в галоп, поскакал к северной стене, сразу за которой начиналась Шепчущая Пустыня.

— Куда он направился, Ракхир? — осведомился Хмурник, который вышел из дома с большим яблоком в руке и рукописным свитком под мышкой.

— Развеяться в Пустыне.

— Хм... — Элуэрец задумчиво надкусил яблоко. — Что-то я не уверен, что это ему удастся.

— По-моему, он ищет не покоя, а чего-то иного. Такое впечатление, что порой им управляют посторонние силы.

— Полагаешь, сейчас как раз такой момент?

— Вполне возможно.

Глава 2

Возвращение колдуньи

Ветер гнал песчаные волны, дюны казались огромными валами, что накатывались на черневшие тут и там скалы, остатки горного кряжа, с которым расправилось время. А над песками разносился звук, похожий на необычайно протяжный вздох, словно они шептали о том, что кануло в небытие и оплакивает свою кончину.

Элрик накинул капюшон плаща, чтобы закрыть лицо от солнца, ослепительно сверкавшего на голубом со стальным отливом небе.

Однажды, подумалось ему, я тоже обрету вечный покой и, может быть, тоже примусь оплакивать свою смерть.

Он отпустил поводья, предоставив каурой самостоятельно выбирать путь, и выпил воды из прихваченной с собой фляжки.

Казалось, пустыня не имеет ни конца, ни края. В ней не было ровным счетом ничего живого — ни растений, ни животных, ни птиц.

Элрик поежился, словно предчувствуя, что ему суждено остаться в полном одиночестве, даже без лошади, в мире, бесплоднее, чем эта пустыня. Принц отогнал мрачную мысль, однако, сам того не желая, возвращался к ней снова и снова.

Ветер немного утих, шепот песков стал еле слышен.

Элрик положил ладонь на рукоять Бурезова. Предчувствие перемен в судьбе было каким-то непонятным образом связано с клинком. Внезапно ему почудилось, будто в шелесте ветра сквозит насмешка. Или это насмехается меч? Элрик наклонил голову, прислушался, но звук, словно издеваясь, сделался почти неразличим.

Каурая взобралась на гребень очередной дюны, чуть было не увязла копытами в песке. Элрик натянул поводья и осмотрелся. Куда ни погляди, всюду песок да редкие вкрапления скал. А может, плюнуть на все и ехать дальше, пока лошадь не свалится от усталости, пока не станет ясно, что в Танелорн уже не вернуться при всем желании? Принц откинул капюшон и вытер со лба пот.

Почему бы нет? Жизнь надоела до отвращения. Надо попробовать, что такое смерть.

А если смерть ускользнет? Если он обречен на жизнь? Что тогда?

Ладно, попытка не пытка. Вот только лошадь надо оставить здесь. Забирать ее с собой просто нечестно.

Элрик спешился. Ветер вновь задул сильнее, шепот песков стал громче. Каурая явно нервничала.

Принц посмотрел на северо-восток, в направлении Края Света, а затем двинулся по склону вниз.

Лошадь тревожно заржала, однако Элрик и не подумал обернуться. Он спустился по склону и зашагал дальше твердой, уверенной поступью, словно солдат на марше.

Быть может, он ощущал себя военачальником, ведущим в бой армию: мертвецов, друзей и врагов, которых когда-то убил, мечась по свету в поисках смысла существования.

Впрочем, убил он не всех. Один враг, более могущественный и злобный, чем даже Телеб К'аарна, оставался жив до сих пор — второе «я» Элрика, его собственная темная половина, которую олицетворял черный рунический клинок. Этот враг мог погибнуть только со смертью принца.

Элрик шагал по пустыне несколько часов подряд, постепенно, как и надеялся, забывая, кто он такой, начиная чувствовать себя заодно с ветром и песком, будто сливаясь, наконец-то, с миром, который отверг его и который он отринул сам.

Наступил вечер. Элрик проводил равнодушным взглядом заходящее солнце, но не остановился, не повернул обратно. Пала ночь, однако он продолжал идти, не обращая внимания на холод и жажду. Подкатила слабость, которой принц обрадовался так, как еще совсем недавно — силе, исходившей от Бурезова.

Около полуночи силы оставили его, и он рухнул на залитый лунным светом песок и потерял сознание.

— Элрик! Принц Элрик! — произнес чей-то низкий голос. Женский голос. Элрик узнал его, но

не пошевелился. — Принц Мелнибонэйский!

Элрика взяли за плечо, попытались приподнять. Он с трудом сел, раскрыл было рот, но в горле настолько пересохло, что слова попросту не шли с языка. Женский силуэт на фоне рассветного неба, длинные черные волосы, обрамляющие прекрасное лицо; пышное зелено-голубое, расшитое золотом платье... Женщина улыбнулась.

Элрик сглотнул, покачал головой и выдавил:

— Даже после смерти меня преследуют призраки.

— Я вовсе не призрак, в чем легко убедиться, и ты вовсе не умер, принц Элрик.

— Каким ветром, госпожа, тебя занесло в этакую даль? До замка Канелун отсюда сотни миль.

— Я искала тебя, Элрик.

— Значит, ты нарушила свое слово? Помнишь, когда мы расставались, ты сказала, что нас больше ничто не связывает и меня ты искать не будешь?

— Я думала, что наш общий враг, зловредный Телеб К'аарна погиб. — Майшелла вскинула руки, словно призывая солнце, и светило в самом деле внезапно показалось из-за горизонта. — А что ты делаешь в пустыне?

— Ищу смерти.

— Разве ты не знаешь, что так тебе умереть не суждено?

— Мне говорили, однако наверняка я не знал, хотя и начал подозревать. — Элрик кое-как поднялся, покачнулся, но устоял на ногах.

— Выпей, — проговорила Майшелла, поднося к его губам наполненный до краев какой-то серебристой жидкостью кубок, который извлекла из складок одежды.

— Признаться, госпожа, я не слишком рад нашей встрече. — Элрик не сделал даже попытки пригубить.

— Почему? Боишься полюбить меня?

— Если тебе это льстит, можешь считать, что да.

— Льстит? Мне прекрасно известно, что ты тоскуешь по Киморил и что там, в Канелуне, я совершила непростительную ошибку — не поняла, что тебя безмерно страшит то, чего ты желаешь сильнее всего на свете.

— Замолчи! — воскликнул Элрик.

— Извини. Тем не менее нам, кажется, удалось слегка утолить твое желание и отогнать страх? — Майшелла пристально поглядела на Элрика. — Так или нет?

— Так. — Элрик взял в руку кубок. — Скажи честно, это снадобье превратит меня в безвольную куклу?

— Не говори глупостей. Оно просто придаст тебе сил.

Элрик пригубил жидкость и мгновенно почувствовал ясность в мыслях. Тогда он осушил кубок до дна и ощутил неожиданный приток сил.

— Ты по-прежнему хочешь умереть? — спросила Майшелла, забирая у него кубок.

— Да, если смерть принесет мне покой.

— И не надейся, по крайней мере, сейчас. Уж я-то знаю.

— Как ты меня нашла?

— У меня есть свои способы. В основном благодаря птице. — Майшелла ткнула пальцем куда-то за спину принцу.

Элрик обернулся и увидел металлическую птицу, на которой когда-то летал. Сложив громадные крылья, птица терпеливо дожидалась своей хозяйки.

— Хочешь вернуть меня в Танелорн?

— Нет, — покачала головой Майшелла. — Я прилетела, чтобы рассказать тебе, где находится Телеб К'аарна.

Элрик усмехнулся.

— Он снова тебе угрожает?

— Не впрямую.

— Майшелла, давай не будем лукавить, — проговорил Элрик, отряхивая плащ. — Я уверен, ты не стала бы разыскивать меня, если бы не преследовала какой-то своей цели. Ты сказала, что я боюсь полюбить. Так и есть, боюсь, боюсь влюбиться, причем не только в тебя. Но ты используешь любовь — все мужчины, которым ты ее дарила, становились игрушками в твоих руках.

— Не стану спорить. Я люблю героев, не всех, а только тех, которые поддерживают Порядок и сражаются с Хаосом...

— Мне плевать и на Порядок, и на Хаос! Сейчас меня не слишком заботит даже Телеб К'аарна, которого я ненавижу всей душой!

— Значит, тебя не заинтересует новость, что Телеб К'аарна намерен вновь напасть на Танелорн?

— Ерунда. Он ничего не сможет сделать, ведь Танелорн вечен.

— Танелорн — да, а его жители? Вспомни, сколько раз им угрожала опасность. К тому же Владыки Хаоса, которые ненавидят Танелорн, не упустят случая помочь смертному, возымевшему желание уничтожить тех, кого они считают изменниками.

Элрик нахмурился. Да, для Владык Хаоса Танелорн — как бельмо на глазу; они неоднократно пытались напасть на город...

— Ты говоришь, К'аарна замышляет очередную пакость?

— Вот именно. Потерпев поражение в Надсокоре, он на время перенес свою ненависть на жителей Танелорна, которые помогли тебе расстроить его планы. Как ты знаешь, он бежал в Троус, где отыскал старинные колдовские книги, написанные на языке Обреченного Рода.

— Не может быть! Все эти книги давным-давно превратились в пыль.

— Выходит, не все. Не забывай, Обреченный Род обладал великой мудростью, которую умел сохранять...

— Ладно. Итак, К'аарна отыскал эти книги. И что же он в них обнаружил?

— Способ перекроить мироздание. Как тебе, без сомнения, известно, в нашей вселенной, которую древние называли «многомирность», множество измерений, или плоскостей, причем, сколько их на самом деле, знают разве что Владыки Вышних Миров и только они способны перемещаться из плоскости в плоскость. Смертным же этого не дано.

— Что-то мне не верится, что Телебу К'аарне достанет сил совершить нечто подобное.

— Естественно, в одиночку он не справится, но ему помогут Владыки Хаоса. Я уже сказала: они с готовностью помогут любому, кто вознамерится уничтожить Танелорн. Помимо книг, К'аарна нашел в Троусе древние устройства, созданные Обреченным Родом себе на гибель. Так вот, Владыки Хаоса показали колдуну, как пользоваться этими устройствами.

— И он решил попробовать сам?

— Да. И доставил одно устройство сюда, чтобы испытать вдали от посторонних глаз.

— Сюда, в Шепчущую Пустыню?

— Совершенно верно. Если бы ты не упал, а продолжал идти, то наверняка бы уже наткнулся на него. Знаешь, мне кажется, что ты ушел в пустыню

не для того, чтобы умереть, а для того, чтобы найти К'аарну.

— Ерунда! — процедил Элрик сквозь зубы.

— Что ж... — Майшелла улыбнулась.

— Ты хочешь сказать, что я не свободен в своих действиях? Что мной управляет судьба?

— Задай этот вопрос самому себе.

— Кто же меня ведет? И куда? — На лице Элрика застыло выражение недоумения пополам с отчаянием.

— Когда-нибудь ты это узнаешь.

— Ты подбиваешь меня выступить против Хаоса? Против моего покровителя Эриоха?

— А часто твой покровитель тебе помогал? Скорее всего, он догадывается, что ждет Хаос в будущем.

— Что ты знаешь о будущем?

— Почти ничего, да и о том поведать не могу. Элрик, поверь, ты волен выбирать, кому служить.

— Я уже выбрал — Хаос.

— Однако до сих пор сомневаешься в правильности выбора.

— Верно.

— И потом, сразившись с Телебом К'аарной, ты поступишь так, как поступают везде и всюду слуги Хаоса, которые частенько бьются друг с другом. Никто не обвинит тебя в том, что ты помогаешь Порядку.

— Пожалуй, ты права. Всему свету известно, что я ненавижу Телеба К'аарну и прикончу его вне зависимости от того, кому он будет служить.

— Значит, твой покровитель не рассердится.

— Расскажи мне поподробнее о планах К'аарны.

— Некогда. Вот твоя лошадь. — Обернувшись, Элрик увидел на гребне дюны свою каурую. — Скачи на северо-восток и постарайся не угодить в ловушку.

— А если я откажусь? Если вернусь в Танелорн или снова отправлюсь искать смерти?

— Нет, Элрик, не откажешься. Ты верен своим друзьям и в глубине души готов служить тому, что олицетворяю я; вдобавок, ты ненавидишь Телеба К'аарну. Поэтому я не верю, что ты откажешься.

— Снова я ввязался не в свое дело, — пробормотал Элрик. — Снова поддался чувствам, которые на Мелнибонэ презирают... Хорошо, Майшелла, я согласен.

— Будь осторожен. Телеб К'аарна обрел могущество древних, поэтому справиться с ним будет нелегко. — Женщина пристально поглядела на принца. Неожиданно для себя самого тот шагнул к ней, стиснул в объятиях, поцеловал; оба заплакали.

Некоторое время спустя Майшелла уселась в седло на спине металлической птицы, которая тут же расправила крылья, повернула голову к принцу, проронила: «Прощай, Элрик» — и взмыла в воздух.

Майшелла ничего не сказала и даже не оглянулась.

Вскоре птица растаяла в небе. Элрик вскочил в седло и поскакал на северо-восток.

Глава 3

Древнее колдовство

Укрывшись за валуном, Элрик внимательно наблюдал. Он быстро отыскал лагерь Телеба К'аарны — просторная желтая палатка стояла у подножия скалы, что примыкала к сохранившемуся посреди пустыни естественному амфитеатру. Рядом с палаткой виднелся запряженный парой лошадей фургон, а в центре скалистой площадки возвышалась громадная хрустальная чаша с неким металлическим устройством внутри. Вид у этого устройства был весьма необычный, оно словно состояло из множества зеркал, в которых отражались человеческие лица, звериные морды и силуэты зданий. Судя по всему, те, кто его создал, обладали воображением еще более живым, чем предки Элрика; они сотворили то, в чем совершенно не просматривалось логики. Порождение Хаоса, намек на то, каким образом уничтожил сам себя Обреченный Род... Среди зеркал что-то мерцало, будто билось сердце машины. Вроде бы в устройстве не было ничего отталкивающего, однако Элрик, немало повидавший на своем веку, вдруг вздрогнул и сплюнул от отвращения. И тут, откинув полог, из палатки вышел Телеб К'аарна.

Со времени их последней встречи чародей изрядно похудел, его лицо утратило привычный румянец, а глаза сверкали безумным блеском. Однако чувствовалось, что К'аарну переполняет некая потусторонняя энергия.

Колдун направился к чаше. Элрик услышал, как он бормочет:

— Ну все. Конец Элрику и его приспешникам. Этот шелудивый пес пожалеет, что оскорбил меня! А когда он погибнет, королева Йишана поймет, что ошибалась, и отдаст свою любовь мне. Да как она вообще может любить этого выродка?!

Принц только усмехнулся. Он совсем забыл о том, что К'аарна давно сходит с ума по королеве Джаркора, которая подчинила его себе без всякой магии. Именно ревность превратила К'аарну из скромного волшебника в могущественного и злобного колдуна.

Чародей провел пальцем по поверхности чаши. Мерцание внутри устройства стало ярче. Секции одна за другой принялись окрашиваться в диковинные цвета, донесся приглушенный рокот, ноздри Элрика уловили странный запах. Свет сделался ослепительно ярким, машина изменила форму, и в чаше возникло нечто, не имеющее четких очертаний.

Каурая фыркнула и попятилась. Элрик похлопал животное по спине. Между тем Телеб К'аарна продолжал бормотать себе под нос, однако теперь его слова заглушал исходивший от машины рокот. По амфитеатру пошло гулять эхо. Правая рука колдуна по-прежнему рисовала на хрустальной поверхности таинственные знаки.

Хотя до заката оставалось еще несколько часов, небо вдруг потемнело. Элрик посмотрел вверх. Потемнело, оказывается, не небо, а воздух над скалами, словно на них наползла дождевая туча.

Телеб К'аарна отодвинулся от машины и крикнул:

— Придите! Придите! Барьер уничтожен!

Над чашей распростерлась тень, из которой вышло исполинское чудовище, напомнившее Элрику мелнибонэйского дракона. Правда, это чудище было еще громаднее, его спину венчали два костяных гребня. Оно вскинуло свою омерзительную морду, разинуло пасть, продемонстрировав огромные клыки, и глухо зарычало. Когда чудовище сделало шаг к колдуну, земля задрожала. Следом из тени появилось другое, третье, а за ними вышли их наездники. Элрик с трудом удерживал каурую на месте; перепуганное животное рвалось прочь. Наездники произвели на принца впечатление даже более жуткое, чем гигантские рептилии. Фигурами они походили на людей, но этим сходство и ограничи-

валось. Высокие, в несколько раз выше взрослого человека, наездники опять-таки смахивали на вставших на задние лапы драконов. В руках они держали загадочные предметы — судя по всему, оружие. Зеленая кожа, складки которой образовывали над головой нечто вроде капюшонов, налитые кровью глаза...

— Получилось! — со смехом воскликнул колдун. — Получилось! Благодарю вас, Владыки Хаоса! Я вызвал тех, против кого бессильно все колдовство Элрика, ибо на них не действует магия нашего измерения! Они неуязвимы и подчиняются только мне, Телебу К'аарне! — Он повернулся к чудовищам. — Вперед, на Танелорн! А покончив с ним, двинемся на Джаркор, и я заставлю Йишану пожалеть о своих словах!

Элрик не мог не посочувствовать колдуну. Ради любви джаркорской блудницы К'аарна предал своих сородичей, продался душой и телом Владыкам Хаоса... Принц понимал, что против чудовищ не выстоит, что ему нужно как можно скорее вернуться в Танелорн и предупредить друзей. Быть может, со временем он придумает, как отправить эти исчадия Хаоса обратно в их собственное измерение...

Неожиданно каурая встала на дыбы и громко заржала. В лагере воцарилась тишина. Все до единого чудовища и колдун повернулись в сторону Элрика.

Удрать вряд ли удастся. Оружие рептилий наверняка поражает на расстоянии. Значит... Принц обнажил Бурезов, вскочил в седло, пришпорил каурую и поскакал прямиком к хрустальной чаше. Телеб К'аарна, который, похоже, никак не мог прийти в себя от удивления, растерянно взирал на Элрика.

Принц надеялся уничтожить устройство — по крайней мере, повредить его. Если получится, чудовища, вполне возможно, вернутся в свое измерение.

Проскакав мимо К'аарны, Элрик занес меч и с размаху обрушил его на чашу. Хрустальная поверхность покрылась трещинами. Элрик вылетел из седла, врезался в хрусталь, пролетел насквозь и очутился рядом с устройством. В следующий миг он ударился о машину, и ему показалось, будто тело разрывается на части...

Очнувшись, он обнаружил, что лежит на траве, под сенью высокого дерева. Пустыни, Телеба К'аарны с его машиной и гигантских рептилий не было и в помине. В листве защебетала птица, а затем Элрик услышал голос:

— Гроза миновала. Если не ошибаюсь, ты тот, кого называют Элриком Мелнибонэйским?

Принц повернулся на голос и увидел воина в длинной, до колен, серебристой кольчуге и серебристом же шлеме на голове. Поверх кольчуги был наброшен алый плащ. На бедре воина висел вложенный в ножны меч. Из-под кольчуги виднелись кожаные брюки, заправленные в сапоги из оленьей шкуры. Лицом воин напоминал мелнибонэйца, на левой руке у него была инкрустированная самоцветами латная рукавица, правый глаз закрывала тоже отделанная драгоценными камнями черная повязка. Здоровый глаз имел желтый зрачок, а радужка отливала фиолетовым.

— Да, я Элрик Мелнибонэйский, — отозвался принц. — Прими мою благодарность за то, что спас меня от вызванных Телебом К'аарной демонов.

— Не знаю никакого Телеба К'аарны, — ответил воин. — Мне сказали, что я должен призвать тебя именно здесь и в этот самый час, и я подчинился. Меня зовут Корум Джайлин Ирси, принц в Алой Мантии, и я прошу твоей помощи.

Элрик нахмурился. Имя показалось ему смутно знакомым.

— Где мы? — спросил он, вкладывая в ножны Бурезов.

— Ты покинул свою плоскость и свое время, принц Элрик. Я призвал тебя, чтобы ты помог мне в моей борьбе с Владыками Хаоса. Двоих — Эриоха и Ксиомбарг — я сумел прикончить сам, а вот третьего, наиболее могущественного...

— Ты прикончил Эриоха и Ксиомбарг? Но я совсем недавно говорил с Эрнохом! Это мой покровитель. Он...

— В мироздании множество измерений, — прервал Корум. — В некоторых из них Владыки Хаоса — полновластные хозяева, в других они сильны, но не слишком, а в третьих, как я слышал, не существуют вовсе. В моем измерении ни Эриоха, ни Ксиомбарг больше нет. Нам угрожает третий из Владык — Король Мечей Маблоуд.

— В моем... гм... измерении Маблоуд нисколько не могущественнее Эриоха и Ксиомбарг. Ничего не понимаю.

— Постараюсь объяснить. По какой-то неведомой причине судьба определила мне покончить с владычеством Хаоса во всех пятнадцати измерениях мироздания. В настоящий момент я ищу город под названием Танелорн, чтобы попросить помощи у тамошних жителей. Однако мой проводник оказался в плену во вражеском замке, и я должен его освободить. Воспользовавшись заклинанием, я призвал тебя, причем меня просили передать следующее: помогая Коруму, принц Элрик поможет себе; то бишь, если мы победим, ты обретешь то, что облегчит твою участь.

— Просили передать? Кто?

— Мудрец.

Элрик уселся на ствол поваленного ветром дерева и обхватил голову руками.

— Ты не шутишь, принц Корум? Ты не призрак?

— Мне было сказано, что мы с тобой — «часть единого целого». Только не проси объяснить, что это значит, поскольку я сам не понимаю.

— Ну и ну... — Элрик пожал плечами. — Быть может, ты все-таки призрак? Как бы то ни было, у меня, похоже, нет выбора. Я помогу тебе в надежде, что тем самым помогу себе.

Корум скрылся за деревьями, но вскоре вернулся, ведя в поводу двух коней, черного и белого. Вскочив в седло белого, он указал Элрику на второго коня.

— Ты упомянул Танелорн, — произнес Элрик, усевшись в седло. — Между прочим, я очутился в твоем призрачном мире, спасая именно Танелорн.

— Так ты знаешь, где он находится! — обрадованно воскликнул Корум.

— Да, в моем мире. А здесь...

— Местоположение вечного Танелорна неизменно. Он один-единственный, хотя и во множестве обличий.

Они пустили коней по бежавшей через лес тропинке.

— Куда мы едем? — осведомился Элрик, решив относиться к происходящему так, как если бы он видел все это во сне. — К замку, в котором держат твоего проводника?

Корум покачал головой.

— Нет. Сперва мы должны отыскать Героя с Множеством Имен.

— Его ты тоже собираешься призвать с помощью заклинания?

— Нет. Мне сказали, что он придет сам, где бы ни находился, поскольку почувствует необходимость того, чтобы Трое стали Одним.

— Ничего не понимаю, — повторил Элрик. — О чем ты говоришь?

— Поверь, друг Элрик, я знаю не больше твоего. Мне известно лишь, что только втроем мы сумеем победить того, кто захватил моего проводника.

— Замечательно, — пробормотал Элрик. — А кто будет спасать Танелорн от демонов Телеба К'аарны? Они уже наверняка подошли к городу.

Глава 4

Исчезающая Башня

Тропинка стала шире, превратилась в дорогу, которая вскоре вывела воинов из леса на холмистую равнину. На востоке виднелись прибрежные утесы, за которыми голубело море. В небе кружили птицы. Вокруг царил покой, и не верилось, что этому покою угрожают силы Хаоса.

Корум по пути объяснил, что его латная рукавица с шестью пальцами — на самом деле кисть руки сверхъестественного существа, что глаз у него тоже не свой и благодаря этому глазу он видит иное измерение, откуда, если понадобится, может позвать на помощь.

— Сплошное колдовство, по сравнению с которым наше — просто детский лепет, — сказал Элрик с печальной улыбкой.

— Ничего особенного, — отмахнулся Корум. — Окажись я вдруг в твоем мире, он наверняка показался бы мне ничуть не менее диковинным. И потом, для меня этот мир тоже чужой, хотя во многом напоминает мой собственный. — Принц усмехнулся. — Нас с тобой объединяет то, что нам обоим выпало участвовать в борьбе между Порядком и Хаосом. Мы никогда не поймем, из-за чего сражаются между собой Владыки Вышних Миров. Воюем, мучаемся, терзаемся сомнениями — непонятно, ради чего...

— Ты прав, — откликнулся Элрик. — У нас и впрямь много общего.

Корум хотел было что-то добавить, но вдруг заметил впереди всадника на могучем чалом жеребце. Всадник явно поджидал, пока они приблизятся.

— Быть может, это Третий, о котором упоминал Болорьяг.

Всадник задумчиво глядел на воинов. Высокий, широкоплечий, кожа иссиня-черная, поверх доспехов и шлема наброшена шкура медведя с оскаленной пастью. Ни на черных доспехах, ни на круглом щите, притороченном к луке седла, не было никаких гербов; на бедре всадника висел огромный меч в черных ножнах. Внезапно на лице незнакомца отразилось изумление, и он воскликнул:

— Я вас знаю!

Элрику почудилось, будто и он узнает всадника, но смутно.

— Как ты попал на Балвинскую пустошь? — поинтересовался Корум.

— Балвинская пустошь? — озадаченно переспросил незнакомец, оглядываясь по сторонам. — Это она и есть? Я пробыл тут всего ничего, я прибыл из... Проклятая память, снова она меня подводит! — Он приложил ладонь ко лбу. — Имя... Все, вспомнил! Элрик и Корум! А я... я...

— Откуда ты знаешь, как нас зовут? — спросил Элрик и вдруг чего-то испугался. Пожалуй, не следовало задавать этот вопрос, ответ может оказаться и вовсе обескураживающим...

— Потому что... Неужели не понимаете? Потому что я — и Элрик, и Корум, и... По крайней мере, я был Элриком и Корумом...

— Как же тебя все-таки зовут? — осведомился Корум.

— У меня тысяча имен. Во мне тысяча героев. Я... Джон Дейкер, Эрекозе, Урлик... Столько жизней, столько воспоминаний... — Незнакомец поднял голову. — Ну как вы не поймете? Неужели понять способен только я и более никто? Я тот, кого называют Вечным Воителем, герой, обреченный на жизнь... Элрик Мелнибонэйский, принц Корум Джайлин Ирси и многие, многие другие... Мы трое составляем единое целое, мы обречены сражаться, не ведая, за что. Не могу, не могу! Я схожу с ума!

— Получается, ты — мое воплощение? — В горле у Элрика вдруг пересохло.

— Можно сказать и так. С другой стороны, вы оба — мои предыдущие воплощения!

— Значит, вот что имел в виду Болорьяг, — проговорил Корум. — Мы — составные части одного и того же человека, однако, поскольку прибыли из разных измерений, наша сила, когда мы вместе, утраивается. Именно благодаря этому мы сможем победить Войлодьона Гагнасдиака, хозяина Исчезающей Башни.

— Ты разумеешь тот замок, в котором держат твоего проводника? — спросил Элрик, сочувственно поглядывая на чернокожего рыцаря.

— Да. Исчезающая Башня переносится из плоскости в плоскость, из эпохи в эпоху, нигде подолгу не задерживаясь. Но мы трое, насколько мне известно, можем настичь ее и проникнуть внутрь. Освободив своего проводника, я вновь отправлюсь на поиски Танелорна...

— Танелорн! — воскликнул чернокожий воин, в глазах которого неожиданно вспыхнул огонек надежды. — Я тоже ищу Танелорн. Только там мне суждено найти исцеление, только там я избавлюсь от своего проклятия — помнить все предыдущие воплощения и переселяться из тела в тело. Я должен найти Танелорн!

— У всех нас, похоже, одна цель, — заметил Элрик. — Я ищу Танелорн, чтобы предупредить его жителей о нависшей над ними опасности.

— Да, цель у нас одна, — согласился Корум. — Поэтому я прошу вас — помогите мне освободить моего проводника, который затем отведет нас в Танелорн.

— С радостью! — откликнулся чернокожий гигант.

— Но как нам все же называть тебя? — справился Корум.

— Эрекозе. Знаете, будучи Эрекозе, я, пожалуй, был ближе всего к покою.

— Тогда тебе остается только позавидовать, друг Эрекозе, — бросил Элрик. — Ко мне покой приходит лишь в грезах.

— Ты и не подозреваешь, сколько всего мне нужно забыть, — отозвался Эрекозе. — Ну, Корум, где твоя Исчезающая Башня?

— Эта дорога ведет в Темную Долину. По-моему, рано или поздно она приведет и к Башне.

По пути Элрик размышлял об услышанном. Выходило, что мироздание — многомирность, как выразилась Майшелла, — делится на беско-

нечное множество измерений, что время — пустой звук, за исключением тех случаев, когда речь идет о судьбе конкретного человека или каком-то не слишком протяженном периоде истории. Существуют измерения, в которых, по словам Корума, ничего не известно о Космическом Равновесии; есть и такие, где Владыки Вышних Миров хозяйничают, как им вздумается. Может, плюнуть на Телеба К'аарну, Майшеллу, Танелорн и все остальное и отправиться в странствие, которому не будет конца? Однако что там говорил Эрекозе?.. Если он правильно понял, подумалось Элрику, получается, что принц Мелнибонэйский и так уже побывал во всех измерениях. А теперь неведомая сила, которую именуют судьбой, забросила его сюда ради неведомой цели. Неведомой, но великой, поскольку на карту, судя по всему, поставлено само существование мироздания.

Элрик искоса поглядел сначала на Эрекозе, потом на Корума. Неужели они — это он, и наоборот?

Ему почудилось, будто он испытывает нечто, напоминающее муки Эрекозе. Подумать только — помнить все свои воплощения, все ошибки и сражения, в которых участвовал, и по-прежнему не ведать, какой во всем смысл и есть ли он, на самом-то деле...

— Темная Долина, — произнес Корум.

Дорога круто пошла вниз, к распадку меж двух мрачного вида холмов. Местность производила весьма неприятное впечатление.

— Мне говорили, здесь когда-то стояла деревушка, — продолжал Корум. — Веселенькое местечко, верно?

— Я видел и похуже, — пробормотал Эрекозе. — Поехали. Чем быстрее мы покончим с Башней... — Он пришпорил жеребца. Корум с Элриком поскакали следом. Вскоре они очутились в распадке, над которым нависла густая тень.

Присмотревшись, Элрик различил на вершинах холмов какие-то развалины. Выглядели они необычно — вздыбленные, перекореженные, словно познавшие на себе силу Хаоса.

— Нам туда, — сообщил Корум, натягивая поводья. — Вон к той яме. У нее мы будем ждать.

— Чего, принц Корум? — осведомился Элрик, бросив взгляд на яму, земля по краям которой казалась только что вырытой.

— Появления Башни, — ответил Корум. — По-моему, она должна появиться именно там.

— И когда же она появится?

— Не знаю. Но как только Башня возникнет, мы должны ворваться в нее, иначе она перенесется в другое измерение.

Эрекозе спешился и уселся на землю, прижавшись спиной к обломку стены.

— Мне пришлось научиться терпению, — объяснил он, поймав вопросительный взгляд Элрика, — ибо тому, кто проживет до конца времен, нетерпеливым быть не пристало.

Элрик последовал примеру чернокожего воина и спросил у Корума, который подъехал к самому краю ямы:

— Кто тебе сказал, что Башня появится именно здесь?

— Чародей, который, как и я, служит Порядку.

— Я тоже, — произнес Эрекозе.

— А я служу Хаосу, однако сражаюсь за Порядок, — вздохнул Элрик. Он посмотрел на своих товарищей и в очередной раз поразился тому, насколько они все трое похожи друг на друга. — Зачем тебе Танелорн, Эрекозе?

— Мне говорили, что там я обрету покой и мудрость, а еще найду способ вернуться в мир элдренов, где живет женщина, которую я люблю. Поскольку Танелорн существует во всех измерениях, оттуда гораздо легче отыскать нужную тебе. А ты, принц Элрик? Что влечет в Танелорн тебя?

— Я бывал в этом городе и могу сказать, что твои надежды оправданны. В моем мире Танелорну угрожает опасность. Быть может, мои друзья, которые остались там, уже погибли в схватке с демонами. Молю богов, чтобы Корум оказался прав и чтобы в Исчезающей Башне обнаружилось то, что поможет мне одолеть Телеба К'аарну.

— А я ищу Танелорн потому, что рассчитываю получить помощь в борьбе с Хаосом, — проговорил Корум, поднеся к лицу шестипалую рукавицу.

— Но Танелорн не поддерживает ни Порядок, ни Хаос, — возразил Элрик.

— Знаю. Мне нужна не воинская сила, а мудрость.

Пала ночь. Элрик попытался заснуть, но не сумел. Он изнывал от страха за Танелорн. Попыталась ли Майшелла защитить город? Живы ли Ракхир и Хмурник?

Что он может найти в Исчезающей Башне, какое оружие?

Между тем Корум и Эрекозе негромко переговаривались между собой.

— Я слышал, что однажды Хаос напал на мирное поселение в этой долине, — сказал Корум. — Рыцарь, который владел тогда Башней, приютил у себя ненавистного Владыкам Хаоса человека. В долине собралось великое множество гнусных тварей, но рыцарь обратился за помощью к Владыкам Порядка, и те перенесли Башню в другое измерение. Раздосадованные Владыки Хаоса наложили на нее заклятие — обрекли на бесконечные перемещения из плоскости в плоскость, причем задерживается она самое долгое на несколько часов, а обычно исчезает через пару-тройку секунд. Рыцарь и тот, кому он дал приют, в конце концов обезумели и убили друг друга. Потом Башней завладел Войлодьон Гагнасдиак, который и не подозревал, что за дом себе подыскал. Он не выходит из Башни и всячески старается заманить внутрь всех, кто ему попадется. Какое-то время находит в их компании развлечение, а затем убивает.

— Значит, твоему проводнику тоже угрожает смерть? Кто он такой, этот Войлодьон Гагнасдиак?

— Злодей, обладающий колдовским могуществом.

— Вот почему боги свели нас вместе... Должно быть, для них очень важно, чтобы мы победили Гагнасдиака.

— Наверное, — согласился Корум. — А для меня важно освободить друга. Ведь если я не найду Танелорн, в опасности окажутся сразу пятнадцать плоскостей мироздания.

Эрекозе горько рассмеялся.

— Скажи на милость, ну почему меня — то есть нас — все время заставляют спасать мироздание? Почему не поручают нам ничего менее грандиозного?

— По-моему, чем грандиознее задача, тем она проще, — ответил Корум.

Глава 5

Джери-а-Конел

— Вон она! Элрик, быстрее!

Принц вскочил, выхватил из ножен меч; неожиданно ему бросилось в глаза, что клинок Эрекозе подозрительно похож на Бурезов.

Корум уже бежал к Исчезающей Башне, которая на деле представляла собой целый замок из серого камня; над стенами замка мерцали огоньки, очертания стен в некоторых местах казались размытыми. Элрик и Эрекозе устремились следом за Корумом.

— Дверь в Башню всегда открыта, — выкрикнул на бегу чернокожий воин.

— Быстрее! — донесся голос Корума. Башня вдруг сделалась полупрозрачной. Принц в Алой Мантии прыгнул в черный дверной проем.

Они очутились в крохотном помещении, которое освещала свисавшая на цепи с потолка масляная лампа.

Дверь захлопнулась сама собой.

Элрик посмотрел на Эрекозе, затем перевел взгляд на Корума. Тот, не говоря ни слова, указал на бойницу, вид из которой чудесным образом изменился: у подножия Башни теперь плескалось море.

— Джери! — крикнул Корум. — Джери-а-Конел!

Послышался какой-то шорох, словно зашуршала где-то в углу крыса.

— Джери! Гагнасдиак! Отзовитесь! Или вас тут нет?

— Я здесь, — произнес мужской голос. — Что тебе нужно?

Воины дружно обернулись. Элрику почудилось, что сквозь бойницу проскользнула молния, при вспышке которой он разглядел Войлодьоиа Гагнасдиака.

Разодетый в разноцветные шелка и меха карлик держал в руке меч. Голова слишком большая для такого маленького тела, зато черты лица на удивление правильные, черные брови сходятся на переносице.

— Наконец-то ко мне пожаловали гости, — усмехнулся Гагнасдиак. — Опустите свои мечи, господа, в моем доме вам ничто не угрожает.

— Нам известно, как ты обходишься с гостями, — отозвался Корум. — Знай, Гагнасдиак, мы пришли освободить Джери-а-Конела, которого ты держишь в заточении. Отпусти его, и мы тебя не тронем.

— Да неужели? — Карлик снова усмехнулся. — На вашем месте я бы не стал связываться с Войлодьоном Гагнасдиаком. Глядите! — Он взмахнул мечом, и в полумраке помещения снова вспыхнула молния.

— Перед тобой принц Мелнибонэйский! — воскликнул Элрик. — Между прочим, колдовать я умею не хуже твоего. Вдобавок, при мне Черный Клинок, который выпьет твою душу, если ты не отпустишь друга принца Корума.

— Клинок? — Карлик оскорбительно расхохотался.

— Зря смеешься, — проговорил Эрекозе. — У всех нас волшебные мечи. Кроме того, нами управляет сила, сути которой тебе не постичь. Повинуясь ее зову, мы покинули каждый свою эпоху и встретились здесь, чтобы по воле богов спасти Джери-а-Конела.

— То ли вы пытаетесь обмануть меня, то ли вас самих обманули, — сказал Гагнасдиак. — Какое дело богам до Джери?

Вместо ответа Элрик взмахнул мечом. Бурезов протяжно застонал.

Внезапно карлик метнул в Элрика не известно откуда взявшийся огненный шар. Этот шар угодил принцу точно в лоб. Элрик выронил меч и отлетел к дальней стене. Ошарашенно покрутил головой, попробовал встать, но не сумел — не хватило сил. Начал было звать на помощь Эриоха, но вспомнил, что в этом мире демона больше нет. Надежда оставалась только на клинок, до которого он никак не мог дотянуться.

Эрекозе отпрыгнул назад и ногой пододвинул Бурезов к Элрику. Принц стиснул рукоять меча, сразу почувствовал прилив сил и поспешно поднялся с пола.

Корум молча глядел на ухмылявшегося во весь рот карлика. Гагнасдиак швырнул в Элрика второй огненный шар, но на сей раз принц успел подставить Бурезов. Шар врезался в стену и взорвался, причем в пламени на мгновение мелькнуло что-то черное, похожее на змею.

— Опасное занятие, — заметил Гагнасдиак. — Тот, кто уничтожает шары, рискует погибнуть сам.

— Я свободен, — произнес чей-то голос.

— Молодец, — отозвался Гагнасдиак, обращаясь к черной тени, что возникла из огненного шара. — Убей этих глупцов, которые отказываются от моего гостеприимства.

— Еще посмотрим, кто кого, — пробормотал Элрик.

Черная тень заклубилась, принимая форму. Мало-помалу из нее проступила мускулистая фигура существа, сильно смахивавшего на гориллу, но с толстой и в бородавках, как у носорога, шкурой. За спиной существа виднелись черные крылья, а туловище венчала тигриная голова с оскаленной пастью. В волосатых лапах тварь сжимала огромный серп. Взревев, она нанесла удар, от которого Элрик едва успел увернуться.

Эрекозе и Корум двинулись на помощь товарищу.

— Мой глаз! — воскликнул Корум. — Я ничего им не вижу!

Гагнасдиак метнул огненный шар в чернокожего воина, следующий полетел в Корума. Оба отразили угрозу. Последовали две ослепительные вспышки, и соратники Элрика тоже очутились лицом к лицу с тигроголовыми демонами.

Элрик отчаянно пытался вспомнить какое-нибудь заклинание, но ничего подходящего в голову не приходило. Он взмахнул мечом, однако демон с легкостью парировал удар, а потом расправил черные крылья, взмыл к потолку и обрушился на Элрика с воздуха.

Элрик был близок к панике. Да, Бурезов придал ему сил, но то были обычные человеческие силы, ничего сверхъестественного. Серп просвистел у него над головой, он изловчился и вонзил меч в бедро демону. Тот не обратил на рану ни малейшего внимания.

Двоим другим воинам тоже приходилось несладко. С лица Корума не сходило озабоченное выражение: видимо, поначалу он рассчитывал на легкую победу, но теперь уже предвидел поражение.

Между тем огненные шары Гагнасдиака буквально заполонили помещение. Они сталкивались друг с другом, врезались в стены, и на свет появлялись все новые демоны, под напором которых Элрик,

Корум и Эрекозе потихоньку отступали к дальней стене. Звенела сталь, хлопали крылья, раздирали уши яростные крики и вопли.

— Похоже, я вызвал вас на погибель, — выдохнул Корум. — Но меня не предупредили, что мое колдовство в Башне не подействует. Очевидно, она перемещается из плоскости в плоскость настолько быстро, что законы магии в ней не срабатывают.

— А шары? — отозвался Элрик, отражая поочередно два удара серпа. — Прикончить хотя бы одного...

Элрика прижали к стене, один серп оцарапал ему щеку, второй располосовал плащ. Демоны подбирались все ближе.

Принц отрубил ухо ближайшему из тигроголовых. Бурезов застонал, рванулся к горлу демона, но не сумел проткнуть толстую шкуру. Однако демон на миг потерял равновесие, и Элрик не преминул этим воспользоваться: выхватил у чудовища серп и вонзил ему в грудь. Из раны хлынула кровь, демон взвыл от боли.

— Видели?! — крикнул Элрик товарищам. — Демонов можно убить только их собственным оружием! — Он двинулся вперед, стиснув в одной руке Бурезов, а другой сжимая серп. Демоны попятились, некоторые взлетели к потолку.

Войлодьон Гагнасдиак вскрикнул от ужаса и бросился бежать. Элрик было кинулся за ним, но карлик в мгновение ока скрылся в крохотном дверном проеме, куда принцу было не протиснуться.

Тем временем демоны вновь пошли в атаку.

Элрик подкрался сзади к той твари, что надвигалась на Корума, и отрубил ей серпом голову. Корум вложил свой меч в ножны, подобрал серп, который выронил убитый демон, немедля сразил еще одного и бросил его оружие Эрекозе. В воздухе кружили черные перья, пол стал скользким от крови. Воины проложили себе путь в соседнюю комнату. Демоны продолжали нападать, но теперь с ними справиться было легче, поскольку в дверной проем они проходили только поодиночке.

Элрик подбежал к бойнице и выглянул наружу. Местность вокруг Башни непрерывно изменялась.

Мало-помалу воины, каждый из которых был ранен, начали уставать, а натиск демонов не ослабевал. Тяжелее всего приходилось Элрику, которому отчаянно не хватало поддержки Бурезова. Дважды он падал и дважды его выручали товарищи. А демоны все напирали, размахивая серпами и выкрикивая что-то неразборчивое. Неужели ему суждено погибнуть в чужом мире, далеко от друзей? Впрочем, друзья сейчас сражаются с рептилиями Телеба К'аарны...

Элрик заставил себя сосредоточиться. Удар — и очередной тигроголовый демон рухнул на пол с распоротым брюхом. Внезапно принц заметил Гагнасдиака, который притаился в дальнем углу комнаты. Карлик занимался любимым делом — метал огненные шары, из которых появлялись, на смену погибшим, новые крылатые чудища.

Вдруг Гагнасдиак истошно завопил. Элрик увидел, что в лицо карлику вцепилось какое-то животное. Черно-белая шкура, маленькие черные крылышки... Демон-недоросток? Гагнасдиак, судя по всему, страшно перепугался.

За спиной карлика возник человек, одетый ничуть не менее пышно, чем Гагнасдиак. Выразительные черты лица, длинные черные волосы, в глазах озорные огоньки... Человек что-то крикнул, что именно — Элрик не разобрал.

— Джери! — воскликнул Корум.

— Это его ты хотел спасти? — спросил Элрик.

— Да.

Принц двинулся было вперед, но Джери-а-Конел замахал руками.

— Не надо! Оставайтесь на месте!

Элрик нахмурился. Тут на него напали сразу два демона; волей-неволей пришлось отступить.

— Возьмитесь за руки! — крикнул Джери. — Корум посредине, а вы двое обнажите мечи!

Элрик убил одного из демонов, зато второй ранил его в ногу. Принц тяжело дышал.

Войлодьон Гагнасдиак по-прежнему отбивался от вцепившейся ему в лицо твари.

— Быстрее! Это наш единственный шанс!

— Джери известно то, чего мы никогда не узнаем, — проговорил Корум, поймав вопросительный взгляд Элрика. — Ладно, я становлюсь посредине.

Эрекозе схватил Корума за одну руку, Элрик — за другую; оба воина обнажили мечи.

Ощутив приток сил, Элрик расхохотался. Забытое ощущение... Впечатление было такое, словно они, взявшись за руки, стали каждый вчетверо сильнее.

Выходит, Эрекозе говорил правду — они и впрямь составные части одной и той же личности.

— Вперед! — крикнул Элрик и в ту же секунду понял, что товарищи крикнули то же самое. Не разжимая рук, воины двинулись на демонов. Мечи разили без промаха, подпитывая хозяев энергией.

Демоны запаниковали, а воины, все в крови, вражеской и своей собственной, только смеялись и продолжали убивать.

Стены комнаты заходили ходуном.

— Башня! — взвизгнул Гагнасдиак. — Вы уничтожите Башню!

Пол под ногами кренился, как корабельная палуба во время шторма.

К воинам, оттолкнув в сторону Гагнасдиака, приблизился Джери-а-Конел.

— Он прав. Наша магия настолько сильна, что Башня не выдерживает. Усатый, ко мне!

Животное, что вцепилось в Гагнасдиака, отпустило хозяина Башни и перепрыгнуло на плечо Джери. Это оказался кот, совершенно обычный, если не считать черных крылышек.

Войлодьон Гагнасдиак рухнул на пол. На месте глаз у него зияли кровавые раны.

Элрик подбежал к бойнице. Башню окружала пелена лиловых облаков.

— Мы в преисподней!

Воцарилась тишина. Башня продолжала раскачиваться. Задул непонятно откуда взявшийся ветер, который погасил все огни; свет проникал только снаружи.

Джери-а-Конел нахмурился.

— Откуда ты знал, что нужно делать? — спросил у него Элрик.

— Просто я знаю тебя, Элрик Мелнибонэйский, и знаю Эрекозе. Я странствовал по многим эпохам, по многим плоскостям, вот почему меня порой называют Спутником Героев. Кстати, не мешало бы найти мои вещи: меч, заплечный мешок и шляпу. Они наверняка в покоях Войлодьона.

— Но если Башня рухнет, мы погибнем вместе с ней!

— Может быть. Помоги мне найти мою шляпу, друг Элрик.

— Какая шляпа! Ты что, с ума сошел?

— Ничуть. Принц Корум, Эрекозе, идите за мной.

Трое воинов протиснулись следом за Джери в

узкий коридор, который привел их к лестнице. Башня содрогнулась снизу доверху. Джери снял со стены факел и двинулся по ступенькам вниз.

Прямо перед Элриком рухнул на пол приличных размеров кусок стены.

— Я бы предпочел покинуть Башню, пока не поздно, — проговорил Элрик.

— Доверься мне, принц Элрик, — отозвался Джери.

Элрику не оставалось ничего другого, как последовать его совету.

Какое-то время спустя они очутились в круглом помещении с огромной металлической дверью.

— Логово Войлодьона, — сообщил Джери. — Тут каждый найдет то, что ему необходимо. Лично мне нужна моя шляпа, которую сделали по заказу...

— Как нам открыть эту дверь? Судя по всему, она стальная. — Эрекозе стукнул по двери рукояткой меча.

— Если вы снова возьметесь за руки, — в тоне Джери прозвучала насмешка, — я покажу вам, как она открывается.

Элрик и Эрекозе вновь встали по бокам от Корума и вновь ощутили прилив сил и расхохотались.

— А теперь, принц Корум, — произнес Джери, — ударь по двери ногой.

Воины приблизились к двери, Корум пнул ее изо всех сил, и дверь разлетелась вдребезги, словно была не из металла, а из трухлявого дерева.

Довольно хмыкнув, Джери занялся поисками шляпы.

Башня покосилась. Воины не устояли на ногах. Элрик плюхнулся в огромное золотое кресло наподобие того, какие обычно водружают на спины слонов, и огляделся по сторонам. Сокровищ в подземелье было видимо-невидимо. Должно быть, эти вещи принадлежали тем, кого Войлодьону удалось заманить к себе в Башню.

— Смотри, принц Элрик, — сказал Джери, показывая колчан, полный каких-то палок и металлических стержней. — Вот что поможет отстоять Танелорн.

— Что это такое?

— Бронзовые стяги и кварцевые стрелы, самое подходящее оружие против ящеров из Пио.

— Ты что, знаешь все на свете? Телеб К'аарна тебе, часом, не знаком?

— Колдун из Пэн-Тэнга? Как же, как же...

Элрик с подозрением поглядел на Джери.

— Откуда ты его знаешь?

— Я уже говорил, что прожил множество жизней. Не забывай, перед тобой Спутник Героев. Слушай внимательно. Кварцевые стрелы можно использовать как копья, а что касается стягов, их нужно просто развернуть... Ага! — Джери сунул руку в груду сокровищ и извлек оттуда мятую шляпу. Отряхнул с нее пыль и надел на голову. — Ага! — повторил он, подбирая с пола кубок и протягивая его Коруму. — Держи, это тебе.

В углу комнаты обнаружился заплечный мешок. Обрадованный Джери мимоходом сунул руку в сундук с драгоценностями и достал великолепный перстень, украшенный изысканными самоцветами.

— Бери, — сказал он Эрекозе. — Спасибо, что помог меня освободить.

— По-моему, ты не слишком нуждался в помощи, — заметил с улыбкой Эрекозе.

— Ошибаешься, друг. Мне грозила страшная смерть. — Джери пошатнулся, когда Башня в очередной раз вздрогнула, и внимательно оглядел помещение.

— Пора уносить ноги, — сказал Эрекозе.

— Точно. — Джери направился к дальней стене. — Вот только прихватим ту вещь, о ценности которой Войлодьон не имел ни малейшего представления.

— Что ты разумеешь? — спросил Корум.

— Вот что, — ответил Джери, показывая ему коричневый посох. — Войлодьон убил путника, который намеревался остановить Башню, но не успел... Это Рунный Посох. Его держал в руках Хоукмун, с которым мы отправились в Темную Империю... Прошу прощения, — прибавил он, заметив недоумение слушателей. — Я настолько привык к воспоминаниям из других воплощений, что порой меня заносит...

— А что представляет собой Рунный Посох? — поинтересовался Корум.

— Признаться, я не умею объяснять...

— Мы заметили, — усмехнулся Элрик.

— Это предмет, который может существовать только при заданных физических условиях. Он создает вокруг себя поле, в котором порождает эти самые условия. Иначе...

На пол с грохотом упал кусок стены.

— Башня рушится! — воскликнул Эрекозе.

— Встаньте рядом со мной, друзья, — произнес Джери, поглаживая Посох.

Трое воинов подошли к Спутнику Героев, и в тот же миг обрушилась крыша подземелья, а четверо мужчин вдруг очутились в непроглядной тьме.

— Не двигайтесь, — предупредил Джери. — Не мешайте Рунному Посоху.

Земля под ногами обрела цвет, воздух стал теплее, потом снова похолодало. Казалось, они, сами того не замечая, переносятся из плоскости в плоскость.

— Пора! — воскликнул Джери, когда под ногами оказался песок. Воины прыгнули во мрак, который мгновенно рассеялся... На голубом, со стальным отливом, небе ослепительно сверкало солнце.

— Пустыня, — пробормотал Эрекозе. — Бескрайняя пустыня...

— Узнаешь, друг Элрик? — с улыбкой осведомился Джери.

— Шепчущая Пустыня?

— Прислушайся.

Элрик различил знакомый звук.

Рунный Посох, лежавший чуть поодаль, неожиданно исчез.

— Пойдешь со мной в Танелорн? — спросил Элрик у Джери.

Тот покачал головой.

— Нет, мне нужно отыскать то устройство, которое использовал Телеб К'аарна. Не помнишь, где оно находится?

Элрик огляделся по сторонам, пытаясь сориентироваться.

— По-моему, вон там.

— Тогда пошли.

— А как же Танелорн?

— Друг Элрик, необходимо уничтожить устройство, чтобы оно не попало в руки очередного колдуна.

— Но...

— Армия Телеба К'аарны еще не добралась до Танелорна.

— Как это? Прошло столько времени...

— Не так уж много.

— Ладно, уговорил, — пробурчал Элрик.

— Если Танелорн совсем рядом, — произнес Корум, — зачем искать чего-то еще?

— Это не тот Танелорн, который нам нужен, — откликнулся Джери.

— Лично меня он вполне устраивает, — заявил Эрекозе. — Я останусь с Элриком.

— Друг мой, — печально проговорил Джери, во взгляде которого промелькнул страх, — мирозданию и без того угрожает гибель. Когда падут вечные преграды, многомирность не устоит... Как вы не понимаете? То, что произошло с Исчезающей Башней, может случиться лишь однажды. Послушайте меня. Обещаю, там, куда мы направляемся, шансов отыскать Танелорн ничуть не меньше.

— Хорошо, — согласился Эрекозе.

— Пошли. — Элрик двинулся на северо-восток. — За рассуждениями о времени мы совсем забыли, что его у нас в обрез.

Глава 6

Проклятый

Машину Телеба К'аарны они нашли без особого труда. Джери без промедления взялся за дело. Запустив машину, он попросил Корума и Эрекозе прижаться спинами к хрустальной чаше, а Элрику протянул крохотный фиал.

— Когда мы исчезнем, брось его в чашу, а потом садись на своего коня — это твой конь там, на дюне, верно? — и скачи без оглядки в Танелорн. Только смотри, ничего не перепутай.

— Ладно.

— Кстати, — прибавил Джери напоследок, — передавай привет Хмурнику.

— Ты его знаешь? Откуда?..

— Прощай, Элрик. Мы наверняка встретимся еще не раз, хотя, быть может, и не узнаем друг друга.

Машина утробно заурчала, земля под ногами задрожала, над чашей сгустилась черная тень. Эрекозе, Корум и Джери исчезли. Элрик швырнул в чашу фиал, подбежал к каурой, вскочил в седло, сжимая под мышкой колчан с кварцевыми стрелами, и поскакал в направлении Танелорна.

Урчание стихло, тьма рассеялась. Внезапно раздался громкий вздох, над пустыней разлился ослепительный синий свет. Элрик оглянулся. Хрустальная чаша сгинула без следа вместе со скалистым амфитеатром.

Он подоспел вовремя. Рептилии как раз подходили к стенам Танелорна.

Во главе вражеской армии ехал Телеб К'аарна, восседавший на гнедом жеребце. Через седло был перекинут то ли ковер, то ли битком набитая переметная сума.

На Элрика упала тень. Принц поднял голову. Над ним кружила металлическая птица. Жалобно закричав, она подлетела к рептилиям, метнулась прочь, затем возвратилась... Ее крик напоминал крик птахи, чей птенец попал в беду.

Принц пригляделся повнимательнее. Ну конечно! Это Майшелла — там, на седле К'аарны! Должно быть, она решила, что Элрик погиб, и напала на колдуна в одиночку.

Ладонь принца словно по собственной воле легла на рукоять меча. Однако Элрик овладел собой. Главное сейчас — отстоять Танелорн.

Однако как ему проскользнуть мимо рептилий, как не попасться на глаза Телебу К'аарне? Пришпорить каурую и поскакать прямо на врага, положившись на удачу? Внезапно Элрик услышал, что его окликают по имени. То была металлическая птица, которая опустилась на песок в нескольких шагах от него.

— Мы должны спасти мою хозяйку.

— Сначала я должен спасти Танелорн, — отозвался Элрик.

— Я помогу тебе, — проговорила птица. — Садись.

Элрик поглядел на рептилий, которые уже подобрались вплотную к городским стенам, спрыгнул с лошади и взобрался в ониксовое седло на спине птицы. Та взмахнула крыльями, взмыла в воздух и полетела к Танелорну.

Их заметили и принялись обстреливать, но вскоре Элрик уже очутился на стене.

— Элрик! — воскликнул Хмурник. — Нам сказали, что ты погиб!

— Кто сказал?

— Майшелла и Телеб К'аарна, который потребовал, чтобы мы сдались.

— Как видишь, я жив, — отозвался Элрик и принялся вынимать из колчана древки бронзовых стягов. — На, держи. Это должно нам помочь. Их надо развернуть. Привет, Ракхир. — Принц протянул изумленному Ракхиру очередное древко.

— Ты снова уходишь? — спросил тот.

Элрик поглядел на оставшуюся в колчане дюжину кварцевых стрел.

— Да, — ответил он. — Я попытаюсь спасти Майшеллу. К тому же эти стрелы лучше бросать сверху.

— Знаешь, когда прошел слух о твоей смерти, Майшелла словно обезумела. Сначала она пробовала одолеть К'аарну колдовством, а потом просто прыгнула на него со своей птицы. Естественно, он без труда с ней справился, а потом пригрозил нам, что убьет ее, если мы не сдадимся. Насколько я понимаю, он все равно убьет Майшеллу, однако меня, признаться, мучит совесть...

— Ничего, мучиться тебе осталось недолго, — успокоил Элрик и погладил шею металлической птицы. — Летим. Ракхир, не разворачивай стяги, пока я не поднимусь достаточно высоко.

Алый Лучник, с лица которого не сходило озадаченное выражение, утвердительно кивнул.

Птица взмыла в небо. Элрик услышал смех Телеба К'аарны. Ворота Танелорна неожиданно распахнулись, из них выехал конный отряд. Должно быть, воины решили пожертвовать собой, чтобы спасти город.

Размахивая мечами и издавая боевой клич, всадники поскакали навстречу монстрам из Пио, которые яростно заревели, разевая чудовищные пасти. Их наездники вскинули свое оружие. Всадники исчезли в языках пламени.

Элрик послал металлическую птицу вниз.

— Ты мертв! Ты мертв! — завизжал колдун, который наконец-то заметил принца, вне себя от ярости и страха.

— Я жив, Телеб К'аарна! — крикнул Элрик. — Я жив и прилетел, чтобы покончить с тобой раз и навсегда! Освободи Майшеллу!

— Ну уж нет, — усмехнулся овладевший собой колдун. — Пока она у меня, ты мне ничего не сделаешь. Демоны, вперед, на Танелорн! Покажите этому глупцу, на что вы способны!

Наездники рептилий направили оружие на городские стены.

— Нет! — воскликнул Элрик. — Ты не посмеешь...

Внезапно на стене что-то сверкнуло. Похоже, Ракхир велел развернуть стяги. Едва в воздухе заколыхались бронзовые полотнища, брызнул золотистый свет, и перед городом возникла сверкающая стена, за которой скрылся Танелорн со своими защитниками. Мгновение спустя выяснилось, что оружие рептилий против этой преграды бессильно.

— Что это? — проговорил Телеб К'аарна. — В нашем мире нет колдовства, способного остановить демонов Пио!

— Это колдовство из другого мира, — язвительно сообщил Элрик. — Освободи Майшеллу!

— Ни за что! Ты поплатишься за свою дерзость! Демоны, прикончите его!

Элрик швырнул первую из кварцевых стрел. Она угодила точно в морду вожаку демонов. Тот взвыл, схватился лапами за вонзившуюся в глаз стрелу и рухнул наземь, а его скакун, почувствовав свободу, поскакал прочь от мерцающей стены. Элрик поднял птицу повыше, бросил вторую стрелу и снова не промахнулся. Рептилии, на которых восседали наездники, явно забеспокоились.

Металлическая птица то ныряла вниз, то устремлялась вверх, уворачиваясь от огненных залпов, а Элрик кидал стрелу за стрелой. Ему вспомнилось, как он летел над Кипящим Морем; пожалуй, тогда было даже менее жарко. Кончик правого крыла птицы, куда пришелся очередной выстрел, расплавился, однако птица продолжала кружить над рептилиями. Тех уже осталось только две, и они кинулись прочь. Там, где секунду назад стоял Телеб К'аарна, расплылось облачко сизого дыма. Элрик швырнул последние стрелы, которые настигли удирающих демонов.

Сизый дымок рассеялся, и Элрик увидел лежащую на земле с перерезанным горлом Майшеллу, Владычицу Рассвета. Что касается Телеба К'аарны, он бесследно исчез.

Птица опустилась на песок. Элрик спрыгнул с седла, подбежал к Майшелле и опустился на колени рядом с трупом. На глазах птицы, что глядела на свою мертвую хозяйку, выступили слезы.

Неожиданно губы Майшеллы дрогнули, и она проговорила:

— Принц Элрик...

— Ты жива? Могу ли я чем-нибудь...

— Я мертва. Просто меня просили передать, что Телеб К'аарна вызвал недовольство Владык Хаоса. Они больше не будут помогать ему, ибо он только что выставил себя на посмешище.

— Куда он делся? Я убью его, как только найду!

— Не сомневаюсь, но куда он делся, сказать не могу. Элрик, я погибла, и теперь миру грозит серьезная опасность. Хаос усиливается, скоро произойдет битва между Владыками Порядка и Хаоса. Нити судьбы перепутаны, мироздание видоизменяется, и ты к этому тоже причастен... Прощай, Элрик...

— Майшелла!

— Умерла? — спросила птица.

— Да, — глухо откликнулся Элрик.

— Я отнесу ее в Канелун.

Принц поднял с песка тело Майшеллы, положил на ониксовое седло.

— Прощай, принц Элрик, — сказала птица. — Мы больше не увидимся. Я умру, как только вернусь в Канелун.

Элрик молча наклонил голову.

Птица распростерла крылья и взмыла в небо. Элрик долго глядел ей вслед, потом закрыл лицо руками. Ну почему, почему все женщины, которых он любит, рано или поздно погибают? Лучше ему было умереть тогда, в пустыне... Не было ни слез, ни ярости, лишь безысходное отчаяние.

Кто-то положил ему руку на плечо. Элрик поднял голову и увидел Хмурника с Ракхиром. Они прискакали из Танелорна, который уже не прятался за сверкающей завесой.

— Исчезли и стяги, и стрелы, — сообщил Ракхир. — Остались одни трупы, которые мы обязательно зароем. Ты вернешься с нами?

— Увы, Ракхир, в Танелорне мне покоя не обрести.

— Наверно, ты прав. Однако я могу напоить тебя снадобьем, которое притупит боль и позволит на некоторое время забыть о всех и всяческих неприятностях...

— Спасибо. Честно говоря, я сомневаюсь...

— А ты не сомневайся. Это сильнодействующее средство. У другого оно навсегда отбило бы память, но ты забудешься лишь на время...

Эрекозе, Корум, Джери-а-Конел... Что ж, даже если ему суждено погибнуть, он, снова возродится, чтобы сражаться и страдать. Вечный бой и вечная боль. Если забыть об этом хотя бы на пять минут... А может, покинуть Танелорн и заняться какимнибудь человеческим делом?

— Я так устал от богов, — пробормотал Элрик, усаживаясь в седло.

— Интересно, — заметил Хмурник, который глядел на пустыню, — а богам когда-нибудь надоест выяснять отношения между собой? Когда это случится, у человечества будет великий праздник. Кстати, вам не приходило в голову, что мы страдаем, чего-то добиваемся, к чему-то стремимся лишь ради того, чтобы развлечь Владык Вышних Миров? Наверное, именно поэтому они создали нас несовершенными...

Печально шелестел ветер, заметая песком трупы тех, кто пошел войной на вечность и, разумеется, обрел то самое, против чего восстал. •

Элрик некоторое время ехал рядом с друзьями. Его губы беззвучно шевелились.

Вдруг он пришпорил каурую и поскакал к Танелорну. Выхватил из ножен меч и погрозил равнодушному небу, потом поднял лошадь на дыбы и закричал во весь голос:

— Будьте вы прокляты! Слышите? Будьте вы прокляты!

Однако тем, кто его слышал — а среди них имелись и боги, — прекрасно было известно, что на самом деле проклят он, принц Элрик, последний правитель Светлой Империи Мелнибонэ.

Перевел с английского
Кирилл КОРОЛЕВ

Кирилл Королев

ГЕРОЙ С ТЫСЯЧЬЮ ЛИЦ

Гора мышц, в каждой руке по увесистому клинку (желательно, заколдованному), волчий оскал, у ног громоздятся поверженные чудовища и штабеля обнаженных красоток...
Перед нами основной персонаж большинства произведений в жанре «фэнтези» — иначе говоря, герой во всей своей «красе». Типичный пример — небезызвестный варвар Конан. Правда, речь не о том Конане, которого описал Р. Говард, а о главном действующем лице многочисленных «дополнений» и подражаний, принадлежащих перу таких авторов, как Л. Спрэг де Камп, Лин Картер, Стив Перри. Говардовский Конан еще худо-бедно претендует на некоторую психологичность, даже жизненность, тогда как его подобия будто вырезаны из одного листа картона.
Знает таких героев и научная фантастика. Антураж практически тот же, только вместо непобедимых варваров появляются «крутые» парни, вооруженные по последнему слову фантастической техники и покоряющие — что там планеты! — целые галактики.
Натыкаясь на подобные образы, кочующие из книги в книгу, поневоле задаешься вопросом: «А бывают ли иные герои?». Своими размышлениями на эту тему делится переводчик романа, литературовед К.Королев.

Разумеется, слово «герой» (в значении «храбрец, совершающий подвиги») еще не окончательно дискредитировано. Порукой тому несомненный талант многих и многих писателей-фантастов. Достаточно вспомнить Пола Атридеса из «Дюны» Ф. Херберта или девятерых принцев из «Эмберских хроник» Р. Желязны. Но почему таких живых, человечных персонажей среди героев все-таки немного? Попробуем разобраться.

ЛИТЕРАТУРА, как известно, выросла из мифологии. Это касается всего: сюжета, принципов изложения и, конечно, персонажей. С мифологической (мифологии как науки) точки зрения, герой — универсальная категория, которая подразделяется на три «разновидности»: собственно герой, культурный герой и герой-творец (демиург). Впрочем, последний в своей «героической» ипостаси вполне сопоставим с культурным героем, а потому его, если позволительно так выразиться, в расчет можно не принимать.

Итак, остаются собственно герой и герой культурный. Культурным героем называется мифологический персонаж, добывающий или впервые создающий (вот параллель с демиургом) для людей различные жизненно необходимые предметы, устанавливающий правила социальной организации, обучающий ремеслам, и так далее. Наиболее известный культурный герой — Прометей, похитивший у богов небесный огонь и, по Эсхилу, даровавший людям «все искусства», в том числе и искусство мыслить.

Кстати, само слово «герой» — греческого происхождения. В греческой мифологии героями именовались сыновья и прочие потомки по мужской линии от союза божества со смертной женщиной. Обычно герои наделялись огромной силой и удивительными способностями, однако встречались среди них и «интеллектуалы» — искусный мастер Дедал, певец Орфей, прорицатель Тиресий. Вообще, греки создали единственную в своем роде мифологическую систему, в которой образ героя как универсальная категория получил столь четкое оформление.

Свою добычу культурный герой, как правило, либо находит, либо похищает. Иногда он также сражается со стихийными силами (чудовищами, демонами и пр.), которые олицетворяют первоначальный хаос, и способствует тем самым торжеству космоса, то есть установленного миропорядка. Вспомним Геракла, который одолел таких хтонических — «принадлежащих земле» — чудищ, как немейский лев, лернейская гидра, стимфалийские птицы, и даже осмелился вступить в борьбу с божеством подземного мира Аидом.

Мотив сражений с чудовищами сближает культурного героя с собственно героем. Характерная черта последнего — неуемная тяга к путешествиям и приключениям. Илья Муромец, мифологизированный герой русского былинного эпоса, едва обретя силушку, отправляется странствовать — «мир посмотреть и себя показать». Борьба с теми, кто мешает богам и людям жить своей жизнью, является основной задачей собственно героя; иными словами, тут мы снова сталкиваемся с персонифицированной идеей вечной вражды между Космосом (Порядком) и Хаосом.

Одним из главных противников собственно героя зачастую выступает Судьба. Герой или наделен даром ясновидения, или кто-то открывает ему грядущее. Как быть тому, кто знает наперед о грозящих бедах и своей неминуемой гибели? Вот тут-то и проявляется истинно героический характер: герой не становится фаталистом, не пытается избежать того, что «написано на роду», но стремится прожить жизнь так, чтобы обрести посмертную славу. Таков Сигурд из скандинавской «Эдды» (кстати, Р Вагнер в своей тетралогии «Кольцо нибелунга» усилил этот мотив едва ли не до гротеска: его Зигфрид настолько героичен в противостоянии Судьбе, что порой вызывает усмешку); таковы, если обратиться к литературным произведениям, уже упоминавшийся Пол Атридес и Скафлок из «Сломанного клинка» П. Андерсона.

СО ВРЕМЕНЕМ миф как форма творчества отмирает, хотя мифологическое сознание (не различающее общего и конкретного, начала и конца, пространства и времени) продолжает существовать. Из мифа вырастают волшебная сказка и героический эпос, который на своей ранней стадии глубоко мифологичен — в качестве примера можно привести англосаксонский эпос «Беовульф». Затем в эпос вторгается история, и на мифологический материал наслаиваются реальные события — та же Троянская война, столь красочно описанная в «Илиаде». Попутно происходит «историзация» персонажей. Мифологические герои становятся королями и князьями, хтонические чудовища и демоны — иноплеменниками, иноверцами. В сказке же образ героя как бы обезличивается: возникают условные фигуры царевичей, принцев, крестьянских сыновей, объединяющие в себе черты как собственно героя, так и героя культурного. Например, Иванушка-дурачок из русских народных сказок отправляется «не знаю куда», чтобы добыть «не знаю что», попадает во множество переделок, но в итоге добивается своего — когда силой, когда хитростью, а когда и при содействии чудесного помощника (того же Серого Волка).

В героическом эпосе — скажем, в «Песне о Роланде» — образ героя обычно гипертрофируется. Когда Роланд трубит в рог, звук разносится на тридцать лиг; ему раскроили череп, из ушей брызжет мозг, а он сражается как ни в чем не бывало; пятеро рыца-

рей-франков изящно побеждают орду язычников, численность которой составляет четыре тысячи человек. Любой удар Роланда смертелен:

Роланд услышал, в ярый гнев пришел,
Коня пришпорил и пустил в галоп,
Язычнику нанес удар копьем,
Щит раздробил, доспехи расколол,
Прорезал ребра, грудь пронзил насквозь,
От тела отделил хребет спинной,
Из сарацина вышиб душу вон.

(Пер. Ю. Корнеева)

Далее эта линия подхватывается средневековыми рыцарскими романами о потрясающих воображение подвигах пэров Круглого Стола (как известно, от чтения подобных романов лишился разума Дон Кихот Ламанчский). Через столетия из рыцарских романов вырос жанр «фэнтези», в котором гипертрофированность образа героя приобретает зачастую — вовсе не по воле автора — комический эффект. В первую очередь это относится к «подражаниям» Конану.

ПОПЫТКИ создать Конану антипода предпринимались неоднократно. На мой взгляд, одна из редких удач — Элрик Мелнибонэйский, персонаж «Хроник Черного Клинка» М. Муркока. Интересно, что первоначально сериал об Элрике задумывался как продолжение конановской эпопеи. Но продолжения не получилось. Конан груб — Элрик утончен, Конан решителен и неистов — Элрик постоянно колеблется и никогда не действует впопыхах, Конан радуется жизни — Элрик от нее устал. Возможно, все объясняется разницей в социальном статусе: Конан — обыкновенный варвар, тогда как Элрик — наследный правитель громадной империи. С другой стороны, в последнем по внутренней хронологии романе цикла раздавленный свалившимися на него напастями Элрик мало-помалу превращается в жестокого убийцу, этакую «двурукую машину», уничтожающую все живое. Конан же не изменяет самому себе, даже став королем.

ГЕРОИ в представлении М. Муркока вообще значительно отличаются от традиционных. Каждый из них загадочен, у каждого есть своя тайна, своя, если можно так выразиться, «изюминка», с первого взгляда незаметная. Вдобавок, все они обыкновенные люди, отнюдь не «сверхчеловеки», и больше всего лично мне напоминают скандинавских берсеркеров: в сражениях неистовы до безумия, а в остальное время ведут себя, как говорится, по-людски. Их терзают сомнения и тревоги, они вовсе не «рыцари без страха и упрека», известные нам по средневековым куртуазным романам и современным поделкам.

К слову, такие герои встречаются у Муркока практически во всех произведениях, как фэнтезийных, так и фантастических. В романе «The Hawkwinds» рассказывается о рок-музыкантах (естественно, без непременных атрибутов рока — наркотики, секс и т.п. — обойтись было нельзя; впрочем, они придают повествованию ту самую достоверность), которые противостоят энтропии и персонификации Хаоса. Повторюсь — это обыкновенные люди, вынужденные волею случая сражаться своей музыкой с колдовством энтропии, а вовсе не «доблестные варвары», словно сошедшие с картин Криса Ахиллеса или Бориса Валльехо.

Я уже упоминал, что схватки героя — как культурного, так и собственно героя — с хтоническими чудищами и демонами олицетворяют вечную борьбу между Порядком и Хаосом (энтропией). Эта борьба — пожалуй, главная тема в творчестве М. Муркока, подсказанная религиозной концепцией зороастризма. В Авесте, священном писании зороастрийцев, повествуется о борьбе Света и Тьмы, Добра и Зла, которые правят миром на равных (быть может, Добро все-таки самую малость изначально сильнее). У Муркока эти основополагающие принципы мироздания тоже равнозначны, хотя конечное торжество Порядка представляется неоспоримым. Вот в каких условиях вынуждены действовать мурковские персонажи; неудивительно поэтому, что они нередко «перебегают» из стана в стан (так, Элрик, который вообще-то служит Хаосу, частенько помогает, сам того не желая, Порядку).

КАК ПРАВИЛО, герой в понимании Муркока — человек физически слабый, совершенно неподготовленный к посылаемым судьбой испытаниям, мало на что способный без колдовских подручных средств, будь то черный рунический клинок, рука поверженного бога, доставшаяся принцу в Алой Мантии, или Рунный Посох Дориана Хоукмуна. Другие авторы гораздо более благосклонны к своим персонажам. П. Андерсон, к примеру, наделяет Скафлока из «Сломанного клинка» недюжинной силой и решительностью, а Марк Корнуолл из романа К. Саймака «Паломничество в волшебство» и вовсе демонстрирует набор качеств под стать рыцарю короля Артура, а не скромному книжнику. Муркок же будто нарочно выпячивает недостатки своих героев. В частности, что касается того же Элрика, вряд ли будет преувеличением сказать, что такого героя фантастика (в широком смысле слова) еще не знала. Это антигерой, которому недостает всего того, чем обычно обладают истинные герои.

Кстати говоря, парадоксальность — неотъемлемая черта жизни и творчества самого М. Муркока. В «Энциклопедии научной фантастики» под редакцией Питера Николлса помещена любопытная фотография писателя — лицо скрыто маской, а под снимком текст: «М. Муркок — большой любитель розыгрышей». Мне кажется, эта фотография прекрасно характеризует взгляды Муркока — далеко не всякий рискнул бы отдать такой снимок для публикации в столь авторитетном издании. Кроме того, писатель отличается и парадоксальностью суждений. К примеру, в одной своей литературоведческой статье, анализируя «фэнтези» как жанр, он ставит на первое место среди всех созданных на тот момент (1984) фэнтезийных произведений трилогию Мервина Пика «Горменгаст», а «Властелина Колец» Дж. Р. Р. Толкина заносит чуть ли не в черный список как книгу «беспомощную и откровенно скучную». Как-то в интервью Муркок описал типичного автора журнала «Новые миры», который основал и редактировал: «Это писатель, которого не страшат никакие опасности и который постоянно вступает в конфликт с действительностью». То же можно сказать и о самом Муркоке, и, слегка перефразировав, о его персонажах.

НО ВЕРНЕМСЯ к нашей теме, нашей галерее героических образов: Роланд и Ожье-Датчанин, Беовульф и Сигурд, король Артур и рыцари Круглого Стола; галантный Джон Картер, рефлексирующий Элрик, Арагорн и Боромир; Пол Атридес, Язон динАльт, Доминик Фландри и, если хотите, пресловутый Билл — Герой Галактики...

Каждый героичен по-своему. Тысячи имен, тысячи лиц, а на самом деле, если присмотреться, герой — один-единственный, он только «меняет маски», причем делает это очень ловко, как заправский актер.

Как тут не вспомнить слова, вложенные М. Муркоком в уста Эрекозе, Вечного Воителя и Заступника: «Я скакал на диковинных животных и встречался с диковинными людьми. Я видел ландшафты, что потрясали своей красотой, и те, что вызывали отвращение и омерзение. Пилотировал летающие машины и звездолеты и был возничим колесницы. Ненавидел и любил. Создавал империи и нес гибель народам; убивал и сам был убит несчетное количество раз. Торжествовал победу и терпел унижения. У меня было много имен. Память моя не в силах вместить их все. Слишком, слишком много... И не было ни дня покоя. Непрерывный, вечный бой».

«Я думаю, что уважение к героям, в различные эпохи проявляющееся различным способом, является душой общественных отношений между людьми и что способ выражения этого уважения служит истинным масштабом для оценки степени нормальности или ненормальности господствующих в мире отношений».

Томас Карлейль. «Герои, почитание героев и героическое в истории».

ПРОГНОЗ

В семействе солнечной системы прибавление?

С помощью космического телескопа «Хаббл» впервые удалось получить доказательство того, что за орбитой Нептуна существуют объекты, движущиеся вокруг Солнца и соответствующие по размеру кометам. Многие астрономы уверены, что именно эта область Солнечной системы, известная как «пояс Купера», является местом возникновения комет с коротким — менее 200 лет — периодом обращения.
Находящиеся в «поясе Купера» объекты очень трудны для наблюдения и поэтому в обычные телескопы Земли видны только наиболее яркие и крупные из них. До сих пор не удавалось обнаружить ни одного объекта менее 100 км в поперечнике, а диаметр комет обычно составляет не более 0,1 этой величины. Именно поэтому Анита Кочрэн из Техасского университета и ее коллеги решили использовать для наблюдений «Хаббл».
Ученые сделали множество снимков небольшого участка неба с 10-минутной экспозицией, обработали их на компьютере, который убрал все объекты, остававшиеся на одних и тех же местах, и выделил только слабосветящиеся перемещающиеся пятна. Дабы быть полностью уверенными, что они наблюдают реально существующие тела, Кочрэн и ее коллеги проанализировали их траектории. Предметами поиска были объекты, имеющие орбиты, сходные с орбитами Плутона и других крупных тел в «поясе Купера», на движение которых влияет сила притяжения Нептуна.
Уже первоначальный анализ позволил выявить 244 объекта, которые движутся по «реалистичным» орбитам, и 185 — чьи траектории не соответствовали этому критерию. Такое соотношение является статистически значимым и позволяет предположить, что ученым впервые удалось обнаружить в «поясе Купера» наличие тел, сопоставимых по размеру с кометами. «Мы что-то нащупали», — утверждает Кочрэн. Все это должно рассеять сомнения теоретиков, по чьим оценкам «пояс Купера» может содержать около миллиарда тел, сходных по размерам с кометами. Возможно, требуемое визуальное подтверждение будет получено примерно через год, когда закончится проводимый независимо поиск слабо светящихся объектов с использованием 10-метрового телескопа «Кек» обсерватории Мауна-Кеа на Гавайях.
Благодаря «Хабблу» также удалось установить, что погода на Нептуне гораздо изменчивее, чем предполагалось, а на одном из полученных с его помощью снимков оказался запечатлен самый древний участок твердой поверхности, когда-либо наблюдавшийся в Солнечной системе.
На изображении окрашенной в голубые и зеленые цвета планеты в Северном полушарии заметно большое темное пятно — область высокого атмосферного давления, которая с поверхности Нептуна должна выглядеть как чистое голубое небо, но на снимках, сделанных межпланетной станцией «Вояджер» в 1989 году, ничего подобного не наблюдается.
Как сообщила на пресс-конференции НАСА в Вашингтоне Хейди Хэммел из Массачусетского технологического института, облик Нептуна может полностью измениться всего за несколько дней.
Полученные с помощью космического телескопа снимки астероида Веста показывают, что около 4 млрд. лет назад на его поверхность изливалась лава. Это означает, что когда-то он, как и Земля, имел внутри жидкую магму. Большинство же астероидов, по словам одного из астрономов, никогда не разогреваются так сильно, чтобы их недра оказались в расплавленном состоянии.
На снимках также видны места, в которых из-за столкновений с другими телами Веста потеряла куски коры и где благодаря этому можно как бы заглянуть внутрь астероида. Предположительно, его недра состоят из оливина — одного из основных компонентов мантии Земли.

Оказывается, до Сатурна почти рукой подать...

В середине 2004 года космический аппарат «Кассини» и находящийся на его борту зонд «Гюйгенс» начнут облет системы Сатурна, который продлится 4 года. Американские и европейские ученые планируют старт длительной экспедиции аппаратов по Солнечной системе на октябрь 1997 года. Но прежде, чем достичь Сатурна, путешественникам предстоит пролететь мимо Венеры и Юпитера.
Трасса вояжа еще не разработана детально, но она должна обеспечить решение нескольких задач. Специалисты, изучающие кольца Сатурна, надеются получить их подробное изображение из точки, лежащей вне экваториальной плоскости, а геологи — сфотографировать большие спутники Сатурна, движущиеся в плоскости колец. Полет также позволит достаточно подробно изучить самую большую луну Сатурна — Титан, размер которого достигает половины Земного. Его притяжение будет использовано для изменения траектории «Кассини», и при первом сближении с этим спутником Сатурна от аппарата отделится зонд «Гюйгенс», который затем войдет в атмосферу Титана, раскроет парашют и опустится на поверхность. Находясь там, он будет передавать на основной космический аппарат информацию о составе атмосферы и условиях на поверхности.
Для проведения всесторонних исследований Титана также включится в работу бортовая РЛС «Кассини». Ведь Титан имеет столь плотную атмосферу, состоящую в основном из азота и метана, что бортовые приборы межпланетной станции «Вояджер» в свое время не смогли сквозь нее ничего увидеть.
Однако наблюдения, выполненные с помощью космического телескопа «Хаббл» в ближнем ИК-диапазоне, показывают, что на Титане находится какое-то загадочное образование размером примерно с Австралию. С помощью «Кассини», возможно, удастся проверить гипотезу, согласно которой условия на поверхности Титана таковы, что там могут существовать океаны из жидкого этана. Предполагается также, что верхние слои атмосферы Титана представляют собой химическую фабрику, где под воздействием ультрафиолетового излучения Солнца из углеводородов образуются сложные органические молекулы, опускающиеся потом на поверхность спутника.
Большим преимуществом длительного (на протяжении нескольких лет) пребывания космического аппарата около планеты является возможность изучения многих явлений динамики. Например, «Кассини» сможет следить за системами штормов, которые постоянно возникают в атмосфере Сатурна; известно, что атмосфера Титана также подвержена сезонным изменениям. Его изображения, переданные «Вояджером», показали, что северное полушарие этой планеты имело более темную окраску, тогда как недавние наблюдения с Земли, проводившиеся во второй половине сезонного цикла, обнаружили более темную окраску в южном полушарии. Кроме того, даже система колец Сатурна обнаруживает заметные изменения в пределах нескольких месяцев.

Подготовил
Владимир РОГАЧЕВ

Майкл Суэнвик

«Мы поднимаем паруса...»

Майкл Суэнвик, один из наиболее интересных фантастов «поколения 80-х», долгое время воспринимался читателями не как писатель, а скорее как критик. Причиной этому послужила его знаменитая «Инструкция к постмодернистам» — в этой статье, напечатанной в 1986 году в журнале «Asimov's», Суэнвик дал свою трактовку таким новым направлениям в американской фантастике, как движения «киберпанков» и «гуманистов». Впоследствии, впрочем, Суэнвик прославился и как писатель — к настоящему времени он издал уже шесть книг, в том числе роман «Станции прилива», удостоенный в 1991 году премии «Небьюла».

В ноябре 1994 года все в том же «Asimov's Science Fiction» появилась вторая большая критическая работа Майкла Суэнвика. На сей раз внимание критика остановилось на фэнтези — не потому ли, что именно в этом жанре создал свой новый роман «Дочь железного дракона» Суэнвик-писатель?

Мы публикуем сокращенный вариант этой статьи.

Итак, мы поднимаем паруса.

Зеленые холмы и населенные призраками горы Средиземья постепенно тонут в море позади нас. Они прекрасны и наполнены чудесами, но наше внимание уже нацелено на нечто другое. Наши широко раскрытые глаза глядят далеко вперед, отыскивая таинственные острова, что позвали нас от наших очагов и хоббитских нор, прочь от всего уютного и знакомого. Свежий бриз раздвигает занавес тумана. Киль вспарывает холодную сталь воды. Наш корабль, перепархивая с волны на волну, стремится вперед.

Мы направляемся к Архипелагу Фэнтези.

Подумать только, еще несколько десятилетий назад фэнтези не только не относилась к процветающим коммерческим направлениям, таким, как сегодня, — она вообще не сформировалась как направление. В самом деле, произведения фэнтези любого типа и вида были явлением столь же редким, сколь и грифоны. Авторы фэнтези, как правило, маскировали свои произведения под исторические романы, под «Артуриану», или (с добавлением парочки быстро забываемых космических портов) под научную фантастику — либо не могли опубликовать их вовсе.

Все это изменил Дж.Р.Р.Толкин. Американские издания-пэйпербэки его трилогии «Властелин Колец» стали настоящим откровением и до основания потрясли книгоиздательскую индустрию. Они наглядно продемонстрировали, что существует огромная аудитория, которая ждет не дождется этого нового жанра — фэнтези. Они принесли немалую прибыль. Издатели, многие из которых просто не понимали, что происходит, принялись отчаянно скрести по сусекам, пытаясь отыскать хоть что-то, что могло бы удовлетворить этот не существовавший доселе аппетит

Так что впоследствии над заголовками многих, вполне заурядных фэнтезийных книг простодушные издатели, полагающие, что они единственные додумались до этого хитрого трюка, стали помещать броские рекламные лозунги «В ТРАДИЦИИ РОБЕРТА ГОВАРДА И ДЖ.Р.Р.ТОЛКИНА!»

Было время, когда я думал, что это наихудшая аттестация книги, которую только можно было придумать. Вселенные Толкина и Говарда, как бы это сказать помягче, исключают друг друга. Это очевидно. Образ мускулистого варвара Конана, иногда именуемого Воином, иногда Мстителем или Корсаром, а то и попросту Завоевателем, огнем и мечом проходящего сквозь Шир, прорубающегося сквозь баррикады из мягких диванов и резных подставок для зонтиков, навороченные на его пути всеми этими мохноногими Сумкинсами-Торбинсами-Бэггинсами, представлялся мне чрезвычайно комичным, чем-то вроде абсурдного юмора театра «Монти Питон» *.

Однако возраст смягчил поспешные оценки юности. И четверь века спустя я как-то потихоньку, незаметно принял сторону того безымянного издательского работника, решив, что он был совершенно прав: все мои любимые произведения в жанре фэнтези действительно восходят к «традиции Роберта Говарда и Дж.Р.Р.Толкина». Что означает: они сходны между собой не более нежели Гэндальф Серый может быть назван родственником Огнегривой Сони **. Каждое из них — химера, sui generis ***, уникум.

Я собираюсь написать о литературе, которую Туве Янссон называла «одинокой и странной», о литераторах, которые не принадлежат ни к каким школам и группировкам, и о литературных героях — чужеземных и косматых существах без роду и племени, которые, с математической точки зрения, образуют сумму, которая делится без остатка на сумму меньшую, нежели сумма из всех сумм, делящихся без остатка на все другие суммы. Для облегчения аргументации я собираюсь назвать направление, к коему в той или иной степени примыкают все эти произведения: «твердая фэнтези» — такое название я выбрал потому, что искренне верю, что в жанре фэнтези это направление занимает центральное место, аналогичное тому, какое «твердая научная фантастика» занимает в жанре НФ.

Наше путешествие будет весьма ненадежным — воды эти не картографированы и курс проляжет мимо многих значительных произведений. Возможно также, что время от времени мы будем подплывать к островам, которые только кажутся сушей. Ведь это Волшебные Острова; следовательно, нет ничего странного в том, что иные вблизи могут превратиться в Чудо-юдо Рыбу-кит или

**«Монти Питон» — английская комическая труппа 70-х годов, которая разыгрывала капустники, где чисто английский юмор соединялся с «черными», абсурдистскими шуточками. Позже активно работала на телевидении и в кинематографе. Вышедшие из этой группы режиссеры Терри Джонс и Терри Гиллам вместе и по отдельности поставили целый ряд фильмов, которые можно без сомнений отнести к жанру юмористической фэнтези: «Монти Питон в поисках Святого грааля», «Бармаглот», «Бандиты во времени», «Эрик-викинг», «Приключения барона Мюнхгаузена». (Здесь и далее прим. перев.).*

*** Огнегривая (или Рыжая) Соня — главная героиня одноименного фильма, поставленного режиссером Ричардом Флейшером по мотивам произведений Роберта Говарда.*

**** Sui generis (лат.) — единственный в своем роде.*

просто в утренний туман. Однако опасность блужданий в незнакомых водах искупается не только красотой и волшебством цели нашего путешествия, но и тем, что эти произведения двигают фэнтези вперед, они источник и оправдание жанра в целом, пламенное сердце каждой звезды.

Выбор нашего маршрута вовсе не означает, что мы третируем громадные континенты Высокой Фэнтези и Маньеризма, Кельтских Сумерек и Современной Городской Сказки, или даже Мэйнстрим. Шекспир отличный парень, когда он на своем месте. Но его место не здесь.

В кильватере корабля шипит струя белой воды. Из «вороньего гнезда» с верхушки мачты свешивается эльф-впередсмотрящий и кричит пронзительным и высоким голосом: он только что видел морскую птицу! И сразу же все, кто не занят с канатами или у румпеля, устремляют свой взор в указанном им направлении. Земля!

Из воды перед нами встает трио островов — Зимьямвианская трилогия Э.Р.Эддисона: «Владычица всех владычиц», «Рыбный обед в Мемисоне» и «Мезентианские ворота». «Червь Уроборос», часто называемый первой книгой цикла, на самом деле лежит от них в некотором отдалении — и его лучше читать последним, как некую мантиссу* Собственно же трилогия — это порция хорошей выпивки для ценителей крепко сработанной прозы. Прежде чем стать писателем, Эддисон сделал карьеру британского государственного служащего, поэтому его книги описывают совсем иной мир — мир, в котором он родился бы с куда большим удовольствием. Этот мир, зачатый в алхимическом браке Ренессанса и Средневековья, состоит из сильных страстей, елизаветинской риторики и подлинных эротических ощущений. Элизабет Уилли охарактеризовала книги Эддисона как «Толкина с сексом», однако в равной степени они могут быть названы и «Говардом с политесом». Так что они — «в традиции».

И они не одиноки. Все больше и больше островов, один за другим, возносят свои вершины над ровной гладью моря — туманные издали, они таят, несомненно, необычайные наслаждения: трилогия «Горменгаст» Мервина Пика; скупые на язык сказания лорда Дансени о Богах Пеганы и о землях, лежащих за Полями, Которые Мы Знаем; мизантропические изыскания Кларка Эштона Смита в странах Зотика, Гиперборея и Посейдония; «Юрген» и некоторые другие книги Джеймса Брэнча Кейбелла; наконец необычный и бесподобный «Смех-в-Тумане» Хоупа Мирлиса, книга, о которой Нил Гэймен сказал, что в ней сконцентрирована главная проблема жанра фэнтези — проблема «примирения фантастического с обыденным».

Компания эта настолько пестра и скандальна, что не стоит и думать о том, чтобы усадить их всех в одну лодку: Толкин пренебрежительно отзывался о Дансени, Кейбелл презирал критиков, а Смит ненавидел все человечество в целом. Твердая фэнтези сама создает себе предков и предшественников. Тем не менее все они принадлежат друг другу — по той причине, что они просто не могут принадлежать чему-либо другому.

И вновь кричит впередсмотрящий! Мы подходим к первому современному образчику твердой фэнтези.

Это роман Джона Кроули «Маленький, Большой».

Как и большинство произведений, которые я желаю рассмотреть в этой статье, «Маленький, Большой» с трудом поддается краткому пересказу. На какое-то мгновение эта задача кажется жутко пугающей: мы, как дети, стоим на опушке темного леса, зная, что там, в лесу, нашей плоти алчут волки, ведьмы и еще какие-то незнакомые твари, такие страшные, что для их описания просто невозможно подобрать слова. И еще где-то в ночи хихикают тролли.

И, как дети, мы не можем заставить себя сделать хотя бы еще один шаг вперед.

«Маленький, Большой» — книга, представляющая собой нечто вроде семейной хроники, в которой родственные связи прослеживаются далеко вперед и назад во времени, однако повествование все время возвращается к двум основным героям — Смоки Барнейблу и его сыну Оберону. Смоки, человек перекати-поле, влюбляется в Дейли Элис из обширного клана Дринкуотеров. Элис вводит его в свою семью и приводит в место, которое в их семье называют Сказкой. Так читатель узнает, что Дринкуотеры каким-то образом связаны с Маленьким Народцем, но природа этой связи до самого конца романа остается неясной.

И хотя Смоки по ходу действия постоянно узнает об этом что-то новое, он все время упорно отталкивает от себя все необычное. И поэтому полноценным членом семьи он так и не становится — просто потому, что не сумел себя заставить поверить в существование фей. И это свое отчуждение он неумышленно передает сыну.

«Маленький, Большой» открывается паломничеством Смоки в Сказку. Оберон впервые появляется в романе уже взрослым, когда он уходит в Город в тщетной попытке убежать от волшебства. Увы, если поначалу все выглядело так мило, уютно и комфортно, то теперь приходят в движение некие большие и опасные силы. Распадающийся мир теряет жизнеспособность. Город вступает в период бесконечного упадка. Где-то на пороге маячит вечная зима. Да и сам Оберон по какой-то досадной случайности подвергается порче. И что бы он ни делал, как бы со всем этим ни боролся, она все больше и больше опутывает его своей паутиной.

То, что Кроули представляет нам здесь, выглядит чрезвычайно смелым и дерзким. Он смастерил произведение современной взрослой литературы из материи волшебных сказок и детских считалок. И в том, что из всего этого получилось, нет ничего такого уж чудесного и сверхъестественного. Однако в чем «Маленький, Большой» действительно не имеет себе равных — так это в том, как он ухитряется быть одновременно таким возвышенным и таким безыскусным, постоянно балансируя на краю пропасти, но так и не падая в нее.

Книга Кроули, ностальгическая по своему духу, решена в цветовой гамме, присущей девятнадцатому веку. Однако я совсем не хочу, чтобы вы уверовали, будто цвета эти характерны для всей твердой фэнтези и что этот жанр не может быть созвучен интеллектуальным ритмам сегодняшнего дня.

С подъемом информационной экономики, вознесшим ее над промышленным производством, и вытекающим отсюда расцветом семиотики (ибо каждая новая правящая элита требует для своей власти теоретического обоснования), возникает необходимость переписать интеллектуальную историю. Средневековая схоластика, долгие века пребывавшая в полном пренебрежении, пе-

**Мантисса — математический термин, обозначающий десятичную часть логарифма.*

реживает возрождение; Джордано Бруно, замученный церковью за грехи раскрепощенного разума, объявляется предком-основателем и родовой фигурой; протонаука алхимия выглядит в своем освеженном виде уже не как прародительница химии или попытка научного поиска, но как оккультная ментальная дисциплина, чья главная цель заключается в упорядочении и описании Вселенной.

Итак — «Крысы и Горгульи» Мэри Джентл.

В алхимическом мире «Крыс и Горгулий» треугольник имеет четыре стороны, а квадрат — пять. Люди бесправны, им запрещено носить оружие и деньги, а аристократия, которая ими правит, — это Крысы. Тот же, кто выступает против сложившегося порядка вещей, становится объектом забавы для крылатых монстров, состоящих на службе у двадцати четырех Деканов, создателей и защитников этой Вселенной, чьим воплощением является громадный собор. «Наши повелители — странные существа», — так поговаривают в городе, чье название просто и непритязательно — Сердце Мира.

И действительно, странностям здесь нет конца. Это мир, где правители посылают своих наследников учиться в Университет Преступлений. Где таинственная Черная Лодка возвращает умерших обратно в мир живых. Где народ, известный как «катайцы» имеет длинные, цепкие хвосты. Где фотокамеры со вспышкой и механические компьютеры сосуществуют с искусством фехтования. Да, в любом случае, это явно не Канзас.

Организующим началом описываемого мира является алхимия, а главным принципом, на котором строится повествование, — хаотическое нагромождение событий и образов. Причем алхимия, как я подозреваю, для автора скорее источник воображения, нежели жестко организованная система. А повествовательный хаос применен намеренно — как результат решения показывать все и не объяснять ничего, чтобы читатель все время неизбежно на шаг-другой отставал от персонажей. Нет, он не блуждает полностью в темноте: понимание приходит в ретроспективе, после того как происходит событие. Читатель оказывается в положении той самой птички, которая, планируя хвостом вперед, не знает, куда она летит, зато знает, где должна сесть.

Сюжет романа — сплошной клубок заговоров, интриг и слепых попыток предотвратить катастрофу. В игре по меньшей мере шесть команд и у каждой — собственные цели. Оседлать надвигающуюся бурю пытаются: Белый Ворон, боевой наставник в Училище Невидимок; Касабон, архитектор по профессии и слюнтяй по жизни; девушка, будто списанная у Дилэни — эйдетический дар делает ее Памятью Короля; наконец — среди прочих — принц-студент наитипичнейшего вида. В романе живут и взаимодействуют десятки персонажей, каждый из них — индивидуальность со своими взглядами и мотивами, а цели, которые они преследуют, противоречат друг другу.

Все старые, знакомые прелести жанра присутствуют здесь в двойной дозе: ораторствующие лорды с мечами на перевязях, воин в малиновых доспехах, любовные романы и сексуальные связи, злые боги на любой вкус и цвет. Вот только лорды — это Крысы, отважный воин и его обольстительная пассия — обе женщины, а боги, в конечном счете, не так уж зловещи.

Уильям Гибсон заметил однажды, что Уильям Берроуз, автор знаменитых романов «Голый пир» и «Нова-Экспресс», был первым писателем, который начал обращаться с научной фантастикой как с ржавой машинкой для разбивания яиц, как с предметом, который можно подобрать на свалке и встроить в свое произведение. То, что делает Джентл в своем романе, версия все той же игры, только переделанная под жанр фэнтези и потому более спокойная и умеренная. Как неоднократно отмечалось, основные характерные черты постмодернистской литературы, ее торговая марка — это стилизация и заимствование. В этом плане «Крысы и Горгульи» — безусловно, постмодернистское произведение. Не известно, найдутся ли желающие последовать его примеру, несомненно другое — перед нами одно из очень немногих произведений, которые указывают абсолютно новый путь, по которому может отправиться жанр.

Подобравшись поближе под покровом темноты к побережью Научной Фантастики, мы быстро спускаем паруса, гасим на борту огни и раздаем винтовки экипажу. Это спорные воды, и, несмотря на то, что над ними витает тень «Всемирной премии фэнтези», всегда могут найтись несогласные с тем, что «Непобежденная Страна» Джоффа Раймена лежит на нашей территории.

Самый, пожалуй, яркий и жуткий эпизод этой вещи кроется в самом ее начале — описание того, за счет чего живет Третья Дочь, главная героиня повести: «Они наняли Третью, чтобы использовать ее чрево в промышленных целях. Она была дешевле, чем стеклянные резервуары. Она выращивала внутри себя детали живой машинерии — дифференциалы для грузовиков, малые приспособления для домашнего хозяйства... Затем ей повезло больше — она подписала контракт на оружие. За это платили лучше, потому что работа была опаснее. Оружие внезапно, обычно посреди ночи, начинало фонтанировать из нее кровью вперемешку с неудержимым потоком глянцевых, веснушчатых, темно-коричневых гуппи с черными мягкими глазками и веселыми крысиными улыбочками, полными зубов. Неважно, какую боль и какое опустошение испытывала при этом Третья — она должна была немедленно собрать их в корзины и закрыть крышками. Если бы она не сделала этого сразу, а впала бы в сон, гуппи просто загрызли бы ее». В дальнейшем повесть не достигает таких пугающих высот (слава Богу), однако тональность в целом определена. «Непобежденная страна» — вариация в жанре фэнтези на тему недавнего геноцида в Камбодже, реальная история, превращенная в мрачный вымысел. Это очень нелегкая штука для чтения, и я не уверен, дочитал бы я эту книгу до конца, будь она публицистической или даже «прямо»исторической. Бывает такая кошмарная правда, которая столь близко подходит к опасному краю, за которым ее не только нельзя выносить, но и рассказывать.

Страна, известная Третьей лишь под названием «Соседняя», науськиваемая некоей «Большой Страной», воюет с родиной Третьей, «Непобежденной Страной», вытворяя при этом совершенно невообразимые вещи. Война, согласно восприятию крестьянки из глубинки, описывается в повести скупыми мазками. На дома в деревне нападают летающие Акулы, все в панике разбегаются. Мертвый ухажер возвращается в облике ворона, чтобы защищать и оберегать Третью. Хрупкие устройства для спасения жизней, выброшенные из госпиталя, умоляют солдат, чтобы их не разбивали.

Главный враг «Людей», конечно, не «Соседи», и даже не их спонсоры (американцы), но нечто менее осязаемое, что-то, с чем гораздо труднее сражаться: культурный Холокост двадцатого века. Когда партизаны отвое-

вывают наконец назад свою страну, они уже более не «Люди». Непобежденная Страна — это воображаемая земля с изобретенными обычаями и достаточно достоверной культурой. Но ни один читатель, разумеется, не ошибется в том, откуда взята кульминационная сцена повести: это насильственная эвакуация Пномпеня «красными кхмерами». Победившие повстанцы становятся очередными захватчиками.

Однако произведение не выглядит прямой аллегорией, перед нами искренняя, живая и глубоко человечная история. Главное достижение Раймена в том, что все события показаны глазами обыкновенной крестьянской женщины, и сделано это без сгущения красок или фальшивой сентиментальности. Раймен говорит о своей героине так, как вы или я о ком-то из членов собственной семьи, говорит уважительно, хотя порой и не без сердитых ноток.

Я уже намекал ранее, что «Непобежденная Страна» легко может быть прочитана и как научная фантастика. Все в ней происходящее может получить трактовку и с позиций естественных наук: биоинженерии, нанотехнологии и прочих, относящихся к тому же концептуально-инструментальному багажу. Во многих произведениях, налепивших ярлык «твердая НФ», я видел гораздо меньше правдоподобия. Однако явственное присутствие машинерии (хотя в провинции к ней относятся с сильным подозрением) вовсе не отличает эту вещь от фэнтези. И истина здесь такова, что произведение это вовсе не о том, какое воздействие на человеческие существа оказывает технология. Скорее, это исследование того, что происходит с культурой, которая была пропущена через Ад.

В конце повести, уже после всех ужасных, душераздирающих сцен, становится ясно: «Непобежденная Страна» — книга вовсе не о войне и насилии, геноциде и разрушении культур. Она о том, что остается после этого, о том, что неприкосновенно, что сокровенно, что продолжает жить.

Обсидиановое море под нашим кораблем становится бутылочно-зеленым, затем бирюзовым. Под килем скрипит песок. Мы входим в «Кости Луны». Причалив к берегу, мы легко спрыгиваем на... землю?

Это странная судьба, что досталась на долю Джонатана Кэрролла. Его первый роман «Земля Смеха» был с энтузиазмом встречен поклонниками жанра, но с равной непринужденностью был принят и деятелями мэйнстрима. Жаркие ласки жанра становятся обычно поцелуем смерти для тех, кто стремится к литературной респектабельности. Кэрролла же это правило как будто и не коснулось.

Что ж, мэйнстрим — место забавное. Он заявляет свои права на «переполненное людьми и суевериями» (по словам Дилана Томаса) «Путешествие в Город Мертвых» Амоса Тутуолы, на избранные произведения Т.Х.Уайта и К.С.Льюиса, на «Строителя лабиринтов» Майкла Айртона и даже на таких суперзвезд нашего жанра, как Рэй Брэдбери и Урсула Ле Гуин, но в то же время решительно отвергает Р.А.Лафферти, «Серебряный локон» Джона Майерса Майерса и (до сих пор) Сэмюэла Р.Дилэни. Он заключает в обьятия, носится как с писаной торбой, а затем отбрасывает Джеймса Брэнча Кейбелла с его античной сатирой «Юрген». Он находит место в своей сокровищнице для «Орландо» Вирджинии Вулф, но умаляет те фантастические элементы, без которых эта вещь просто не могла бы существовать. Короче, нет смысла высматривать в мэйнстриме какую-либо строгость мысли.

Хотя, в принципе, понять, почему внешний мир не гнушается браконьерствовать в заповедниках нашего жанра, не так уж и трудно; для этого достаточно открыть книгу Кэрролла в любом месте и прочитать один-два абзаца. Однако Кэрролла отличают не только превосходный прозаический стиль и сочные детали. Фантастический мир Рондуа, в который его героиня, Каллен Джеймс, попадает благодаря череде продолжающихся взаимосвязанных снов, такой же живой и яркий, как и многие иллюстрации, вырезанные из многих классических книжек с картинками. И даже авторские отступления льют воду на ту же мельницу — как в том эпизоде, когда Каллен размышляет об историях из своих снов: «Словно анекдоты, которые мы слышали и забыли, пока кто-то не начинает рассказывать их заново, так и я могла рассказать теперь моему сыну многое: как горы научились бегать, кролики — рисовать карандашами, а все птицы стали одного цвета».

В снах Каллен сопровождает теплая компания: ее юный сын Пепси, так и не рожденный в «реальном» мире, волк Фелина, верблюд Мартио и Мистер Трейси — пес в большой фетровой шляпе. Там, в снах, она ищет пять Костей Луны. А проснувшись, страдает, любит, выходит замуж, страдает еще больше, заводит новых друзей и наконец лицом к лицу встречается с последним ужасом на той грани, где сливаются сны и реальность.

Финал романа, как и в других книгах Кэрролла, внезапен и тревожен, словно дверца ловушки, неожиданно распахнувшаяся под ногами.

Первые несколько раз, когда я сталкивался с этим приемом, он выглядел для меня как необъяснимая для столь образованного и умелого писателя потеря контроля над своим текстом. Но постепенно стало ясно, что это — по какой-то причине, о которой я не могу догадаться, — эффект намеренный. Это просто часть цены, которую ты должен заплатить, если желаешь прочитать книгу.

Тем не менее должен признаться: я по-прежнему испытываю сомнение, обозначать ли эту точку на карте как остров.Сей фантастический мир, блистательный по частям, в целом выглядит как лоскутное одеяло. Вырежи части с реальным миром, а остальное расширь, чтобы заполнить лакуны — и он никогда не станет самодостаточной системой. А может — и читатель легко припомнит с дюжину хитрых приемов, — это только кажется?

Дело, однако, в том, что, когда автор не верит достаточно глубоко в создаваемый им мир, он создает не фэнтези, а метафору. И в этом смысле «Кости Луны» выглядят как Джаскониус, морское чудище, внутри которого семь лет служили мессу во славу Господа каждое пасхальное воскресенье Святой Брендан и его моряки-монахи. Так что не настоящий это остров, а легендарный зверь, причем тот, что хранит верность не нашим дорогим лордам, а повелителям литературы с обратной стороны Луны.

Менее храбрые члены нашего экипажа чувствуют себя неуютно, они спешат убраться на корабль при малейшем признаке, что гигант Джаскониус готов погрузиться в те безвоздушные, мрачные царства и владения, где такие, как они, преуспеть не могут. И действительно, почва под ногами начинает колыхаться...

Взбунтовавшийся экипаж толпится на фордеке, все

они — от трюмного гнома до матроса-эльфа — до предела возмущены тем, что капитан, прокладывая курс, не уделил внимания их любимым произведениям. Один выкрикивает название «Фарфорового голубя» Делии Шерман. Другой — «Одержимости» А.С.Байатт. Третий — «Ждущего дракона» Джона М.Форда, четвертый — чего-нибудь (да, хоть чего-нибудь!) из написанного Тимом Пауэрсом. Мятежники требуют Джоя Чанта и Пола Андерсона, Андре Нортон и Грегори Фроста, Сюзэн Купер и Ли Брэккет, Флетчера Пратта и Мерседес Лэкки. И уж, конечно, каждый из них в ярости от того, что я и словом не упомянул о Л.Спрэге де Кампе.

Напрасно объяснять им, что «Фарфоровый голубь» — это историческая фэнтези, а историческая фэнтези — это развивающийся жанр, насчитывающий столь много произведений, что на их основе можно написать любое количество статей. Что книга Байатт на самом деле не фэнтези, как гласит подзаголовок, поставленный писательницей, а «женский роман» и потому имеет больше общего с книгами сестер Бронте, нежели с тетралогией о Земноморье Урсулы Ле Гуин. Что оригинальности и литературных достоинств совсем недостаточно, чтобы попасть в рамки моей статьи — требуется еще и немного слепой удачи. Что каталогизирование всех имеющихся островов — задача наитруднейшая и повелением вышестоящих богов бесконечная.

Но это никого не удовлетворяет. Один коренастый головорез требует знать, где на этой карте место для произведений Р.А.Лафферти. Однако требование его выполнить столь же не просто, как и другое — насчет «Будущей банды» Нила Барретта-младшего. Иная рыбка так мелка, что способна ускользнуть сквозь любую, сколь угодно мелкоячеистую сеть. Хороший пример — Говард Уолдроп. По-прежнему ли он «фантазер вне закона»? Да и существует ли до сих пор это направление — «фантазия вне закона»? Не нашлось еще Линнея, которому была бы по плечу задача составить таксономию жанра фэнтези *: работа эта не просто трудна — сама мысль о ней подобна ночному кошмару.

Но экипаж не слушает меня. Страсти накаляются. Глаза блестят. Ножи сверкают. Мистические руны на клинках и рукоятях наливаются мертвенным светом.

Но жестокое слово, произнесенное скороговоркой, успокаивает всех. Голоса стихают. Корабль уменьшается, удаляется, становится всего лишь безвредной закорючкой на исписанном листе бумаги. Я собираю распечатанные страницы статьи в стопку, подравниваю ее по краям и протягиваю руку за конвертом.

Вне ограниченных горизонтов этих страниц, на предельных дистанциях, проплыли мимо нас сотни фантастических островов — как водяные смерчи, как странные поэтические образы, как экзотические цветы, распустившиеся из сотен далеких орудийных жерл. Никогда мои амбиции не простирались так далеко, чтобы нанести на карту весь архипелаг, приколоть все его острова к бумаге наподобие коллекции мертвых бабочек. Я пытался наметить лишь один из возможных маршрутов, не более.

Архипелаг свивается в клубок подобно спящему дракону. Нет человека, который знал бы облик и природу тех подводных геологических сил, которые определяют его бытие. Мы можем лишь предполагать, какие переменчивые морские течения омывают его непостоянные берега. Наш вояж привел нас к самой сути слов, стремящихся к той форме литературы, где содержимое каждого из них перемешивается с содержимым другого, а получившийся экстракт становится лишь средством для трансформации невыносимого «что есть» в недостижимое «если только».

Альгис Будрис заметил однажды, что твердая научная фантастика является не поджанром, но, скорее, неким привкусом, определяющим «крепость» напитка. Если твердая фэнтези и имеет какой-либо привкус, то привкус этот наверняка должен называться «сожалением». И если я о чем-то и сожалею, то лишь о том, что нет у меня более ни времени, ни пространства, ни даже познаний, дабы развертывать перед вами всё новые и новые земли и чудеса, которые можно найти на этом архипелаге. Я обманул вас. И все же если найдется хотя бы одна книга, упомянутая здесь, которую вы до сих пор не читали, то я оставляю вас в несколько лучшем положении, чем то, в котором вы пребывали до нашей встречи.

Что ж, благородные милорды и прекрасные дамы, я должен покинуть вас, потому что мы прибыли в пункт, где и должны были оказаться в итоге: там, откуда началось наше увлекательное путешествие. Время пошло — перед вами интригующее и восхитительное вступление новой книги.

Итак, мы поднимаем паруса.

Перевел с английского Андрей ЧЕРТКОВ

**Таксономия — теория классификации и систематизации сложноорганизованных областей действительности, имеющих иерархическое строение. Основы этой науки в применении к биологии заложил в XVIII веке шведский ученый Карл Линней.*

Дисплей-критика

Мария Семенова. **Волкодав.** — СПб.: Терра-Азбука, 1995. — 576 с. — 15000 экз. (п.)

Вопреки рекламным «воплям» на обложке, обещающим знакомство с «долгожданным русским Конаном», эта книга вполне достойна серьезного разговора.

В том, что это не коммерчески-сериальная поделка, меня убедили не главный герой Волкодав (хотя образ действительно цельный и достоверный) и не мир, описанный в романе (хотя и он обладает теми же достоинствами), а песни, предпосланные каждой главе.

Обычно в романах песни (стихи) играют подчиненную роль. Поэзия во «Властелине Колец» меня временами просто раздражала. Она была искусственна, это было наследие написанного для детей «Хоббита», наследие, от которого Толкин так и не смог отказаться. У Семеновой же поэзия удивительно органична. Ее песни не опираются на реалии романа, они свободны от его условностей, и я воспринял их так, будто они написаны о моем мире и обо мне.

Что же касается сюжета, то, как и всякая «героическая фэнтези», роман этот довольно прост, хотя совсем не примитивен. Постоянно чувствуется, что это *женский* роман. Герой — мужчина в квадрате. Но это именно женское представление о мужественности, воплощение женского представления об идеальном мужчине. Волкодав не сентиментален, хотя поступки его могут быть восприняты зачастую именно как сентиментальные (щенка спас, летучих мышек спас...). Для него женщина выше мужчины (в его роду царил принципиальный матриархат) — это, конечно, льет бальзам на душу феминисток, но лично мне кажется натяжкой. И все как один женские образы в романе — положительные. Герои же мужчины вполне обыкновенно расположились в диапазоне от садиста до ученого. Волкодав в этом ряду — точка отсчета, центр. Он сознательно ненавидит насилие. И в то же время прекрасно осознает, что сам он может защитить справедливость только одним способом — кулаком. Да, есть и другой способ, но этот способ для него закрыт. Это путь прощения. Путь обращения грешных. *Женский* путь.

Сергей Бережной

Книга Небытия: Сборник. — Днепропетровск: Сатня Юга; Харьков: Око, 1995. — 448 с. — (Сер. «Перекресток»). — 10000 экз. (п.)

Новый (третий по счету) сборник серии «Перекресток» удался не менее предыдущего, приобретшего немалую популярность прежде всего благодаря роману Г.Л.Олди (псевдоним Дмитрия Громова и Олега Ладыженского) «Сумерки мира». В «Книге Небытия» также помещен новый роман Олди «Ожидающий на Перекрестках».

Новый роман, с моей точки зрения, может произвести на любителей не меньшее впечатление, чем «Сумерки мира» — он динамичен, ярок, метафоричен, а литературно даже более совершенен. С выходом «Ожидающего на Перекрестках» стало понятно, что фэнтези Олди тяготеет скорее к постмодернизму, нежели к просто умной приключенческой фантастике: авторы все более склоняются к описанию психологически достоверных персонажей в символических и метафорических ситуациях, которые и разрешаться могут только символически и метафорически — то есть, как правило, психологически недостоверно. Что-то подобное — да и то в применении не к фэнтези, а к science fiction — мне попадалось только у Эллисона и Балларда.

Рассказы Е. Мановой и А. Печенежского, помещенные в этом томе, сами по себе неплохи, но, сильно проигрывая рядом с крупными произведениями, словно выполняют вспомогательную роль.

Роман Андрея Валентинова «Преступившие», завершающий книгу, поначалу производит впечатление политической однодневки — сюжет первых глав разворачивается вокруг вполне узнаваемых (хотя и явно «альтернативных») московских событий августа 1991-го. Однако автор довольно быстро отвлекается от политики и переходит к описанию событий магических и мистических. Причем в романе вполне на равных уживаются христианская философия, языческая и восточная магии, действуют оборотни, вампиры, а также межпространственные и межвременные каналы связи. Так что, вчитавшись в роман, оторваться от него довольно трудно. Судя по этому опыту, Валентинов — вполне перспективный автор, из которого, не исключено, может получиться отечественный Дин Кунц.

В общем и целом, «Книга Небытия» заслуживает самого пристального внимания читателей.

Сергей Бережной

Дэн Симмонс. **Гиперион.** / Пер. с англ. — М.: АСТ, 1995. — 664 с. — (Сер. «Координаты чудес»). — 22000 экз. (п.)

Наконец-то это удивительное произведение, одно из основополагающих в американской фантастике конца 80-х, увидело свет и в русском переводе! Редко можно встретить автора, умеющего писать так по-разному, так всякий раз непохоже на себя, как Дэн Симмонс. Композиционно роман задуман как рассказы шести паломников, выбранных для похода к страшноватому святилищу Шрайка — Гробницам Времени, движущимся навстречу временному потоку из будущего в прошлое. И каждая из этих шести исповедей совершенно самобытна, имеет свое, неповторимое звучание. Более того, складывается впечатление, что каждое повествование было задумано автором как выразительная иллюстрация к одному из ярко выраженных направлений, через которые прошла западная фантастика в XX веке. 20-е годы, период Лавкрафта и Гернсбека, жутковатые рассказы о необъяснимом и первые робкие мечтания об иных мирах — и «История священника». Субсветовые корабли и колонизация ближайших звездных систем на страницах журнала Джона Кэмпбелла 30-х и 40-х годов — и «История консула». Эпоха Хайнлайновских «звездных рейнджеров», «настоящих мужчин» 50-х — и «История солдата». Словесные эксперименты «новой волны» 60-х — и «История поэта». Период 70-х, когда время в фантастике, казалось бы, повернуло вспять, — и «История ученого». «Революционные» 80-е, виртуальная реальность киберпанка — и «История детектива», где как культовые герои поминаются «ковбои Гибсона». А все вместе, пронизанное незримыми связующими нитями поэзии Джона Китса, образует нечто совершенно новое, необычайно странное и необычайно привлекательное. Каждый отдельный рассказ позволяет взглянуть на конструируемую Симмонсом Вселенную под несколько иным углом, а все вместе

они открывают нам поистине головокружительную панораму. И все же первый роман дилогии оставляет «белые пятна» в судьбах героев и в облике мира, в котором они живут. Смертельные опасности, одновременно надвигающиеся на человечество в «Гиперионе», вполне способны как похоронить его, так и аннигилировать друг друга. Чем закончится судьбоносное паломничество и какой смысл скрыт за каждым из шести пророчеств (а рассказы паломников, несомненно, нужно понимать именно так) — все это остается загадкой для читателей первого романа.

Есть, однако, надежда, что второй, завершающий, том дилогии, «Падение Гипериона», обещанный издательством «АСТ», в самом скором времени даст ответы на все вопросы заинтригованных читателей.

Василий Владимирский

Дейв Волвертон. **На пути в рай.** / Пер. с англ. — М.: Александр Корженевский; Смоленск: Русич, 1995. — 620 с. — (Сер. «Сокровищница боевой фантастики и приключений»). 50000 экз. (п.)

Дебютный роман Дейва Волвертона, написанный на основе одноименного рассказа, удостоенного в 1986 году первой премии конкурса «Писатели будущего», в 1990 году занял второе место на соискание Мемориального приза Филипа Дика, уступив первое место роману Ричарда Пола Руссо «Подземная галерея», а также попал в список финалистов премии «Локуса» по категории «дебютный роман». Успех заслуженный. Не так уж часто даже увенчанному лаврами мэтру удается создать произведение, в котором столь органично сочетаются лучшие качества социальной, психологической, лирической и приключенческой фантастики. Кроме того, Волвертону удалось соединить пиротехническую стилистику современного киберпанка с традиционными приемами латиноамериканского магического реализма. Сам автор считает, что роман можно прочитать по-разному — и как занимательный, динамичный космический боевик, и как серьезную и горькую книгу размышлений о Пути, о Времени и о Месте в Жизни, которое, в конечном счете, приходится выбирать каждому из нас. Разумеется, автор не стремился дать универсальный ответ на все жгучие вопросы, поднятые в романе, однако главный его герой — дон Анджело, морфогенетик, солдат и простой человек Земли, — свой ответ на эти вопросы находит. Центральный среди них — общество и личность. И как быть, если ты — искусственно выведенный человек-химера, генетически запрограммированный солдат с гипертрофированным инстинктом территориализма. Эту теорию с труднопроизносимым названием автор использует для того, чтобы объяснить, почему бесплодна любая попытка создания «царства Божьего на земле», особенно если основана она на централизованном распоряжении любой территорией, принадлежащей гражданину, включая самую интимную из них — территорию его собственного тела. Как считает Волвертон, только сам человек, повинуясь собственному внутреннему голосу, может поделиться своей территорией с другими, не причинив ущерба себе.

Василий Владимирский

Джордж Мартин. **Умирающий свет.** / Пер. с англ. — М.: Александр Корженевский; Смоленск: Русич, 1995. — 442 с. — (Сер. «Спектр»). 30000 экз. (п.)

Джордж Мартин. **Путешествия Тафа.** / Пер. с англ. — М.: АСТ, 1995. — 672 с. — (Сер. «Координаты чудес»). 22000 экз. (п.)

Роман Джорджа Мартина «Умирающий свет» — одна из тех немногих постконвенционных книг, выпущенных в России за последний год-полтора, которые действительно заслуживают благосклонного внимания русского читателя. Этот роман — срез полудюжины культур, принадлежащих народам, чьи фестивальные города были построены на поверхности планеты-бродяги Урлорн, неприкаянно странствующей по населенному людьми Космосу. Автор четкими, беспощадно-холодными мазками набрасывает картину медленно пустеющей планеты, где сталкиваются люди, принадлежащие разным культурам, сталкиваются, чтобы полюбить или возненавидеть друг друга, спасти или погубить. Пожалуй, поведение героев Мартина слишком жестко детерминировано, а потому почти не способно изменяться под воздействием новых факторов. Однако это лишь один из элементов того специфического стиля Джорджа Мартина, который и придает его произведениям особое, одному ему свойственное очарование — очарование психологического этюда, мгновенной и точной зарисовки в холодных тонах. В «Умирающем свете» автор несколько отстраненно изучает порой непонятные, порой дикие и неожиданные поступки людей, чей характер раз и навсегда задан, а поступки предопределены окружением. Да, эти люди полностью являются продуктом своего общества, но тем интереснее изучать то, что происходит при столкновении двух или более людей из разных социумов. И хотя автор рационален, холоден и предельно логичен в своих построениях, его тексту свойственна некая мрачноватая поэзия, поэзия застывшего кристалла льда, сверкающего сотнями своих граней. Прав был Роджер Желязны, сравнивший произведения Мартина с прекрасно отшлифованными бриллиантами — искрящимися и совершенными в своей неподвижности.

Вторая книга Джорджа Мартина, увидевшая свет в последнее время, помимо заглавного квазиромана «Путешествия Тафа», состоящего из семи повестей, содержит также ранее публиковавшуюся повесть «Летящие сквозь ночь» (правда, в новом переводе) и пять рассказов. И повести, и рассказам (за исключением футбольного «Рывка к звездному свету») в полной мере свойственны все достоинства и недостатки «Умирающего света»: отсутствие динамики развития характеров, холодная отстраненность повествователя, мрачноватая поэтика образов и беспощадность портретов. В произведениях малой формы достоинства Мартина явно перевешивают недостатки — наверное, именно поэтому на его счету так мало крупных вещей. Что касается «Путешествий Тафа», то почти все повести, входящие в этот цикл, укладываются в ту же схему «истории будущего», по которой построен «Умирающий свет»: множество заселенных планет, несколько крупных торговых и военных центров, огромное количество человеческих культур, развивавшихся независимо друг от друга в период разрыва всех и всяческих связей, последовавший после войны с чужим разумом. В отличие от рассказов и повести, «Путешествия Тафа» куда более функциональны — отвлеченным размышлениям о судьбах людей и целых культур здесь противопоставлена конкретная демонстрация самых разнообразных способов, какими эти культуры могут загнать себя в экологическую катастрофу, а также многочисленных способов разрешения сложившейся кризисной ситуации — именно на этом и специализируется Хэвиланд Таф, любитель кошек, вегетарианец и — волею случая — владелец единственного корабля Общества Экологической Генетики, чудом сохранившегося с довоенной поры...

Василий Владимирский

«ХЬЮГО»-95

В августе 1995 года во время «Уорлдкона», Всемирного конгресса любителей фантастики, который на сей раз проходил в шотландском городе Глазго, состоялась церемония вручения премий «Хьюго».

По категории «лучший роман» премию (в который уж раз) получила ЛОИС МАКМАСТЕР БУДЖОЛД — за роман «Mirror Dance» («Танец отражений»), который за месяц до этого уже был удостоен премии журнала «Локус». Роман Буджолд — очередная книга из ее многотомного фантастико-приключенческого сериала о Майлсе Форкосигане с планеты Барраяр. Прошедшей осенью стараниями московского издательства «АСТ» с четырьмя романами из этого цикла («Осколки чести», «Ученик воина», «Игры форов» и «Границы бесконечности») смогли ознакомиться и русские читатели; издательство обещает в скором времени издать и другие книги Буджолд, в том числе и вышеупомянутый «Танец отражений». Похоже, наступает время, когда российские читатели смогут знакомиться с премированными романами западных фантастов спустя год-два после их выхода. Назову и другие романы, включенные в номинационный список премии «Хьюго-95». Это Джон Барнс «Mother of Storms» («Мать штормов»); Майкл Бишоп «Brittle Innings» («Хрупкие дамбы»); Нэнси Кресс «Beggars and Choosers» («Попрошайки и выборщики»); Джеймс Морроу «Towing Jehovah» («Иегова с бечевой»).

1995 год оказался удивительно щедр на «золотые дубли» или даже «тройники», что подтвердили итоги голосования и по категориям малой прозы. Так, в номинации «лучшая повесть» премию «Хьюго» получил МАЙК РЕЗНИК за повесть «Seven Views of Olduvai Gorge» («Семь видов Олдувайского ущелья», премия «Небьюла»); в номинации «лучшая короткая повесть» — ДЭВИД ДЖЕРРОЛЬД за рассказ «Tne Martian Child» («Марсианский ребенок», премии «Небьюла» и «Локус»); в номинации «лучший рассказ» — ДЖО ХОЛДЕМАН за рассказ «None So Blind» («Совсем не так слеп», премия «Локус»). При этом не стоит думать, что свои премии лауреаты получили так легко: среди номинировавшихся произведений были весьма достойные конкуренты — например, три повести Урсулы Ле Гуин («Forgiveness Day», «Solitude» и «The Matter of Seggri»), а также новые интересные вещи других прежних лауреатов «Хьюго» и «Небьюлы», таких, как Майкл Бишоп, Джоффри Лэндис, Терри Биссон и Кейт Уайлхелм.

Другие категории премии «Хьюго» особыми сенсациями не отличались, за исключением одной, но о ней чуть ниже. Итак, по номинации «критика/публицистика» премии была удостоена посмертно изданная книга воспоминаний АЙЗЕКА АЗИМОВА «I.Asimov: A Memoir» («А.Азимов: Мемуары»); по номинации «редактор» премию получил ГАРДНЕР ДОЗУА; по номинации «художник» — ДЖИМ БЕРНС; по номинации «оригинальная художественная работа» — БРАЙАН ФРОУД, автор иллюстраций к книге Брайана Фроуда и Терри Джонса «Lady Cottington's Pressed Fairy Book»; по номинации «фэнзин» — журнал «ANSIBLE», редактор Дейв Лэнгфорд; сам же ДЕЙВ ЛЭНГФОРД был премирован по категории «писатель-любитель»; лучшим же «художником-любителем» в очередной раз был назван ТЕДДИ ХАРВИЯ, автор огромного количества карикатур на темы фантастики и фэндома, появляющихся регулярно чуть ли не во всех основных американских фэнзинах. По номинации «драматическая постановка» премию получила одна из серий телевизионного НФ-сериала «Star Trek: The Next Generation» («Звездный путь: Новое поколение»), однако ничего удивительного в этом нет: во-первых, 1994 год был для фантастического кинематографа далеко не самым удачным — среди кинофильмов, вошедших в номинационный список («Интервью с вампиром», «Маска», «Звездные врата», «Звездный путь: Поколения») явный лидер не определился; во-вторых, указанная серия, которая называется «All Good Things» (что можно перевести примерно как «Всего хорошего!») стала финальной — этот сериал, который шел с 1987 года и был очень популярен среди американских фэнов, летом 1994-го закончил свое существование, уступив свое место сразу двум новым сериалам из того же цикла — «Глубокий Космос Девять» и «Вояджер».

А теперь обещанная сенсация. Ею стали итоги голосования по категории «полупрозин» — то есть «полупрофессиональный журнал фантастики». По правилам оргкомитета премии «Хьюго», в эту категорию попадают журналы, имеющие тираж менее 10 тысяч экземпляров и не входящие в общенациональную систему подписки. Почти два десятка лет премию по этой категории ежегодно получал «Локус» Чарльза Брауна, однако последние два года пальму первенства перехватил другой критико-информационный журнал, «Science Fiction Chronicle». На мой взгляд, этот журнал менее интересен, чем «Локус», но, видимо, фэны решили таким образом отметить энтузиазм редактора «Хроник» Эндрю Портера, который в отличие от Брауна с его многочисленной редакцией уже много лет выпускает свое детище практически в одиночку. А вот в 1995 году — впервые за много-много лет — премию получил не критико-информационный, а литературный журнал, да к тому же еще и не американский. Итак, новым лауреатом «Хьюго» в этой номинации стал английский журнал «INTERZONE» («Интерзона»). Любопытно, что главный редактор этого издания ДЭВИД ПРИНГЛ вот уже много лет шел на всевозможные ухищрения, дабы «Интерзона» ни в коем случае не вышла за рамки «полупрозина» — при том, что журнал в последние два-три года увеличился в объеме, стал ежемесячником, улучшил дизайн и полиграфию, повысил гонорарные ставки и потому в нем ныне помимо молодых авторов печатаются самые что ни на есть именитые англо-американские фантасты — а все для того, чтобы сорвать лавры лучшего «любительского» журнала. Что ж, мечта Прингла наконец осуществилась и теперь он может с чистой совестью добиваться новых достижений.

Последняя премия, врученная в Глазго, — это Премия Джона Кэмпбелла, которая присуждается самому лучшему «новому автору» последних двух лет. В 1995 году им стал англичанин ДЖЕФФ НУН, наиболее яркий (если не единственный) представитель такого своеобразного направления в фантастике, как «британский юмористический киберпанк».

Подготовил Николай ВИКТОРОВ

PERSONALIA ● PERSONALIA

СТАШЕФФ, Кристофер (STASHEFF, Christopher)

Американский писатель. Родился в 1944 г. Получил образование театроведа. Имеет степень доктора философии в этой области. Его писательская карьера началась в 1969 г. выходом книги «Чародей поневоле». Этот роман дал старт широко известному сериалу «Чародей», насчитывающему ныне уже более дюжины романов о похождениях неунывающего Рода Гэллуэгласса и его верного коня-робота на планете, где правит магия. Несколько романов Сташеффа относятся к сериалу «Волшебник» — «Волшебник в Бедламе» (1979 г.) и другие, пока не менее трех романов. В соавторстве со Спрэгом де Кампом работал над образом Гарольда Ши («The Enchanter Reborn», 1992 г., и другие). В 90-х годах Сташефф решил попробовать свои силы в жанре «твердой» научной фантастики, выпустив несколько книг о будущем завоевании космоса: «Компания звезд» (1991 г.), «Мы открываем Венеру»(1994 г.) и др., но все же он остается в первую очередь одним из наиболее популярных авторов в жанре юмористической фэнтези.

ЛОГИНОВ, Святослав Владимирович

(см. биобиблиографическую справку в №5, 1995 г.)

«Не знаю, как другие, а я физически не могу писать произведение, которое мне самому было бы неинтересно читать. Именно поэтому я начал писать фантастику, долгое время работал только в области фантастики и лишь относительно недавно освоил жанр научно-художественного очерка, начал писать историческую прозу и пробовать себя в труднейшем из жанров — сказке. Но всегда и всюду берусь только за такие темы, которые кажутся мне интересными».

С. Логинов.
Из антологии «День свершений»

ХАРРИС, Джон Бейнон (HARRIS, John Beynon)

Британский писатель, более известен под одним из своих псевдонимов — Джон Уиндем (полное имя автора — Джон Уиндем Паркс Лукас Бейнон Харрис). Родился в 1903 г. Писательская карьера разделяется на две неравные части: до второй мировой войны, когда писатель выступал в журналах под разными псевдонимами, используя всевозможные сочетания своих имен, и после войны, когда он «стал» Джоном Уиндемом. Первое НФ-произведение — «Миры в обмен» (Джон Бейнон Харрис, «Wonder Stories», 1931 г.). Многие его ранние рассказы собраны в книге «Блуждающие во времени» (1973 г.). Первый роман Джона Бейнона Харриса — «Потаенный народ» (1935 г.) — приключенческая фантастика для юношества о смелой попытке мелиораторов превратить пустыню Сахару в огромное озеро. Второй — «Уровень планеты» (1936 г.) и его продолжение «Спящие на Марсе» (1938 г.) — многоплановые приключенческие произведения о полете на Марс и сложных взаимоотношениях землян и марсиан. В своих воспоминаниях о тех годах британский издатель Роберт Ласти характеризует Джона Бейнона Харриса как робкого молодого человека без особых признаков таланта; никто не мог и предположить, что его ждет всемирная слава. После войны писатель диаметрально изменил направление своего творчества от космических приключений к серьезной прозе. Интерес Джона Уиндема обратился к земле, судьбам английского «среднего класса». 50-е — 60-е годы — пик славы Уиндема. В это время публикуются такие «программные» романы, как «День триффидов» (1951 г.), «Кракен пробуждается» (1953 г.), «Хризалиды» (1955 г.), «Кукушки Мидвича» (1957 г.). До середины 60-х он был, наверное, самым читаемым автором Великобритании. Писатель скончался в 1969 г. Его книги до сих пор регулярно переиздаются в разных странах мира, а в Великобритании произведения Уиндема включены в школьные программы по литературе, что для фантастики как жанра событие весьма редкое.

МАТЕСОН, Ричард

(см. биобиблиографическую справку в №6 за 1995 г.)

«Любимой темой Ричарда Матесона можно назвать паранойю в разных ее проявлениях. Он ее касается так или иначе во всех своих произведениях, будь то книги или сценарии кинофильмов, готика или современность. Так, в центре внимания фильма «Дуэль» (1971 г.), снятого Спилбергом по сценарию Матесона, — маниакальное преследование легкового автомобиля грузовиком. В фильме «Комнаты только для мертвых» (1973 г.) героиня мучительно переживает кошмар: ее муж бесследно исчез в туалете мотеля. Состояние женщины усугубляется тем, что окружающие не верят этому. Супруги, герои картины «Чужак внутри» (1974 г.), обуреваемы болезненным ожиданием внебрачного и чудовищного потомства. Да и самый знаменитый роман «Я — Легенда» (1954 г.), где один человек противостоит целому миру вампиров, по сути, не что иное, как «тайный кошмар параноика...» Из «Энциклопедии научной фантастики» Джона Клюта и Питера Николлса.

СИГЕЛ, Барбара (SEAGAL, Barbara) СИГЕЛ, Скотт (SEAGAL, Scott)

Рассказ «Чудовище Кровавого Моря» был опубликован в рамках популярной «фэнтезийной» серии «Магия Кринна», представляющей собой одновременно ролевую игру, в которой принимают участие любители фантастики Англии и Америки, и литературный цикл, выходящий отдельными книжными сборниками. В «движении» серии участвуют как мэтры, так и начинающие авторы. По мнению составителей, рассказ четы Сигелов — один из лучших в сериале. До этого произведения авторов публиковались в фэнзинах.

УЭББ, Дон (WEBB, Don)

Молодой американский фантаст. Его произведения неоднократно публиковались в различных журналах, в том числе таких известных, как «Эмейзинг» («Amazing») и «Интерзона» («Interzone»). Выпустил два сборника рассказов. Критика единодушно отмечает удивительно богатое воображение автора.

МУРКОК, Майкл

(см. биобиблиографическую справку в №2 за 1994 г.)

На вопрос корреспондента британского журнала «Интерзона» о наиболее ярких впечатлениях детства («Interzone», №1, 1995 г.) Майкл Муркок ответил: «Я рос в Южном Лондоне, в районе, который... был более всего подвержен бомбежкам во время войны (Майкл Муркок родился в 1939 г. — А.Ж.)... Поэтому я взрослел на фоне постоянно меняющегося ландшафта. Но в нем не было ничего пугающего для ребенка моего возраста. По сути, там мы были полностью свободны...» Образ горящего города, разрушающихся домов, меняющихся привычных окрестностей — но вместе с тем образ неизменного, живого, стабильного Лондона — сыграл колоссальную роль в мироощущении и, следовательно, творчестве Муркока. Горящий, но неизменный Лондон для него — символ противостояния хаосу, распаду. Этот образ постоянно присутствует в его книгах, хотя, в основном, «за кадром». В 1988 г. Муркок наконец-то воплотил свою давнюю мечту, выпустив роман объемом в 500 страниц «Мать Лондон» («Mother London»), где в характерной «околофантастической» манере позднего Муркока на фоне смешения героев и эпох языком Диккенса описал современную историю Лондона. На обложке ее британского издания — город, почти невидимый за языками пламени...

Подготовил
Андрей ЖЕВЛАКОВ

ЕСЛИ

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

ИНДЕКСЫ ПОДПИСКИ
73118, 39801